

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
С РОССИЕЙ И НАРОДАМИ
КАВКАЗА
В XVI—НАЧАЛЕ XX В.**

ГРОЗНЫЙ — 1987

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
С РОССИЕЙ И НАРОДАМИ
КАВКАЗА В XVI—НАЧАЛЕ XX В.

Печатается по решению ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР.

Редакционная коллегия:

Ш. Б. Ахмадов (зам. отв. редактора), **Н. К. Байбулатов**,
В. Б. Виноградов, **Н. П. Гриценко** (отв. редактор), **А. Г. Попов**, **А. И. Хасбулатов**.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода Чечено-Ингушского государственного университета **Л. Н. Колосов**, кандидат исторических наук **Г. Шипилов** (г. Москва),

✓ доктор филологических наук, профессор кафедры вайнахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета **И. А. Арсаханов**.

9 (с) 1 ББК 633 (2)
В 74

Темплан 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник посвящен актуальной проблеме — раскрытию взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией и кавказскими народами в XVI — начале XX в.

Политические, экономические и культурные связи великого русского народа с народами Северного Кавказа, в том числе с чеченцами и ингушами, зародились в далеком прошлом. Эти связи усилились в период завершения процесса объединения русских земель и создания Российского централизованного государства. Они стали постоянными со времени включения Астрахани в состав России (1556 год). Вскоре в этом городе появляются торговые люди с Кавказа, из Средней Азии, близких и далеких государств.

В первой половине XVI века, когда над народами Северного Кавказа нависла опасность порабощения и даже физического уничтожения со стороны шахского Ирана, османской Турции и Крымского ханства, усиливается ориентация кавказских народов на своего северного соседа.

В 1557 году произошло добровольное вхождение Кабарды в состав России. «Присоединение Кабарды к Русскому государству, — говорится в приветствии ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров СССР трудящимся Кабардино-Балкарской АССР в связи с 400-летием вхождения, — имело решающее значение в исторических судьбах кабардинского, балкарского и других народов. Оно обеспечивало этим народам возможность дальнейшего национального развития, спасло их от порабощения и истребления со стороны иностранных захватчиков, создало благоприятные условия для экономического и культурного общения с русским и другими народами нашей страны»¹.

¹ «Правда», 1957, 6 июля.

В XVII—XVIII вв. Иран и Турция клонились к упадку, их социально-экономический и культурный уровень был значительно ниже, чем в России. Русское государство развивалось по восходящей линии, в XVII веке сложился всероссийский рынок, что имело чрезвычайно важное значение для окраин государства, в том числе и для Северного Кавказа, способствовало сближению народов этого региона с Россией. Длительный и закономерный процесс завершился актом добровольного вхождения Северной Осетии в состав России в 1774 году и Чечено-Ингушетии — в 1781 году.

Вопросу о вхождении Чечено-Ингушетии в состав России было уделено большое внимание на широкопредставительной Всероссийской научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» (октябрь 1979 г.). В материалах конференции подчеркивалось, что «глубокое исследование и широкое освещение процесса формирования государственного единства народов Чечено-Ингушетии, всех народов Северного Кавказа в составе России позволяет более полно осмыслить и раскрыть совместную борьбу трудовых горцев и русского народа против социального и национального гнета, за торжество коммунистических идеалов, дает возможность до конца разоблачить измышления буржуазных фальсификаторов истории, пытающихся в искаженном свете представить дружественные многовековые связи трудящихся масс Северного Кавказа, в том числе Чечено-Ингушетии, с остальными народами нашей Родины»¹.

В этом процессе сближения и добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России решающую роль сыграл великий русский народ, оказавший огромную и многообразную помощь северокавказским народам, в том числе чеченцам и ингушам. Еще Ф. Энгельс указывал на прогрессивную роль России по отношению к Востоку. В письме к К. Марксу в 1851 году Ф. Энгельс отмечал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»². Самое главное — русский народ приобщил трудящиеся массы Северного Кавказа к революционно-освободительной борьбе против самодержавия, помещиков и капиталистов.

Чеченцы и ингуши не были изолированы от соседних народов — грузин, кумыков, дагестанцев, осетин, кабардинцев и дру-

¹ Бузурганов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980, с. 4—5.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

гих, эти народы оказывали благотворное влияние друг на друга во всех областях материальной и духовной культуры.

Связи чеченцев и ингушей с Грузией возникли в глубокой древности. Этому способствовал путь по Дарьяльскому ущелью. Предания повествуют, что еще в последних веках до п. э. грузины знали предков чеченцев и ингушей под именем дзурджуков. Грузия все время поддерживала добрососедские отношения с вайнахами и другими северокавказскими народами. Грузинские купцы вели торговлю с Северным Кавказом и Восточной Европой, свободно проезжали через земли вайнахов. Вайнахи много заимствовали из материальной культуры грузин. Уже в VIII—IX вв. из Грузии в Чечено-Ингушетию проникает христианство, а позже — грузинская письменность. Документы XVIII века свидетельствуют о том, что переписка грузинских царей с осетинскими и ингушскими старшинами велась на грузинском языке. Грузины положили начало книгопечатанию на Северном Кавказе (в г. Моздоке). В свою очередь чеченцы и ингуши не раз оказывали помощь Грузии в борьбе с иноземными захватчиками. Многие вайнахи находились на службе у грузинских царей.

С появлением русских городов на Северном Кавказе — Терского в 1588 году, крепости Святой Крест в 1722, Кизляра в 1735 и Моздока в 1763 году — сюда переселяется много армян и грузин, здесь они нашли новую Родину. Грузины и армяне сыграли определенную роль в развитии производительных сил края. После вхождения Грузии в состав России экономические связи народов Закавказья с Северным Кавказом и Россией усилились.

Издавна установились многосторонние связи Кабарды с Чечено-Ингушетией. В бассейне р. Терека образовались смешанные поселения из кабардинцев, чеченцев и ингушей.

Еще в древние времена складывались добрососедские отношения чеченцев с кумыками. Часть чеченцев соприкасалась с тюркоязычными народами, подвергалась влиянию тюркского языка. Как установили советские исследователи, некоторые реки Чечни носят тюркские названия: Гумс, Аксай, Яман-Су, Ярык-Су и др.

На территории Кумыкии находилось много чеченских селений, а в юго-восточной Чечне очень давно поселились кумыки, что говорит о дружеских связях обоих народов. В XVIII—XIX вв. экономические связи Чечни и Кумыкии усилились. В расположенные на восточной границе Чечни большие кумыкские торговые-ремесленные центры — Аксай, Элдери, Костек — приезжало много горцев, в том числе чеченцев и ингушей, для сбыта своих продуктов и предметов ремесла и покупки необходимых товаров.

Давними и интересными были отношения чеченцев, особенно ингушей, с осетинами. Связи вайнахов с Грузией часто проходи-

ли через Северную Осетию, а с постройкой крепости Владикавказ в 1784 году поблизости от нее появляются ингушские селения. Во второй половине XVIII века осетины, ингуши, чеченцы и другие горцы совместно осваивали плоскостные плодородные земли, что способствовало развитию производительных сил в этом районе.

Сближение и дружеские связи чеченцев и ингушей с другими народами Кавказа происходили прежде всего на экономической основе. Соседствуя друг с другом, они занимались материальной и духовной культурой. Важное значение имела совместная борьба против иноземных захватчиков.

Все эти проблемы нашли отражение в данном сборнике. В нем приводятся новые данные и суждения о взаимоотношениях Чечено-Ингушетии с Россией и кавказскими народами.

Проблеме политических взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI—XVII вв. посвящена работа **Т. А. Исаевой**. Автор на большом фактическом материале прослеживает динамику русско-чечено-ингушских отношений, показывает роль Чечено-Ингушетии во взаимоотношениях России с Кавказом и в расширении сферы влияния России на Северном Кавказе. В таком аспекте история русско-чечено-ингушских отношений освещается впервые. В основе русско-чечено-ингушских связей лежала, указывает автор, общность их внешнеполитических интересов. К 60-м годам XVII века политические связи с Россией установили многие чечено-ингушские общества. С этого времени усиливаются и торгово-экономические связи.

Н. П. Гриценко и А. И. Хасбулатов выдвинули и осветили проблему втягивания чеченцев, главным образом чеченцев-окочан, живших в Терском городе, во всероссийский рынок в XVII в.

А. И. Шавхелишвили прослеживает политические, экономические и культурные связи Грузии с Чечено-Ингушетией на протяжении более двух столетий (XVI—п. п. XIX в.). Большое место в статье занимают вопросы взаимоотношения чеченцев и ингушей с тушнами.

Т. С. Магомадова показывает важную роль дорог, проходивших от Терского города и по другим направлениям в Чечено-Ингушетию, Кабарду, Осетию и Закавказье. Этими путями пользовались не только торговые люди, но и русские и грузинские посольства.

Политические взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века исследуются в статье **Я. З. Ахмадова**. На основе новых архивных источников автор аргументированно доказывает, что в изучаемый период политические отношения между Россией и народами Чечено-Ингушетии

получили большое развитие и привели к повороту горских обществ в пользу выбора русской ориентации.

Ш. Б. Ахмадов, исследуя экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке, приходит к выводу, что основную роль в укреплении и развитии этих связей играли такие важные торговые центры, как Терки, Астрахань, Святой Крест, Кизляр, Моздок и др.

На основе опубликованных материалов и новых архивных источников автор показывает, что экономические связи Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII веке способствовали дальнейшему развитию чеченского и ингушского народов.

Акт 21 января 1781 года — важнейшее событие в историческом процессе вхождения чеченцев и ингушей в состав России — стал предметом исследования в статье В. Б. Виноградова и С. Ц. Умарова. Впервые публикуемый полный текст этого документа, являющегося подлинником рапорта кизлярского коменданта А. М. Куроедова на имя князя Г. А. Потемкина, обстоятельно анализируется и комментируется.

Указанный документ дает реальное представление об основных принципах и условиях принятия русского подданства политически и экономически устойчивыми сельскими обществами равнинной Чечни (с. Большой Чечен и Аджиджул), ставших во многом образцом для аналогичного документального оформления присяг со стороны сельских обществ Большой и Малой Чечни.

История лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией (к характеристике русско-чеченских языковых контактов дооктябрьского периода) рассматривается в статье Г.-Р. А.-К. Гусейнова. Используя архивные материалы, литературу и свидетельства информаторов, автор вносит определенный вклад в изучение одного из аспектов многовековых связей русского и чеченского народов. Г.-Р. А.-К. Гусейнов освещает причины влияния русского языка на чеченский язык, а также длительного использования в качестве основного средства общения между народами северокавказского региона так называемого татарского («тюркского») языка.

В статье Б. Б. Грановского прослеживается история русско-чеченских фольклорных музыкальных связей. Автор статьи обстоятельно освещает «кавказскую страницу» в биографии В. Ф. Одоевского, глубоко прослеживает его внимание к духовной культуре народов Кавказа. Большой заслугой Б. Б. Грановского является обнаружение им в рукописном архиве В. Ф. Одоевского потных записей шести чеченских песен, взятых из рукописи русского офицера И. Клингера, находившегося два с

половиной года в плену у чеченцев в середине XIX века.
✓ Б. Б. Грановский обосновывает светский характер напева этих песен.

✓ С. В. Татаева впервые делает музыковедческий анализ шести чеченских песен из рукописи И. Клингера. Автор раскрывает национальные особенности чеченского фольклора и критически подходит к оценке записей и публикаций первых образцов чеченского песнетворчества.

Прогрессивной деятельности русских просветителей XIX века среди кавказских народов посвящена статья Н. П. Гриценко.

В работе Б. А. Трехбрата рассматривается вопрос о формировании и источниках пополнения сельскохозяйственного пролетариата на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в.

Влияние буржуазных реформ 60—70 годов XIX в. в России на административное и судебное устройство в Терской области прослеживается в статье Э. Д. Мужухосвой.

Редколлегия выражает уверенность, что публикуемые в данном сборнике материалы явятся важным подспорьем в деле дальнейшего углубленного изучения различных проблем взаимоотношений народов северокавказского региона с Россией и Закавказьем в дореволюционном прошлом.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В 50-х годах XVI века, когда произошло окончательное образование и оформление русского централизованного государства, юго-восточная граница России была неустойчивой.

Близкое соседство с кочевыми улусами, постоянные набеги казанских, астраханских и крымских феодалов поставили Россию перед необходимостью прочно укрепить южные границы и обезопасить себя от грабительских набегов. Активизация политики царизма имела и другие социально-политические предпосылки.

Объединение страны, усилившее ее экономический потенциал, позволило России приступить к осуществлению одной из важнейших внешнеполитических задач — добиться на юге выхода к морю. Присоединение Казани и Астрахани «расширяло сферу распространения феодального землевладения на Среднее Поволжье, с одной стороны, с другой — обеспечило выход к Каспийскому морю»¹ и кавказским рубежам. Важным моментом в истории формирования Российского многонационального государства было включение в его состав в 1557 году Кабарды, Адыгеев, Черкесии и принятие мер для утверждения порубежных границ по Тереку. С целью укрепиться на Тереке был построен военный городок, названный Терским.

Политическое и военно-стратегическое значение Терков отражено в литературе довольно полно²⁻⁴.

Мы ограничимся указаниями на то, что Терский городок с его внушительным по тем временам военным укреплением, постоянным воинским гарнизоном, артиллерией, насчитывавшей 38 пушек, являлся не только опорным пунктом военных походов. Строительство этой крепости отвечало интересам кавказских народов, но одновременно служило политическим планам царизма на Северном Кавказе. После строительства Терков политические

и торгово-экономические связи северокавказских народов с русским населением стали постоянными и устойчивыми. Впоследствии, с изменением политической ситуации в этом районе, городок неоднократно сносился и восстанавливался вновь на прежнем месте.

✓ В 1588 году крепость Терки возвели на новом месте — в устье реки Терека, на одном из его притоков — Тюменке.

Особое место во взаимоотношениях России с народами Кавказа российское правительство отводило в конце XVI века Чечено-Ингушетии⁴. К сожалению, роль Чечено-Ингушетии в политических связях России с кавказскими народами и в установлении юго-восточных границ русского государства не нашла должного отражения в специальной литературе⁵. В последние годы вышел ряд работ по историографии и источниковедению Чечено-Ингушетии, что освобождает нас от обзора по истории русско-чечено-ингушских отношений⁶.

Контакты народов Северного Кавказа с Россией имеют глубокие исторические корни⁷.

Предпосылки русско-чечено-ингушских связей крылись в условиях социально-экономического развития Чечено-Ингушетии. Наиболее развитые отрасли хозяйства (земледелие, скотоводство, домашние промыслы) давали значительные излишки продуктов производства. Обменивать их в близлежащих русских городках было удобно и взаимовыгодно. Городки на Тереке были одновременно и центрами местной торговли. Так, Терский город имел три гостиных двора, торговые ряды, лавки. Дважды в неделю здесь собиравлись базары. Естественно, чеченцев и ингушей больше привлекали изделия тульских мастеров, русские ткани, меха и пр., чем привычные для них изделия местных умельцев. Заинтересованы были в приобретении русских товаров и представители зажиточных слоев населения.

Не менее важную роль в сближении Чечено-Ингушетии с Россией сыграли политические обстоятельства.

Известно, что в XVI—XVII вв. ряд чечено-ингушских обществ находился в феодальной зависимости от аварских ханов, казикумухских шамхалов, кабардинских и кумыкских князей, кахетинских царей⁸. Кабардинские и кумыкские князья овладели в XVII в. значительной частью равнинной территории Чечено-Ингушетии. Поэтому основной аспект ее внешней политики характеризовала борьба за возвращение и удержание равнинных земель⁹. В этом стремлении чеченцы и ингуши рассчитывали на помощь России.

✓ Кроме того, в XVI—XVII веках усиливается и борьба за господство на Кавказе Турции, Крымского ханства, Ирана. Их интересы здесь столкнулись с интересами царского правительства.

В 1571 году по настоянию Турции крымский хан вторгся в Россию, дошел до Москвы и сжег ее. Затем он потребовал от царя возвращения Казани и Астрахани, а также уничтожения Терского города. Позже, в 1578 году, на Кавказ вторглась 200-тысячная турецкая армия под командованием Мустафы-Леля-паша. Одно временно активизировался на Северном Кавказе крымский хан¹⁰.

Жестокие методы, применявшиеся султанской Турцией и шахской Персией в отношении кавказских народов с целью их подчинения, естественно, усиливали у них антитурецкие и антиперсидские настроения. Эти народы убедились, что «установление господства султана или шаха в том или ином районе Кавказа немедленно сопровождалось разорением, рабством и создавало опасность физического вырождения кавказских народов»¹¹. Поэтому борьба России с султанской Турцией и шахским Ираном имела для них особое значение. Угроза внешнего порабощения объединяла интересы различных слоев населения в поиске могущественного покровителя. В условиях сельскохозяйственной разоруженности народ возлагал руководство борьбой с внешним врагом на своих наиболее авторитетных «лучших» людей. В целом внешнеполитическое положение Чечено-Ингушетии было трудным.

Неоднозначной была и политика царского правительства с ее классовой направленностью и противоречиями, исходящими из несовпадения установок с возможностью их реального осуществления. В зависимости от политической ситуации, как отмечалось выше, русские укрепленные городки по Тереку неоднократно строились и сносились — в 1563, 1567, 1571, 1578 годах.

Не менее сложной была внутривосточная обстановка с ее классовыми противоречиями, патриархальными пережитками, феодальной разрозненностью в самой Чечено-Ингушетии. Тем не менее, наибольшую активность в северокавказской политике русского правительства проявили в последней четверти XVI века чечено-ингушские владельцы. Отчасти это объясняется тем, что чеченцы и ингуши были ближайшими соседями населения первых терских военных городков. Поселения чеченских обществ, окуки, мичкизы, шибуты отмечены в письменных источниках на правом берегу р. Терека¹². По данным источников конца XVI и первого десятилетия XVII века, кабаки Ибаковы, Мударовы, Шолоховы, составившие территорию так называемой Малой Кабарды, в междуречье Терека и Суижи и по правому берегу Терека не локализируются. Они появились здесь позже — в 20—30-е годы XVII века. Сохранился ряд челобитных того времени, в которых кабардинские князья просят царя разрешить им перевести свои «кочевые улусы» из «дальних мест в Кабарде на Терек и Сунжу»¹³.

Не случайно поэтому именно окочане — ближайшие соседи

первых русских городков по Тереку — являлись инициаторами русско-чечено-ингушских отношений. Важно и другое: земли, на которых находились поселения окочаи, имели наибольшее хозяйственно-экономическое развитие, что позволило окочаиам возглавить процесс объединения с Россией.

Интерес царского правительства к Чечено-Ингушетии объясняется прежде всего ее географическим положением — непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили удобные пути сообщения с Грузией. Первыми союзниками России на Кавказе стали окоцкие мурзы Ушурма и Ших. Они принимали самое активное участие в действиях России, направленных на сближение с народами Северного Кавказа и Грузией. Прямых указаний о местонахождении окоцких кабаков источники не дают. По нашему мнению, доказательно предположение Н. Г. Волковой о локализации окоцких поселений в XVI веке по р. Аргуно «недалеко от выхода реки на равнину»¹⁴. Судить о количестве окоцких кабаков и численности окочаи можно лишь предположительно. Есть сообщение, что в 1585 году войско Ших мурзы составляли 100 конников и тысяча пеших воинов¹⁵. Сам Ших писал в грамоте к царю Федору Ивановичу, что служат с ним царю слуг его 500 человек и еще терские казаки.

О князе Ушурме окоцком — отце Шиха — известно только, что он имел феодальное владение «улус» и с подвластными ему людьми служил царю Ивану Васильевичу. Вместе с сыном Шихом он, Ушурма, помогал воеводам в строительстве первых русских городков по р. Тереку. Умирая, Ушурма завещал сыну служить Москве так же честно и последовательно, как и он сам.

Как бы выполняя наказ отца, Ших мурза с подвластными ему людьми первым из северокавказских владетелей пришел служить в новый Терский городок на р. Тюменке. По его примеру стали появляться в городке и другие владельцы. В грамотах царя Федора Ивановича Ших величается князем. В них же упомянуты «Шихов юрт», «Шиховы кабаки» и «Шихов улус»¹⁶. Шиху, видимо, льстила такая титулатура со стороны царского правительства, с помощью которого он хотел закрепить свои феодальные права.

Источники конца XVI века говорят о весомом влиянии Шиха на формирование политической ориентации чеченских владельцев, чьи поселения располагались в районе левого берега р. Аргуна, в его предгорной части, а также в верховьях реки Чанты-Аргуна¹⁷. Под контролем Шиха находились фактически все наиболее удобные для сношения России с Грузией пути по Аргун-

скому ущелью. Владельцы земель, по которым намечались в XVI веке маршруты русских послов в Грузию, — феодалы земли Чачана и Тарлоя — приняли при посредстве Шиха обязательство служить царю. Подтверждением верности этих горских владельцев было для терской администрации то, что ручается за них сам Ших мурза окоцкий¹⁸.

Покровительства России искали не только феодальные верхи, но и крестьянское население, которое надеялось таким образом добиться ограничения произвола местных князей.

Ярким эпизодом политической деятельности Шиха в установлении дружественных отношений России с северокавказскими народами можно считать его участие в «шевкальских» делах. К концу XVI века в сфере политического влияния России находилась часть Кабарды, значительная территория Чечено-Ингушетии, ряд дагестанских владений. Территория же кумыкского шамхала, имевшая важное значение для утверждения на Каспийском побережье, не была подвластна России. Каспийское побережье открыло бы России новые возможности продвижения в Грузию и обеспечило бы торговые связи с Ираном по астраханскому пути. Шиху удалось привести Алкаса, сына Шамхала, к присяге царю. Этим были заложены прочные основы «шевкальского вопроса» — привести к присяге правителя кумыков шамхала и очистить путь к Каспийскому побережью¹⁹. Успех Шиха в этом направлении создавал первую попытку решения шевкальской проблемы.

В царской грамоте от 1587 года князя Шиха просят пропустить через свои земли и оказать содействие в дальнейшем продвижении послам Р. Биркину и П. Пивову. Об оказании помощи русским послам в Грузию С. Звенигородскому и Т. Антонову идет речь в грамоте царя Федора Ивановича князю Шиху от 1589 года²⁰. В ней говорится об оказании военной помощи в защите Терского города. Наглядно и убедительно характеризуют эти грамоты посредническую деятельность Шиха в сношениях России с народами Кавказа, а также боевое содружество чеченцев и ингушей с русскими людьми.

Многим испытаниям подверглись русско-чечено-ингушские связи в 70—80-е годы XVI века. Политическая обстановка в басийне Терека и Сунжи осложнилась, Россия была занята в Ливонской войне и не могла оказать своим северокавказским союзникам активной военной помощи в их обороне от Турции, Крыма и Ирана. Она не могла защитить своих вассалов даже от враждебных действий тех владельцев, которые ориентировались в своей внешней политике на Турцию и Иран. Крепости на Тереке неоднократно сносились. Военные гарнизоны, как правило, отзывались. После смерти в 1570 году Темрюка Идарова в фео-

дальних верхах Кабарды усиливалась позиция тяготевавших к Крыму и Турции.

Упраздняя по настоянию султана Терскую крепость, царское правительство, по-видимому, оставило под начальством Шиха солидный отряд казаков. Это подчеркивает Ших в грамоте к царю Федору Ивановичу от 1588 года. «После того, как велел еси государь те города (Терские городки 1563, 1567, 1571 годов. — Т. И.) разорити, — пишет он, — и мы тогда с твоими государевыми и терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили»²¹. О том, что они выполняли под руководством Шиха «различные государевы службы», писали в 1586 году в челобитной к московскому царю терские атаманы и казаки²². Ших мурза с зависимыми от него окочанами и казаками создал в междуречье Терка и Сунжи заслон продвижению турецко-персидских войск на Кавказ, оказывая и этим существенное влияние на формирование юго-восточных границ русского государства. Значительную роль играл Ших в посольских отношениях: провожал царских послов в Грузию, на обратном пути встречал их у самой границы Грузии и вел до Терского города, ездил сам или посылал своих людей выяснить нужные терской администрации вести о политической ситуации в различных уголках Северного Кавказа и Грузии, поставлял продукты жителям Терского города, принимал участие во всех внешнеполитических актах России того времени.

В источниках конца XVI века проглядывает прямая и тесно налаженная связь окоцкой земли с Грузией. В посланной царю через Батая грамоте Ших среди прочих своих заслуг подчеркивал и ту, что он «послал слугу своего в Грузию с вестью о послах». Политическая роль Шиха приметна и за пределами окоцкой земли.

В 1589 году в окоцкие кабаки передать Шиху приглашение в Терский город был послан стрелецкий сотник. Прибыв в Шиховы кабаки, он доносил отсюда воеводе, что при нем «в ту же пору приехали к Шиху от Александра два человека — Баграм Казаюв да Келияма Халеев. Аговорили ему, что царь Александр прислал к Шиху мурзе про государевых и про своих слов проведати»²³.

Посредниками в русско-грузинских связях были окочане и после смерти Шиха. Так, при посольстве в Грузию И. А. Нащокина и И. Леонтьева (1601—1603 гг.) терской администрации нужны были сведения о политической ситуации в Грузии: не опасно ли посылать к грузинскому царю послов? С таким поручением посылают «с Терки к Иверскому к Олександру царю в Грузию»... «Терских жилецких черкас, Окоцких выходцов Яная, Ахина, Дидея, Мостопарова». Окочане передали царю Александру письмо с

Терков, разузнали политическую обстановку в Кахетии и с гонцами от кахетинского царя вернулись в Терки²⁴.

Наивысшим этапом в истории взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией стало подготовленное всем ходом развития русско-чечено-ингушских отношений посольство в Москву от князя Шиха, возглавленное племянником Шиха Батаем (1588 г.). Это посольство явилось как бы конечным воплощением поставленного окошкими мурзами вопроса о подданстве и протекторате России.

Изложив в грамоте Федору Ивановичу все свои службы, Ших поручил Батаю просить царя, чтобы «государь дядю его Шиха князя и весь его кабак пожаловал и держал под своею царскою рукою; а он (Ших. — Т. И.) государю рад служить и со государевыми воеводами с Терскими из всякого государева недруга стоять хочет и где государь велит ему итти на свою государеву службу и он готов на государеву службу»²⁵. В данном случае речь идет не о союзнических отношениях Шиха с московским царем. Ших прямо просит русского подданства и покровительства.

Идя навстречу желанию Ших мурзы и желая официально оформить подданство Шиха, государь распорядился взять у Шиха заложника. Ших мурза привел к терскому воеводе «в заклад... племянника своего Батая»²⁶. Таким образом, в 1588 году под власть Московского государства отошла очень важная в плане дальнейшего продвижения на Северный Кавказ и в Закавказье территория окошкй земли.

Видимо, авторитетное положение Шиха, его непосредственное общение с самим царем, а может быть, даже его политическая ориентация не нравились некоторым северокавказским владельцам, и они пытались опорочить Шиха в глазах русской администрации на Тереке. Иначе трудно объяснить оправдательный тон его грамоты царю²⁷. «Для тебя яз в Железных Воротах много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков и яз Ших мурза в головах, тебе служачи. Индлли словет город не ним 7 городов взяли есми...». В конце грамоты он прямо говорит: «А черкасы и Арысламбек сомною не в дружбе, а для того оне сомною не в дружбе, что яз тебе великому князю белому царю служу»²⁸.

Дважды, в 1586 и 1594 годах, писали царю атаманы, что они выполняли на Тереке различные государственные службы во главе с Ших мурзой окошким, что Ших мурзе от Шамхала (стремившегося помешать сближению кавказских народов с Россией) и «горских людей теснота великая». «Шевкал и горские люди преследуют его по дорогам и хотят убить. Ему в Окуках прожить не мочно. Хочет ехать в Астрахань»²⁹.

Конец XVI — первое десятилетие XVII века были периодом

«смут и неурядиц» не только в России, но и на Северном Кавказе. Этой обстановкой и воспользовались враги Ших мурзы. Вероломно расправившись с Шихом, кумыкский князь Ахматхан пытался переманить окочан к себе. И многие другие «горские князи и мурзы» призывали окочан к себе, но безуспешно. Покинув свои дома, 160 окоцких семей переселяются в конце XVI века в Терский город³⁰.

Важным звеном в юридическом оформлении подданства была присяга. Присягу на верность царю дал в 1589 году ингушский владетель Салтан-мурза — хозяин Ларсова кабака, крупный феодал, имевший в горах земельные угодья, зависимое население и контролировавший вход в Дарьяльское ущелье.

Из материалов русских посольств XVI века в Грузию видно, что, помимо упомянутого Аргунского ущелья, послы могли пройти в Грузию, направляясь вверх по Суиже до одного из притоков Терека — р. Быстрой, далее по левому берегу Терека через Ларсов кабак, Дарьял, Черешашев кабак и Сонские земли. Один из важнейших участков этого пути проходил через кабак Салтана-мурзы и далее через Ингушский Черешашев кабак³¹. Через земли и Ларсов кабак Салтана прошли посланники в Грузию Родион Биркин и Петр Пивов. Салтан указал послам наиболее удобную для продвижения дорогу в Грузию и в провожатых послал своих людей.

Позже послам С. Звенигородскому и Т. Антонову Салтан-мурза сказал о желании быть подданным с большей настойчивостью: «...Хочу государю ж служить по свою смерть, как государю вашему служил брат мой Ших мурза Окутцкой, и на непослушников государевых со государевыми воеводами и с Кабардинскими князи ходити готов и на том государю правду даю, шертую ...и в заклад брата своего или сына пошлю в Терский город с вами вместе, как пойдете на Грузинские земли». Каким же поручительством от царя хотел заручиться Салтан мурза? Он говорит об этом совершенно определенно: «чтобы мне было в государеве жалованье надежду быть и иных бы кабаков князи меня не обидели»³².

Здесь очень четко выступает классовая позиция Салтана-мурзы, его социально-экономическая заинтересованность в службе царю. В ответ за службу он рассчитывал на военную помощь России и денежное жалованье, т. е. в основе его политики лежали интересы феодала.

Особое значение имеет сообщение источника, где сказано, что Семел Звенигородский и Торх Антонов «Салтан мурзу к шерти привели по той же записи, по которой приводили Кабардинских князей и мурз». Важен и тот договорный пункт грамоты Салтану, в котором послы обещают Салтану, что «государевы

воеводы по государеву указу учту тебе на твоих недругов рать давати с вогненным боем»³³, то есть, присяга ингушского владельца Салтан-мурзы была закреплена именной царской грамотой.

Внешнеполитическое положение северокавказских владельцев было таково, что они оказывались, примерно, в такой же ситуации, в какой была феодальная Грузия — формальным вассалом Ирана, данницей Турции и протееже московских царей³⁴.

В этой связи определенный смысл имеет сообщение из грамоты Шиха царю Федору Ивановичу о том, что он «к Турскому и Крымскому не приставал». Эта же последовательность политической ориентации Шиха отмечена в царской грамоте от 1589 года. В ней ставилось в заслугу Шиху то, что он «с отцом своим с Ушары мурзою, нам служа, х Турскому и х Крымскому не пристали, — а которые Турскому и Крымскому примили, — я вы тех с нашими казаки воевали»³⁵.

При дипломатических встречах с представителями иностранных держав русские представители с 1589 года в числе вступивших в подданство называли Окоцкого, «Оварского» и «Черного» князей, «мичкизскую», «Окоцкую землю»³⁶. Наименование «Окоцкая земля» могло быть в данном случае употреблено в широком смысле — как общее название территории Чечено-Ингушетии.

В целом же под покровительством России к концу XVI века находилась территория равнинной и юго-восточной Чечни, а также имевший важное торгово-экономическое и военно-стратегическое значение район Ингушетии — Дарьял и Ларсов кабак.

Тому, что государственной границей России стала к концу XVI века р. Терек, в немалой степени способствовали военно-политические успехи Шиха по упрочению позиций правительства на Северном Кавказе. Военно-политическая служба чечено-ингушских владельцев была обусловлена, главным образом, исторической действительностью, трудной внешнеполитической обстановкой и их классовыми интересами. Объективно политика князей отвечала политическим и торгово-экономическим интересам чечено-ингушских общинников.

В форме присяги закреплялось подданство чечено-ингушских «земель», а также входивших в них «обществ» и в последующие века³⁷. В условиях разобщенности чечено-ингушских «землиц» и отсутствия государственности присяги должны были время от времени повторяться. Как правило, после смерти владельца подданство России подтверждали его наследники.

В 1605 году с целью подтвердить подданство России и заручиться поддержкой нового царя отправилось из Чечено-Ингушетии в Москву посольство Батая Шихмурзина. С Батаем выехали пять его узденей и слуга. Одновременно выехал и Супча-

лей Инглычев Черкасский. Важно то, что в челобитной к царю Батай просил дозволения купить ему «про свой обиход пансырей и шоломов и шапок железных и наручей на себя и на свои люди, 15 человек»³⁸.

В течение XVII столетия неоднократно приезжали на правительственный прием в Москву окопские мурзы Кохостровы. Документы этого времени с подробностью воссоздают торжественный церемониал приема в Москве и «отпуска» мурз Кохостровых и их узденей³⁹. Их отпускали домой с богатыми дарами; сопровождали их на обратном пути посланные царем толмачи⁴⁰.

Письменные источники XVII века сохранились неравномерно, лишь за отдельные годы. Они показывают динамику русско-чечено-ингушских отношений. Разновременные источники XVII века — за 1614, 1618, 1647 годы — говорят о подданстве населения 36 мичкизских кабаков, раскинутых «вверху от Терка реки в гребнях в самых крепких местах близко гребенских казачьих городков». В сфере политического влияния России находились к середине XVII века почти все известные нам общества чеченцев и ингушей.

Особый интерес в этом плане представляют события, связанные с борьбой кабардинских мурз совместно с другими народами против «ногайских татаров». В ноябре 1616 года кабардинский князь Шолох объединенными силами кумыкских и ногайских войск напал на кабаки придерживавшегося русской ориентации кабардинского мурзы Казыя Шапшукова, кабаки разорили и выжгли, Казыя убили в схватке. Три года спустя с просьбой дать в помощь «государевых ратных людей» для нападения на ногайские улусы обратились к терскому воеводе Н. Д. Вельяминову племянник убитого Казыя Алегук и другие кабардинские князья. В поданной воеводе челобитной мурзы писали, что «с кабардинскими князи... готовы все с головами своими и безлейские и кумиргинские и жапские черкасы... и мерезинские и шибукские и тшанские и колканские и мулкинские и многих горских земель люди все против ногайских людей заодно стояти»⁴¹.

Интересен сам перечень локальных групп чечено-ингушского населения: мереджой, шатоевцы, мулкой, калканцы. Возможно, эти горские общества чеченцев и ингушей и не состояли на постоянной царской службе, но, несомненно, они были подвластны России и оказывали ей по мере надобности военную помощь.

В 1627 году клятву верности России дали на Коране жившие в Притеречном районе Лаварсанко Языев и Затышко Лаварсанов за себя и за 20 дворов шибутян. Обещали служить «и ясақ давати по кулю меду на год». Несколько лет спустя, в 1647 году, подданство России закрепили три «шибутских» (Шатоевских. — Т. И.) кабака: Тумцов, Шандаров и Уйшев. Ряд горских

обществ шатоевцев присягнули в подданстве России в 1658 году⁴².

Чрезвычайно важное значение имеет выдержка из челобитной кахетинского царя Теймураза Давидовича, поданной царю Алексею Михайловичу на приеме в августе 1658 года, где он пишет: «...Да со мною же приехали Киштинские земли 3 человека, а Киштинская земля к нам на прямой дороге стоит. И меня по твоему государеву указу Тушинская и Киштинская земля обе будут меня, подданного твоего провожать, потому что обе те земли тебе, великому государю, преклонны и служат»⁴³. Надо заметить, что о первичном подданстве просили лишь горные общества шибутян и часть мичкисских обществ. Все же остальные, известные нам по документам этого времени чечено-ингушские общества и представители феодальных слоев населения, подтверждали давнюю приверженность к России.

Интересно, что с конца XVI века определились дипломатические и торгово-экономические пути, связывающие Чечено-Ингушетию с Россией и Россию с Грузией. Определенные, иногда наибольшие участки пути русских послов в Грузию проходили по территории Чечено-Ингушетии. Дипломатические миссии XVI—XVII веков были и хорошо организованными разведочными экспедициями. С ними связано непосредственное знакомство русских людей с населением предгорной и горной Чечено-Ингушетии. Послам Р. Биркину и П. Пивову (1587—1588 гг.) предложили в Терском городе следующий маршрут пути в Грузию: земли Кумуки, Оуки, Мичкизы, Индили, Шибуты, Алкасов кабак, Сонские земли⁴⁴. Этот наиболее известный и удобный путь сообщения Чечено-Ингушетии с Россией и России с Грузией шел от Терков, по кумыкской земле до Сунженского городища, по окоцкой земле и правому берегу р. Арруга, через Чанты-Аргун и сворачивал на юго-запад к «Сонским щелям» и Сонской земле.

Материалы статейных списков послов, как правило, не дают названий тех дорог, по которым прошли послы. Русские служилые люди, местная администрация, лучше знакомые с местностью, знали названия дорог, по которым они общались с местным населением. Поэтому источники этого времени донесли до нас упоминания об Осмаповской, Мичкисской, Грузинской, Дагестанской, Черкасской и Кабардинской дорогах. На различных участках пути их маршрут проходил по территории Чечено-Ингушетии.

В документах первой половины XVII века по разным случаям упоминается «Осмаповская дорога»⁴⁵. По ней осуществлялась связь Дагестана с Кабардой и северокавказских народов с Россией. По нашему мнению, она шла из Кабарды вдоль Терского

хребта, мимо современной станицы Горяченсточенской, пересекла Сунжу южнее Сунжепских городков 1635, 1651 и 1653 годов и далее через Качкалыковский хребет, через чеченские земли мичкизов и ауховцев выходила к Таркам.

Ориентиры Османовской и Мичкинской дорог во многом совпадают. Мичкинская дорога шла от устья Сунжи через те же чеченские земли, выходила к аулу Дарго. От Дарго путь шел к шамхалу Тарковскому.

С другой дорогой, шедшей из Терков в Грузию, познакомили русских послы С. Звенигородского и Т. Антонова (1589—1590 гг) посланцы грузинского царя Александра. Они предложили послам «идти на Метцкие гребни, на Шихово племя, на Бурнашеву да Амалееву землю, да на Бацкие гребни»⁴⁶.

В общих чертах этот путь реконструируется следующим образом: Метцкие гребни связываются с названием общества «дальних кистов» в верховьях Аргуна и его цова-тушинской форме — Митхо. Название «Шихово племя» сопоставляется с хевсурами. Этноним «Бурнашева земля» этимологическому объяснению, к сожалению, не поддается. Амалееву землю А. Н. Генко выводит из названия селения Омало в Тушетии⁴⁷.

Однако послы избрали иной маршрут. Путь их прошел по Сунже до одного из притоков Терека — р. Быстрой, далее по левому берегу Терека через Ларсов кабак, Дарьял, Черешашев кабак и Сонские земли⁴⁸.

Для сообщения России и Грузии служили и другие, проходящие по территории Чечено-Ингушетии, пути. Одной из таких дорог прошло посольство Ф. Ф. Волконского и А. Хватова в Грузию (1638 г.). К сожалению, само описание пути начинается со времени прибытия русских послов в Мундаровы кабаки⁴⁹. Отсюда они свернули в одно из правых боковых ущелий р. Терека — ущелье по р. Армхи, где находилось владение ингушского феодала Хавсы, и далее прошли через земли каракалкашцев⁵⁰.

Под Грузинской дорогой в отписке терского воеводы П. П. Головина в Посольский приказ (1615 г.)⁵¹ подразумевался путь в Грузию через Дарьял, которым прошли русские послы Р. Биркин, С. Звенигородский, М. Татищев, И. Нашокин. Грузинская дорога охватывает отрезок пути от Ларсова кабака до Дарьяльского ущелья и далее — Сонской земли.

«Черкасская дорога» описана в посольских материалах конца XVI века. Эта дорога предполагала два способа продвижения в Грузию: в одних случаях под «Черкасской дорогой» подразумевался путь из Сунженского городка вдоль левого берега Сунжи до Мундаровых кабаков и кабаков Чми, Балты и Ларса. В других случаях, направляя послов по «Черкасской дороге», их маршрут ориентировался на владения Шиха, р. Аргун и через

Аргунское ущелье на ингушский Черербашев кабак и Соиские земли. В обоих случаях один из значительных отрезков «Черкасской дороги» проходил по территории Чечено-Ингушетии.

Эти обстоятельства лишний раз подчеркивают выгодность географического положения Чечено-Ингушетии для связи России с Грузией. Показывают они и то, что прохождение русских послов по чечено-ингушским землям стало возможным благодаря установленным отношениям Чечено-Ингушетии с Россией.

Говоря о характере русско-чечено-ингушских отношений в целом, нужно отметить, что в XVII веке, в особенности с середины XVII века, развивались они на базе сложившейся общности внешнеполитических и торгово-экономических интересов. В XVI—XVII веках чеченцы и ингуши видели в России надежную защиту от притеснений Турции, Ирана, крымского хана; с ней они связывали перспективу своего дальнейшего экономического и политического развития.

¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в. М., 1963, с. 180.

² Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 70.

³ Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 27 и др.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1, 1578—1615 гг., М., 1889, с. XVIII. Кабардино-русские отношения, т. 1, М. 1957, с. 20, 26, 28, 457, 897.

Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 74.

Кушева Е. Н. Указ. соч.; Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII веков. — Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976; Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси. — Вопросы истории, № 10, М., 1970, и др.

Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — КЭС, т. 1, М., 1955; Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России. — КЭС, т. VI, М., 1976; Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XV—XVII веков как этнографический источник. — КЭС, т. VI, М., 1976; Магомедов М. А. Краткий обзор источников и исследований по истории русско-чечено-ингушских отношений в XVI—XVII веках. — Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. XI, Грозный, 1977; Там же: Исаева Т. А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII веке и др.

⁷ Крушинов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961; Он же: Средневековая Ингушетия. М., 1971; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1923—1932 годах. Грозный, 1963; Марковни В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна. Древности Чечено-Ингушетии, М., 1963; Гаджиев В. Г. Исторические связи Дагестана с Россией. — Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР, ИИЯЛ, т. XIII, сер. история. Махачкала, 1964; Он же: Роль России в истории Дагестана. Тавкаля Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. — АЭС, Грозный, 1968; Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1969; Мужухоев М. Б. Об одной категории

позднесредневековых украшений ингушей. СА., 1972, 4; Гриценко Н. П. Истоки дружбы Грозный, 1975 и другие.

⁸ Лавров Л. П. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978, с. 15.

⁹ Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. IX, ч. 1, Грозный, 1974, с. 25.

¹⁰ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, М., 1965, с. 71.

¹¹ Боцвадзе Т. Г. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 30.

¹² Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1914, № 9, с. 73; Кушева Е. Н. Указ, соч., с. 71; Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке. — Известия ЧИНИИЯЛ, ч. III, т. IX, вып. I, Грозный, 1974, с. 21—22.

¹³ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII веках. т. I. М., 1957, с. 88, 93, 100, 120—123, 171, 239, 260—261 и др.

¹⁴ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. Москва, 1974, с. 167.

¹⁵ ЦГА Грузинской ССР, ф. 1037, д. 732.

¹⁶ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. I, 1578—1615 гг. М., 1889, с. 16—17, 102—103.

¹⁷ Исаева Т. А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке. — Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. XI, Грозный, 1977, с. 94—95 и др.

¹⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 80; Кабардино-русские отношения, т. I, док. № 38.

¹⁹ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 19, 38, 54, 77, 89, 113, 234; Гаджиева С. Ш. Кумыки, М., 1961, с. 48.

²⁰ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 102.

²¹ Белокуров С. А., Указ. соч., с. 64.

²² ЦГА Грузинской ССР, ф. 1087, д. 732.

²³ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 64, 128.

²⁴ Там же, с. 348.

²⁵ Там же, с. 63.

²⁶ Там же, с. 131.

²⁷ На оправдательный характер грамоты Шиха обратили внимание В. Б. Виноградов и Т. С. Магомадова в своей статье «Одни из северокавказских союзников Руси». — «Вопросы истории», 1970, № 10.

²⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 63.

²⁹ ЦГА Грузинской ССР, ф. 1087, д. 732.

³⁰ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 558—561; Кабардино-русские отношения, т. I, с. 94—96.

³¹ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. М., 1973, с. 156—157.

³² Белокуров С. А. Указ. соч., с. 150—151.

³³ Там же, с. 151—152.

³⁴ Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 28.

³⁵ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 64, 102.

³⁶ Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными, т. I, СПб., 1851, с. 991, 1107, 1265 и др.

³⁷ Бузуртапов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На веки вместе. Грозный, 1980.

³⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 518; Смутное время Московского государства. — Акты времен Лжедмитрия I. Чтения ОИДР, СПб., 1918, кн. I, с. 328.

³⁹ Серия этих же источников выявлена Е. Н. Кушевой и входят в

подготовленный ею к печати сборник документов «Русско-чечено-ингушские отношения в XVI—XVII веках». Ссылками на документы ЦГАДА мы обязаны Е. Н. Кушевой.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1621, № 3, л. 1—4; Там же: ф. Кумыкские дела, 1621, № 1, л. 35; Там же: ф. Кабардинские дела, 1645, л. 82—98 и другие.

⁴¹ Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. V, 1609—1615, М., 1913, с. 528—532; Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в. (Извлечения из документов). — Уч. зап. Кабардино-Балкарского госпединститута, вып. 13, Нальчик, 1957, с. 108; ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1647, № 1, л. 386—387, 389—391; Кабардино-русские отношения, т. I, с. 97.

⁴² ЦГАДА, ф. Ногайские дела, 1628, л. 218—219; ф. Кумыкские дела, 1647, л. 2—3; Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ о присяге в русском подданстве, данной тремя кабаками шибукских людей. Там же: ф. Грузинские дела, 1658, ч. 3, л. 21—24. Грамота из Посольского приказа в Терский город о посылке в Шибутскую землю дворянина или сына боярского для приведения ее жителей к присяге в русском подданстве, для взятия в Терский город аманатов.

⁴³ Там же, Грузинские дела, ф. 1658, № 1, ч. 1, л. 86.

⁴⁴ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 33—35 и др.

⁴⁵ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 33—34, 132—133; Кабардино-русские отношения, т. I, с. 89, 152.

⁴⁶ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 128.

⁴⁷ Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей. Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. V, Л., 1930, с. 638, 697—698; Кушева Е. П. Указ. соч., с. 68.

⁴⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 147—153.

⁴⁹ Подлевков М. А. Материалы по истории грузинско-русских взаимоотношений, 1615—1640 гг., Тбилиси, 1937, с. 155—158.

⁵⁰ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа, с. 146; Она же. Статейные списки русских посольств XVI—XVIII вв. как этнографический источник. — КЭС, т. IV, М., с. 258 и др.

⁵¹ Кабардино-русские отношения, т. I, с. 38.

⁵² Исаева Т. А. Социально-экономическое положение Чечено-Ингушетии в XVII веке. Рукопись канд. дисс., с. 45—47 и др.

Т. С. МАГОМАДОВА

ВАЖНЕЙШИЕ ПУТИ РУССКИХ ТРАНЗИТНЫХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В XVI—XVII вв.

Немаловажное значение в осуществлении непосредственных и опосредованных политических и культурно-хозяйственных связей России с Кавказом в XVI—XVII вв. имели пути передвижения. Они сыграли большую роль и на начальном этапе процесса добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, который охватывает середину XVI—XVII вв.¹

Однако подробным исследованием древних, в том числе и международных дорог, проходящих через территорию современной Чечено-Ингушетии, никто специально не занимался². Первые попытки анализа и уяснения их с позиций ранних русско-кавказских связей были сделаны М. А. Поллеветковым. Он составил хронологическую таблицу и карту, раскрыл характер и цели передвижений московских посольств на Кавказе. Но М. А. Поллеветков специально не исследовал избранный нами вопрос, и предложенные им маршруты часто неточны³.

В монографии Е. Н. Кушевой собрано большинство упоминаний о северокавказских путях, приведено много дополнительных ценных сведений, дана точная ориентация части посольских дорог.

Вместе с тем, поставленный нами вопрос решается в ней неполно, пунктирно, без необходимой детализации. И вполне справедлив поэтому призыв Е. Н. Кушевой к специальному комментированию документальных данных о древних маршрутах для характеристики местных условий и форм русско-кавказских контактов, для уяснения подлинного уровня знаний России о своих южных соседях⁴.

Значительное внимание внутренним и транзитным дорогам на территории Чечено-Ингушетии XVI—XVII вв. уделила Н. Г. Волкова. В частности, изучая статейные списки русских дипломатических миссий XVI—XVII вв. на Кавказ, она составила карту посольских путей и краткое описание их, отметив, что пристальное «изучение посольских путей может быть предметом самостоятельного исследования»⁵.

Отдельные аспекты интересующей нас проблемы затронуты и освещены в работах Н. И. Штацько, В. Б. Виноградова, Т. А. Исаяевой, Г. А. Исагулова.

На основании критического сопоставления наблюдений вышеупомянутых исследователей и привлечения дополнительных источников мы попытались дать более полный анализ древних дорог по территории Чечено-Ингушетии, которыми пользовались или интересовались русские в XVI—XVII веках.

Одна из главных артерий Северного Кавказа — Дербентская дорога — шла от Азова в Дербент. «А идти де турскому царю из Азова подом на Бысленей, а от Бесленей на Кабарду, а ис Кабарды Асмановскою старою дорогою подле гор, мимо Горячего колодезя через Суиншу, а от Суинши мимо Тарки, а от Тарков па шах-Аббасов на первой на украинной город на Дербень», — так описывает путь предполагаемого похода турецких войск через Северный Кавказ в Закавказье астраханский воевода Н. Н. Одоевский в 1615 году⁶.

Важный отрезок этого пути — Османова дорога — ложится

на карту современной территории Чечено-Ингушетии. Название его связано с событиями 1583 года, когда турецкий Осман-паша с войском, шедшим из Дербента в Крым, «был побит на Терке» казаками⁷. Такая же участь постигла и крымского калгу Адиль-Гирея еще ранее (1578 г.), когда он шел с войском против Персии «мимо государя нашего город Терку и лез Суищу-реку у Горячево колодезя». Калга был разбит персами, а бежавшие назад войска настигнуты русским воеводой на Тереке и разгромлены наголову⁸.

В 1634 году терский воевода М. Пронский сообщал в Посольский приказ, что «збирается Шап-Гирей в Турской земле с турецкими и с крымскими со многими людьми и хочет де итти на Шахову землю войною через Терек и Суищу-реку Османовскою дорогою»⁹.

В источниках упоминается несколько важных «перелазов» от устья Терека до района «Горячих колодезей»¹⁰ и среди них один: «выше казачьих городков Верхнева Черленова на урочище на Добринском». Именно этот брод использовали при переправе на правый берег Терека «кумытские и кизылбашские ратные люди» при столкновении с людьми князя М. С. Черкасского и казаками в 1651 году («И перешед стали под горами против казачьих городков Верхнева Черленова»). Как раз в этом районе, выше современной станицы Червленной (между станицами Червленной и Николаевской), вплоть до недавних дней существовал наезженный брод через Терек, замененный уже в нашем веке капитальным мостом.

Далее Османова дорога идет «подле гор мимо Горячего колодезя». Информатор имеет в виду источники у подножия северного склона Терского и Брагунского хребтов от Брагунов до станицы Горячесточенской.

Проторенным ориентиром в транзитных международных передвижениях по Кавказу являлся перевоз через Сунжу. Неподалику от «Сунжинского» перевоза появились и первые русские крепости на Северном Кавказе. Одна из последних (1635 года) была построена непосредственно на перевозе, и с этой целью велись тщательные разведки местности. «Под городок место отыскали у Суищи-реки на Османовой дороге на Шихотном острове на верхней изголовьи»¹¹.

В 1651 году был построен один из последних Сунженских острогов в устье Сунжи. Администрация сочла нужным донести о нем в Москву точные данные: «...з дву сторон копать было рву нельзя, пришли реки, с одну сторону река Терка, от острогу 7 сажен, а з другую сторону река Сунша, от острогу 8 сажен...» От острога «до Асмановской дороги и перевозу лес большой же в длину напрямь по смете до Асмановской дороги и перевозу

верст с 7 и больше... А от острогу рекою до Асмановской дороги и перевозу по смете будет верст с 15 и больше»¹².

Сообщение этого же года князя М. С. Черкасского свидетельствует о перевозе через Сунжу близ впадения в нее реки Белой (Гумс), у подножья Качкальковского хребта, т. е. в том районе, где сейчас пересекает Сунжу железнодорожный путь, ведущий через Гудермес¹³.

В этой местности старожилы с. Брагуны называют некогда существовавший брод (гичу) «Тюмай-моз». Именно через этот брод, по преданию, пришел эпоним Борган из-за Аксая и основал в междуречье Терека и Сунжи селение Брагуны.

Так мы склонны реконструировать локализацию древней «Османовской дороги» — через Терек выше станицы Червленной, вдоль Терского хребта мимо станицы Горячесточненской и через Сунжу в районе города Гудермеса.

Фольклорная информация, собранная нами в 1972 году в г. Гудермесе, с. Брагуны, Горячесточненской, Червленной, дала дополняющие друг друга разнообразные сведения о древней дороге, проходившей здесь. Ориентиром ее называют Терек в районе Старого Юрта (современный Толстой-Юрт), северное подножье Брагунского хребта, брод через Сунжу «там, где кончается Брагунский хребет» и далее местность Гудермес, Исти-Су, Хасав-Юрт до Дербента. Дорога эта сохранила у населения название «Бланекъ» («Военная дорога»), «Говран некъ» («Конная дорога») и «Осман-некъ» («Османова дорога») ¹⁴. Каждое из этих названий скрывает реальную сторону характеристики «Османовой дороги» второй половины XVI—XVII веков.

Основной путь, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе — Кабардой и Грузией, — назывался в источниках «дорога в Черкасы», Черкасской дорогой. Один из важных отрезков ее проходил вдоль левобережья Сунжи в непосредственной близости от мест обитания чеченцев и вел затем по верховьям Терека через кабардинские и ингушские владения в Грузию.

Еще в 1562 году посылает Иван Грозный в Кабарду к Темрюку Г. С. Плещеева с войском, чтобы помочь кабардинскому князю укрепить свою власть над мятежными вассалами и разведать дорогу в Грузию¹⁵. В те же годы мы встречаем в источниках упоминание о посольстве грузинского царя Левана к Ивану Грозному. В 1563 году Дженкинсон, агент английской торговой компании и путешественник, давая советы грузинскому послу, указал ему дорогу возможных сношений с русским царем «через страну черкесов, на дочери которого царь недавно женился»¹⁶.

В 1564 году Иван Грозный отпустил грузинского посла. Путь его вместе с другими иностранными дипломатами лежал «на Аст-

рахань да на Черкасскую землю да и в Грузинскую землю...»¹⁷. Это первое документальное упоминание в русских источниках посольского пути в Грузию через Кабарду. Через два года в Кахетию был послан из Астрахани толмач Русин Данилов «проведывать дорогу в Грузинскую землю»¹⁸. Результатом поездки Данилова было посольство 1586—1587 годов в Москву от Александра Кахетинского с просьбой о покровительстве. В ответ на грузинское посольство в Кахетию отправилось первое Московское посольство Биркина и Пивова.

В статейном списке послы дают отчет о пути продвижения и, в частности, по территории современной Чечено-Ингушетии: «Пошли с Суншина городища в Грузинскую землю па Черкасы па Алкаса князя мимо горские землицы — Оооки, Кумуки, Минкизы, Индили, Шибуты»¹⁹.

В инструкциях, данных им, предписывалось «от Суншина городища итти через Черкасскую землю, которыми места пригоже, смотря по вестем и распрося тамошних людей и вожей, через Черкасы ли или па Шевкалы итти? Куды лутче, туды им и итти». Послы выбрали первый вариант, но несколько отклонились от наезженного маршрута, двигаясь от Сунженского городища, вероятно, по правому берегу Сунжи. Поэтому и названы в списке «горские землицы» вайнахов, лежащие восточнее и южнее дороги.

В 1589 году из Москвы в Грузию были посланы князь Звенигородский и дьяк Антонов. В документе, составленном послами, указан путь их продвижения, частично пролежавший по территории Чечено-Ингушетии²⁰. Этот отрезок дороги поддается довольно точному определению.

6 августа послы прибыли в Терский город. Здесь посольству дали совет идти «на Суншу», где «государевы головы в остроге».

4 сентября послы вышли из Терского города и через четыре дня подошли к Сунже «и стали от острогу версты за две».

В период с 8 по 14 сентября послы развили здесь обширную дипломатическую деятельность: «...вся Кабарда и Оварская и Черная земля под государеву руку преклонились».

Дальнейший путь к Дарьялу лежал по левому берегу Сунжи. С 14 по 16 сентября послы задержались у Горячего колодезя. «...И послы.... пошли от Горячего колодезя сентября в 17 день; и в том числе стояли на реке на Сунше в нижней луке. А в 18-м числе стояли на Холопенском городище, что был город Темиррекса. А в 19-м числе стояли на реке на Сунше в ровной луке. А в 20-м числе стояли на речке Быстрой. А в 21-м числе стояли на реке на Терке, по левой стороне Олкасова кабака. А в 22-м числе стояли, перешод двжды Терку реку в Черных горах».

Первым из ориентиров является «Горячий колодезь». Мы уже

знакомы с ним. «Горячий колодезь» лежал и на Османовой дороге. Он отождествлялся нами с источниками у подножья северного склона Терского хребта вплоть до станицы Горяченсточенской. Дневной переход конного обоза составляет приблизительно 25—30 км. Именно в пределах этого и расстояние от Сунженского острога до Горяченсточенскй.

«Нижняя лука» — явно соответствует географическому и рельефному признаку речного сунженского побережья. Сунжа в своем течении очень извилиста. Возможно, что один из таких крутых поворотов в нижнем течении Сунжи и был назван «нижней лукой».

Если отложить от предыдущей остановки послов предполагаемый нами дневной переход в 25—30 км и помнить, что он должен вывести посольство к Сунже, преодолев довольно высокую преграду — Терский хребет, то «нижняя лука» окажется где-то в районе восточных окраин нынешнего города Грозного. А тут Сунжа действительно очень петляет.

Спустя день послы стояли на «Холопенском городище, что был город Темирксака». В районе предполагаемого ориентира на правом берегу Сунжи есть крупное селение и местность Кулары. Название это тюркское: кьул — раб, ляр — суффикс множественного числа, т. е. рабы. По преданиям, в эпоху монголо-татарского владычества на Северном Кавказе здесь существовал рынок рабов.

На противоположном, т. е. как раз на левом берегу Сунжи расположено огромное раннесредневековое городище, ныне известное под названием Алхан-Калинского. Оно зовется по-чеченски «Гуларийи-саыгарш» — куларинские рвы. П. Бутков в 1825 году называл этот древний город на Сунже «Куллар»²¹. Для людей, владевших тюркским языком, нетрудно было уяснить связь этого термина с тюркским понятием «кьуллар» — рабы.²² Но русское название (Холопенское городище) является точным переводом местного топонима: городищем в то время называли руины заброшенных древних поселков и городов, а холоп — это раб.

Топоним Холопенское городище встречается неоднократно и в источниках XVII в. Так, в 1616 году поехал с Терка «для добычи самовольством Сунчалей Янглычев... а ехать де ему Сунчалейю, по Терку вверх до Холопья городища»²³. В 1645 г. «на Сунше-реке против Холопья городища были побиты гребенскими казаками люди кабардинских музр Араслановых»²⁴.

Холопенскому городищу в списке дается дополнительное объяснение: «что был город Темирксака». Темирксака, — несомненно, среднеазиатский эмир Тимур. Говоря о вставках в Никоновскую летопись XVI в., мы, вслед за В. А. Кучкиным, отмечали

тимуровские сюжеты северо-кавказского фольклора, вдохновлявшие безвестного ее редактора²⁵. Подобное объяснение мы склонны принять и в данном случае.

Холопенское (Алхан-Калинское) городище представляется сейчас останками одного из крупнейших аланских городов предмонгольской эпохи. Некоторые исследователи отождествляют его с ранней столицей алан городом Магасом, упомянутым в X веке арабским путешественником Масуди и разрушенным монголо-татарскими полчищами в 1238 году²⁶. С тех пор город фактически не существовал, но его руины использовались золотоордынцами во время их сезонных кочевий по Предкавказью²⁷. Тут же рядом был и рынок рабов, устроенный монголо-татарами.

Во время похода 1395 года Тимур разорил многие ордынские центры в бассейне Терека. Едва ли миновал он и район Куларов, бывшего Магаса. Не случайно в описании похода Тимура по Северному Кавказу упомянут Микас²⁸, то есть, очевидно, все тот же Магас. И это вновь соответствует истории Алхан-Калинского городища, которое было известно русским в XVI—XVII веках под именем «Холопенского».

Следующий вечер застает послов «на реке на Сунше» и «ровой луке». В среднем течении Сунжа имеет более спокойное русло. Отложив норму дневного перехода от Холопенского городища, укажем очередную стоянку послов на левобережье в районе современной станицы Орджоникидзевской.

Очевидность дальнейшего маршрута по левому берегу Сунжи и далее по Тереку нарушается тем, что в источнике появляется упоминание реки Быстрой, на которой оказалось посольство 20 сентября. Вполне вероятно, что послы переправились через Сунжу, воспользовавшись известным бродом Казах-Кичу (между современными станицами Серноводской и Орджоникидзевской). Казах-Кичу — это, как отметил еще А. П. Берже, искажение местного словосочетания «Газак-Кичу» — казачий брод, переправа²⁹.

Горные кавказские реки в русских источниках часто называют быстрыми. Мы склонны в данном контексте считать Быструю реку Ассу. Асса (или, как ее называют русские авторы XVIII—XIX веков, Осса) — гидроним не вайнахский, а скорее всего аланский (т. е. праюзычный) по происхождению. Связь его с авестийским (асу—быстрый) вполне прозрачна³⁰. В «Книге Большому Чертежу» среди племенных групп обитателей Чечено-Ингушетии названы «осоки»³¹. Возможно, это имя носило племена, жившие по берегам реки Ассы. Тот же источник, упомянув притоки Сунжи, называет две реки: Белая и Быстрая. Вероятно, это два крайних притока Сунжи: самый восточный — река Белая (Гуме) и самый западный — река Быстрая (Асса).

Место очередной ночевки посольства 1589 г., судя по нашему расчету, должно быть где-то в районе селения Алхасте (ныне Красно-Октябрьское).

Отметим, что от округи Алхасте к Дарьялу, как подтверждают последние данные археологии, действительно существовала проторенная дорога, а сама эта область контролировалась дружескими кабардинскими князьями (Алхастом, в частности)³².

21 сентября послы «стояли на реке Терке по левой стороне старого Олкасова кабака». Расстояние от реки Ассы до Терека (немногим более 30 км) укладывается в норму дневного перехода. «Олкасов кабак» находился, по нашему мнению, в районе современного города Орджоникидзе.

На следующий день послы стояли «дважды переход Терку реку в Чорных горах», вновь продвигаясь по территории расселения вайнахов.

Очередная остановка была у Ларсова кабака (селение Ларс на Военно-Грузинской дороге у входа в Дарьяльскую теснину)³³.

Последним ориентиром пути был Черешашев кабак (современное ингушское селение Гвелети).

В районе Дарьяльского ущелья русским посольством 1637—1639 годов был использован иной вариант этого пути — одно из боковых ущелий реки Терек. Осложнившиеся отношения между грузинским царем Теймуразом и «Сонским» (Арагвским) эриставом, на владения которого из ингушских селений Ларс и Черешашево должны были проследовать послы, заставило искать новый перевальный путь от Дарьяльского ущелья³⁴. Он шел от равнинных Мударовых кабаков по ущелью Терека мимо Ларса, затем сворачивал на владения некоего «черкашенина Хавсы» и далее через Тушетню выходил в Кахетию.

В своих трудах М. А. Полневков, Б. В. Скитский, Е. И. Круинов, хотя и не конкретизировали маршрут посольства, подчеркивали его своеобразие. Автор данной работы высказал предположение о следовании маршрута посольства 1637—1639 годов по реке Армхи³⁵. Н. Г. Волкова предложила несколько иной вариант пути (Кистишка—Ахкарочож и далее Хавсинскими кабаками в Грузию)³⁶. Однако другие исследователи устанавливают локализацию маршрута, идентичную нашей³⁷.

Дороге через Дарьял русская администрация придавала большое значение. Так, в 1614 г. терскому воеводе сообщали, «что Кизылбашский Абаз шах идет войною на них, на кабардинских черкес, великою ратью прямою дорогою через Калканские кабаки»³⁸. В 1615 году терский воевода отписал в Посольский приказ, что Мудар Алкасов «сел со всеми своими кабаками у Терка в щелях на Грузинской дороге» для того, чтобы «шах-Бассовым бы людям тою дорогою ездити было безстрашно»³⁹.

Первое упоминание в источниках «Кабардинской дороги» связано с паническим бегством крымско-турецких войск из-под Астрахани до Азова в 1589 году⁴⁰.

Из контекста документа ясно, что «Кабардинская дорога» как отрезок месячного пути от Астрахани к Азову проходила по безводным местам и в непосредственной близости от расселения кабардинцев и Казыевской ногайской орды, то есть по левому берегу Терека.

В 1651 г. Муцал Сунчалеевич Черкасский, донося о своих совместных с казаками успешных действиях против «приступу кумытцких и кизылбашских ратных людей», пытавшихся с левого берега Терека (напротив впадения в него Супжи) «перелезть» к Сунженскому острогу, далее сообщает: «И после приступу, государь, те кумытцкие и кизылбашские ратные люди пошли от меня вверх по Тереку-реке по Кабардинской дороге... и перешли через Терек-реку выше казачьих городков Верхнего Червленово на урочище на Добринском»⁴¹.

Следовательно, «Кабардинской дорогой» назывался тот, редко используемый русскими посольствами, но достаточно наезженный из Терков и обратно шлях, который по левому берегу Терека связывал его устье, среднее течение и Пятигорье. В значительной части своей он, очевидно, совпадал с «Дербентской дорогой», составляя ее отрезок. Не случайно тревожно звучали слова тарковского шамхала в 1615 г., когда Салтан-Махмуд Эндерийский сел «блиско их кумытцкой земли в Окоцких кабаках и отнял де у них Мичкизскую и Кабардинскую дорогу»⁴². Связывая Дагестан с Кабардой и далее, вплоть до Азова, эта дорога имела важное значение в политической и экономической жизни феодальных владельцев.

Долгое время русские пренебрегали этим опасным, открытым со всех сторон нападению шляхом, наезженным враждебными крымцами и пролегающим по засушливым местам, предпочитая ему «дорогу на Черкасы», твердо освоенную и проходящую в глубине союзных и лояльных владений.

Но к 40-м годам XVII века многочисленные владельцы Малой Кабарды не служили верности «государеву делу», а центробежные силы в Грузии привели к тому, что Арагвинский эристав, противоборствуя Кахетии, крепко и надолго закрыл Дарьяльский проход.

После дорожных неурядиц посольства 1637—1639 годов было решено перейти к освоению иных путей в Грузию. К тому же теперь, кроме кахетинских царей, налаживают отношения с Москвой мингрельские и имеретинские владетели, что тоже не могло не отразиться на прокладке посольских маршрутов.

В исследуемый нами период «Кабардинской дорогой» воспользовались два посольства.

В 1639 г. Ф. Елкин и П. Захаров отправляются в Мингрелию. 22 сентября 1639 г. они двинулись в путь из Терского города вверх по Тереку и дальше, свернув с «Кабардинской дороги» по реке Баксану и через передел Донгузорун вышли в Сванетию. 13 ноября они вступили в земли Левана Даднани, а 22 мая 1640 г. покинули их тем же путем.

Весной 1651 г. из Терского города вверх по Тереку двинулось посольство Н. М. Толочанова и А. И. Иевлева, направляющееся в Имеретию, где в то время находился Теймураз, изгнанный шахом Аббасом II из Кахетии.

Среди путевых ориентиров посольства упоминается «урочище Моздок близ реки Курны»⁴³, что лишней раз доказывает правильность прокладки трассы «Кабардинской дороги».

Затем послы оставили «Кабардинский шлях». Они пошли по рекам Псыган-Су («Суен-Су»), Череку («Крех»), затем через Дигорию и, перевалив труднодоступный перевал Гезевцек, достигли долины Риона, а потом и города Кутанси.

10 октября 1651 г. посольство двинулось обратно тем же путем и 30 ноября было в Терском городе.

Мы ограничились краткими справками о маршрутах этих посольств. Во-первых, подробности из статейных списков касаются, в основном, территорий, выходящих за географические рамки нашего исследования; во-вторых, путь движения названных дипломатических миссий очень точно прокомментирован М. А. Полиевктовым.

При всех удобствах проанализированной выше «дороги на Черкасы», она, как артерия связей с Кахетией, далеко не полностью удовлетворяла стороны. Русские дипломаты были постоянно озабочены поисками пути, который вел бы «прямее с Терки в Иверскую землю»⁴⁴.

Кахетинский царь Александр сетовал первым русским послам Биркину и Пивову на ту дорогу, которой они прошли — просил «велеть очистить» другую дорогу. Грузинские послы, прибывшие в Москву в 1588 году, вторили своему царю («И послы сказали на Черкасы итти прежнею дорогою — ино далеко и горы великие и страх того, что испоздается...») ⁴⁵. На расспросы по поводу другой дороги, что «на Шиха князя Окутского да на Аварского князя да на Черного князя» послы из Кахетии отвечали: «тою дорогою не хаживали и не знают ее, а ведают деи то черкасы, которые пришли с ними от Шиха мурзы и от Алкаса князя»⁴⁶. Черкасы, среди которых первое место занимали Батай, племянник Шиха мурзы, и Асламбек, посол князя Алкаса, ответили очень определенно: «...итти послам лутче на Аварского кня-

зя... А ходу от Терки от Суншина городища до Шиха пешему 2 дня, а конному день... А до Аварского от Шиха 3 ж дни; а от Аварского до Черного князя з днище, а от Черного князя до Иверские земли днищ з 10. И всего, по той дороге ходу с 15 дни». Именно этой дорогой должны были идти послы Звенигородский и Антонов в Грузию. Но по прибытии их в Терки все изменяется, и местный воевода сообщает в Москву: «а приговорили, государь, итти на Алкаса», т. е. прежней дорогой.

Опираясь на сведения середины XVII века о том, что владение Чечен в низовьях Аргуна русские источники называют уварскими, Т. А. Исаева недавно предприняла попытку ориентации маршрута 1589 года на Аргунское ущелье. По ее мнению, земли Аварского и Черного — князей Турловых — располагались по Аргуну и являлись чеченскими⁴⁷. Не затрагивая здесь прочие элементы в суждениях Т. А. Исаевой⁴⁸, остановившись только на самой прокладке дороги в Аварию, которую оспаривает названный автор.

При объективном расположении Сунженского городка (восточная оконечность междуречья Терека и Сунжи)⁴⁹, Окоцкой земли (Ичкерия, район с. Бачи-Юрт)⁵⁰ никаких «зигзагов» по пути послам делать не приходилось. Дорога шла из Терков к Сунженскому городку, далее через Сунжу прямо на юг к владениям Шиха мурзы и далее на юго-восток до Андийского хребта и, перевалив его, продолжалась по теснинам горного Дагестана. Возможно, она шла вверх по реке Хулхулау. Именно тут с древнейших времен проходили пути, связавшие горный Дагестан и юго-восточную Чечню⁵¹.

Итак, в Москве, зная о некоторых изменениях в ориентации кабардинских мурз, рекомендовали дорогу через владения Шиха, Аварского хана и Черного князя. Однако, когда послы прибыли в Терки, пришлось отказаться от этой мысли. Умер аварский правитель. С вестью об этом к Шпху приехали грузинские люди от царя Александра. Они-то и предложили другой, новый вариант пути через горную Чечню, так как через Аварию, в связи с неясностью ханского наследия, ехать было опасно. Именно этот, третий из известных вариантов пути в Грузию (первый — через Дарьял, второй — через владения Шиха в Аварию) пролегал по Аргунскому ущелью. Прибывшие этой дорогой и разведавшие ее гонцы из Грузии называют только перевальную часть дороги — «итти послом безстрашню на Метцкие гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалесву землю, да на Батцкие гребени, а владеет тою Батцкою землею государь их Александр...»⁵². Исследователи единодушны в том, что речь идет о верховьях Аргуна.

Приехавшего с этими сведениями в город Терки Шиха мурузу воеводы подробно расспрашивали о политической обстановке в крае, о возможном пути следования послов. Ших уверенно рекомендовал «тех обоих дорог, что проведали царевы Олександровы люди (по Аргуну. — Т. М.), и на Оварского и на Черного князя (через Аварию. — Т. М.) лутчи старою дорогою, которою шол Родивон Биркин (через Кабарду и Дарьял. — Т. М.)»⁵⁴. То есть, двум дорогам — дороге по Аргуну, о которой говорили грузины, и предполагаемой дороге через Аварию — Ших предпочел старую. Посольство ушло в Грузию через Дарьял.

А дорога в Грузию через Окоцкую землю и владения Аварского хана так и осталась неиспользованной русскими посольствами конца XVI — первой половины XVII века. В документах 1591—1592 годов она упоминается лишь как возможная альтернатива «прежней дороги»⁵⁴.

Дорога же по Аргуну все более заметную роль в грузино-чечено-русских контактах начинает играть с середины XVII века. Именно этой дорогою приехали тушинские послы в 1656 году в Москву. Два года спустя вместе с тушинами прибыли в Москву и жители Аргунского ущелья шибуты. С тех пор она используется более или менее регулярно тремя сторонами⁵⁵.

Основные ориентиры собственно Аргунской дороги — Чечен-Шибуты — Чынах — Чанты-Терлой. В таком чистом варианте она, вопреки мнению Т. А. Исаевой, в конце XVI — начале XVII века не использовалась русскими, возможно, из-за ее опасности. Не случайно в 1600 году служилые окочане проведали и рекомендовали очередным русским дипломатам в Грузию западный вариант этой дороги. Она шла от Суншинского острогу «на Мичкисские кабаки (владение Шиха как ориентир пути исчезает. — Т. М.), на Кудашев кабак, а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинской кабак, а от Пешинского кабака на Тарлав на Бердеков кабак, а ход со вьюками; а ход от Суншинского острогу до Иверские земли 10 ден»⁵⁶. Этот отрезок пути довольно четко проложен на карте Чечено-Ингушетия Н. Г. Волковой — от Сунженского острога на Мичкисские кабаки, через общество Пешхой и далее по верховьям Чанты-Аргуна через земли общества Терлой⁵⁷.

А отсюда, как говорится, рукой подать до Малхисты («Метцких гребней»), то есть до того самого ориентира, который указывался грузинами в 1589 году в качестве перевальной вехи на пути в Кахетию. Так объединяются воедино описания отдельных отрезков Аргунской дороги, являющейся важнейшей артерией центральной горной Чечни, от которой шли кратчайшие перевальные пути во все общества Чечни, в горный Дагестан, в Хевсурию, Пшавию, Тушетию.

Общим у описанных маршрутов 1589 и 1600 годов является только направление на Мичкизы. Далее они расходятся — одна в Аларню, другая — западнее Аргуна и через его верховья — в Грузию.

Мичкинская земля в стратегическом отношении занимала особое положение. Через ее территорию проходили международные трассы не только с севера на юг, но и с запада на восток. Так, из Кабарды в Дербент прошел в 1589 году турецкий караван с 90 человек «на Мичкизы по загорам»⁵⁸. В 1629 году терской шевода сообщил в Посольский приказ, что прошли из Кабарды войска крымского царевича Шан-Гирея с кумыкским шахвалом Илдаром и кабардинским мурзою Отожкою Казыным «и Тарки старым шляхом, которым шли из Кумык в Кабарду и пошли назад наскоро ночью порою крепкими местами выше всех казачьих городков под Мичкизы»⁵⁹.

Эта дорога была не столь удобна, как Дербентская и Кабардинская, но зато была вне контроля казачьих застав. «Старый шлях по загорам» шел южнее и параллельно основным северокавказским путям, пересекая всю предгорную часть Чечено-Ингушетии. Из Дагестана он выводил прямо к Окоцким кабакам — «на Кумык на Окоцкой выход»⁶⁰.

Название дороги, вероятно, было дано кумыками. В 1615 году тарковский шамхал жаловался, что эндерийский «Салтан-Мигмут з братьею сели кабаками своими блиско их Кумыцкой земли в окоцких кабаках и отнял де у них Мичкизскую и Кабардинскую дорогу»⁶¹.

Русские источники XVI—XVII вв. зафиксировали только основные, используемые в дипломатических, военных целях, для выполнения различных «государевых служб» пути. Они использовались в исследуемый период с разной степенью интенсивности и постоянства и, несомненно, способствовали установлению и развитию тесных и многообразных связей России с Кавказом.

¹ См.: Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Иные вместе. Грозный, 1980; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. История СССР, 1980, 5, с. 50—53.

² Исключением следует признать внимание ряда исследователей к неравнозначным дорогам из горной Чечено-Ингушетии в Грузию (см.: Семенов Л. П., Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1929—1932 годах. Грозный, 1963; Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963; Харадзе Р. П., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этношизме. КЭС, т. II, Тбилиси, 1968; Шавхелишвили А. И. Из истории горцев Восточной Грузии. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1980.

³ Полневков М. А. Экономические и политические разведки Московского государства на Кавказе. Тифлис, 1932; Его же: Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

- 4 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
- 5 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XX в. М., 1974; Ее же: Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. КЭС. VI, М., 1976; с. 284—291.
- 6 Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. 1, М., 1957, с. 89.
- 7 Там же, с. 40.
- 8 Там же, с. 47.
- 9 Там же, с. 152.
- 10 Там же, с. 304.
- 11 Там же, с. 160—161.
- 12 Там же, с. 302.
- 13 Там же, с. 305.
- 14 См. Магомадова Т. С. Полевая информация, собранная в 1972 г. Архив ЧИНИИЯЛ, с. 8—11.
- 15 Виноградов В., Магомадова Т. Загадка древних названий. — «Фиддуат», Цхинвали, 1980, 7, с. 80—84 (на осетинском яз.).
- 16 Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., М., 1937, с. 199.
- 17 Кабардино-русские отношения..., т. 1, с. 12.
- 18 Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 268.
- 19 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1, 1576—1613 гг. М., 1889, с. 33.
- 20 Там же, с. 210 и сл.
- 21 Бутков П. Г. О браках князей русских с грузинками и исыями в XII в. Северный Архив, 1825, № 4, с. 318.
- 22 Русско-кумыкский словарь, М., 1960, с. 320.
- 23 Архив КБНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 50.
- 24 Там же, с. 183.
- 25 Магомадова Т. С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии. Известия ЧИНИИЯЛ, т. IX, вып. 1, ч. 2, Грозный, 1972, с. 106—109.
- 26 Виноградов В. Б. Через хребты веков, Грозный, 1970, с. 68—90; Гриценко Н. П. Истоки дружбы, Грозный, 1975, с. 39; Мамаев Х. М. О городе Деякове и Алхан-Калинском городище. — Сб. «Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа», Грозный, 1979, с. 112—126.
- 27 Виноградов В. Б. Еще раз о месте убийства Михаила Гперского, речке «Горесть» и «славным граде ясскам Деяков». Ученые записки Чечено-Ингушского госпединститута, № 26, Грозный, 1968, с. 68—69.
- 28 См. Тизелгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, ч. 2. М.-Л., 1941, с. 185.
- 29 Толкование этого топонима в связи с казаками несостоятельно (Маркович В. И., Ошасев Х. Д. О местонахождении ясского города Деякова. — Сов. археология, 1978, 1, с. 87).
- 30 См.: Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, с. 7; Кузнецов В. А. Аварские племена Северного Кавказа. М., 1962, с. 123.
- 31 Книга Большому Чертежу, М.-Л., 1960, с. 38, 50, 147, 174.
- 32 Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Археологические памятники средневековой усадьбы Али-Юрт, СА, 1974, № 2, с. 223—228; Виноградов В. Б. Время, годы, люди, Грозный, 1980, с. 35.
- 33 Магомадова Т. С. Владелец Ларса Салтан мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях. — Материалы конференции ЧИГУ по итогам научно-исследовательской работы за 1974 г. Грозный, 1976, с. 62—65.
- 34 Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.), Тбилиси, 1937, с. 233 и сл.

38 Магомадова Т. С. По древним следам в глубь веков. Альманах «Утро гор» (на инг. яз.), Грозный, 1971, № 4, с. 54—57; Ее же: Из истории ранних русско-вайнахских взаимоотношений (2-я пол. XVI—1-я пол. XVII в.), Грозный, 1973, Архив ЧИНИИИЯЛ, с. 27—29.

39 Волкова Н. Г. Этнический состав..., с. 146—148; Ее же: Статистический..., с. 258.

40 Виноградов В. Б. Рецензия на книгу Н. Г. Волковой «Этнический состав...», СЭ, 1975, 3, с. 174; Исаева Т. А. Феодалы владения на территории Чечено-Ингушетии. ВИЧИ, т. XI, Грозный, 1977, с. 160.

41 Русско-дагестанские отношения в XVII — 1-й четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 33.

42 Кабардино-русские отношения, с. 38.

43 Там же.

44 Там же, с. 305.

45 Русско-дагестанские отношения, с. 48—53.

46 Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг. Документы собран и введением снабдил М. А. Полневиков. Тифлис, 1926.

47 Белокуров С. А. Указ. соч., с. 57.

48 Там же, с. 58.

49 Там же, с. 59.

50 Исаева Т. А. Феодалы владения..., с. 82—101.

51 Ахмадов Я. З. Феодалы фамилия Турловых в XVI—XVII вв. — Сб. «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа», Махачкала, 1980, с. 60—62; Бузуртатов М. Ю., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе, Грозный, 1980, с. 35.

52 Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Где стояли Сунжеские городки? — Вопросы истории, 1972, № 7, с. 205—208.

53 Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси. — Вопросы истории, № 10, 1971, с. 215—219.

54 Первое описание ее, весьма близкое только что прогнозируемому, имеется в трудах арабского географа Ибн-Русте, писавшего о Северном Кавказе в X в. н. э.

55 Белокуров С. А. Указ. соч., с. 128.

56 Там же, с. 131.

57 Там же, с. 242—243.

58 Шавхелишвили А. И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XVI—XVII вв. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.); Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв. — «Мацне», Тбилиси, 1980, 3, с. 72—83.

59 Белокуров С. А. Указ. соч., с. 348.

60 Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 259.

61 Белокуров С. А. Указ. соч., с. 137.

62 Рук. фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 439, с. 41.

63 Там же, д. 440, с. 96—97.

64 Русско-дагестанские отношения, с. 49.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГРУЗИИ И ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ (XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Письменные, археологические, этнографические, фольклорные и другие материалы говорят о том, что между народами Закавказья и Северного Кавказа издавна существовали экономические, политические и культурные взаимоотношения¹.

Вопрос о грузино-чечено-ингушских взаимоотношениях в XVI — первой половине XIX в. не был предметом глубокого исследования².

Во взаимоотношениях этих народов большое значение имели пути сообщения, связывающие народы Закавказья с Северным Кавказом³.

В древности часть чеченцев и ингушей жила в горах: первые занимали ущелья Хачаро, Хилдыхаро, Чаити, Чинаха, Манста и Мелхиста, вторые — ущелья Джераха и Ассы. Вахушти Багратиони оставил интересное описание района Джераха, где отметил паличие каменных крепостей и селений⁴.

О чеченцах, живущих в горной полосе, Вахушти писал: «Заними к югу, выше Кистинии, находятся дзурдзуки, построены деревни с башнями, обе тощие и неурожайные, здесь мало скота, как описали мы Осетию»⁵. Характеризуя экономические условия Дзурдзукии — Глигвети, ученый находит их сходными с условиями в Ингушетии.

В XVI—XVII веках небольшие этнические группы вайнахов поселялись на некоторые равнинные земли (ангуштцы, чеченцы, аккинцы) и были тесно связаны с горными районами. По словам академика И. Джавахишвили «житель равнины нуждался в горах, горец же — в равнине. Они не могли существовать друг без друга... средняя часть Грузии — равнина — была тесно связана с племенами северной и южной частей, как и, наоборот, горские племена были связаны с равнинными»⁶.

Из Восточной Грузии в Тушеттию, а отсюда в Чечвию и Ингушеттию и обратно шли пути, обеспечивающие экономические и культурные связи⁷.

Как известно, в горах урожая хватало на четыре-пять месяцев, поэтому горцы должны были ввозить продукты питания с равнины. Эта связь имела для горцев — чеченцев и ингушей — жизненно важное значение. Влияние Грузии проявилось и в том, что в XVI веке во всех четырех ущельях Тушеттии (Цовати, Пиркити, Чагма и Гомецари) возводились христианские храмы⁸.

В условиях феодальной раздробленности грузинские цари, ве-

ли борьбу с турецкими и иранскими захватчиками, стремились опереться на северокавказских горцев, в том числе на вайнахов.

Тусетия в XV веке входила в состав Картлинско-Кахетинского царства, а часть Чечни находилась под властью Кабарды. Однако против внешних врагов они выступали в едином боевом строю. Вот что пишет об этом Вахушти: «В 1552 году шах Исмаил решил покорить Картли. Царь Давид получил подкрепление от мсехов и властителя Кахетии — Левана. Вслед за тем изгнали кавказцев и горцев, укрепил Тифлис и все крепости и твердыни картлинские»⁹.

Нескончаемые междоусобицы и внешние вторжения чрезвычайно ослабили грузинские княжества. Османские, иранские, крымские и иные феодалы стали все чаще совершать агрессивные нашествия на Северный Кавказ. Поэтому Грузия и северокавказские народы все в большей мере стали ориентироваться на Россию. В XVI веке грузинские цари неоднократно обращались к России за помощью¹⁰.

Так, кахетинский царь Леван в 1552 году, а затем в 1563 году посылал в Москву представителей Кахетии и Северного Кавказа. Правящие круги России доброжелательно отнеслись к грузинским и северокавказским послам. Царь Иван IV обещал Левану свое покровительство и дал ему свое войско для размещения в крепостях Кахетии. Кахетинские послы, отправляясь в Москву, обычно шли через земли чеченцев, ингушей, осетин, встречая здесь гостеприимное отношение. В составе посольств были и вайнахи.

Вплоть до конца XVIII века часть вайнахов и грузины исповедовали христианство, в определенной мере способствовавшее распространению грамотности¹¹.

В неследуемый период среди части вайнахов, проживавших в соседстве с Грузией, распространяется грузинская письменность, предметы бытового и религиозного характера. В то же время среди вайнахов проживает много монахов-проповедников, прибывших из Грузии¹².

Христианский культовый инвентарь, найденный в ущельях Асси и Аргуна, аналогичен памятникам, сохранившимся в Тусетии, где они официально распространялись во времена царя Тоймураза¹³.

Важное значение имела в XVI веке Терско-Кахетинская дорога, связывавшая Северный Кавказ с Закавказьем и Россией. Обычно проводниками по этой дороге были кабардинцы, чеченцы и тушины. — *Дорога (Асси) — Саян Ка*

В первой половине XVII века грузино-чечено-ингушские взаимоотношения становятся весьма интенсивными. В 50-х годах XVII века в Москве побывали представители тушин и шибутян,

которые приносили присягу в русском подданстве¹⁴. Политическая миссия представителей этих двух народов основывалась не на случайных обстоятельствах, а на результатах их вековых дружеских отношений. Как отмечается в документах, шибутяне в то время были тесно связаны не только с тушинами, но и с населением Восточной Грузии.

Необходимо отметить, что часть вайнахов-шибутян находилась в вассальной зависимости от тушинских владельцев: «шибуткою землею владеют они, тушинцы, и вера с ними одна (христианская), а иные-де шибутцы живут и по-бусурмански. И оброки-де они, тушинцы, с них, шибутцев, емлют с деревни по 10 баранов...»¹⁵.

В конце XVII — начале XVIII века дружеские отношения между Грузией, Чечней и Ингушетией усилились. По сообщению историка Папуны Орбелиани в 1754 году во время нашествия аварского хана Нурсала-бека на Грузию царь Теймураз обратился за помощью к горцам Северного Кавказа¹⁶. В Ананури «приехали воины черкесов, калмуков, джиков, киштов, глгвов, ногайцев и осетин со своими предводителями. Они остановились в Дидубе, им были преподнесены ценные подарки. Предводители воинов были одарены золотым и серебряным оружием». После битвы, возвращаясь на родину, горцы дали клятву: «При первом вашем зове мы подобно рабам будем служить вам и умрем за вас»¹⁷.

Экономические и культурные связи Грузии с Северным Кавказом усиливаются с появлением городов Кизляра и Моздока. Многие грузины во время вражеских нашествий бежали в эти города и казачьи станицы, где впоследствии стали заниматься виноградарством, шелководством, торговлей. После вхождения Грузии в состав России отношения между Грузией и Чечено-Ингушетией стали более регулярными, получила дальнейшее развитие торговля. Современник первой половины XIX века И. Элиосидзе писал, что тушины «торговые обороты свои ... имеют с горцами, то есть с кистинцами»¹⁸. В свою очередь чеченцы и ингуши продавали тушинам ремесленные изделия, предметы домашнего обихода из дерева (блюда, ложки, ступки)¹⁹.

Из Грузии в Чечню вывозились молочные продукты, шерсть, скот, в том числе рабочий²⁰.

Исследованиями последнего времени установлено, что скот, продукты и ремесленные изделия, вывозившиеся в Чечено-Ингушетию, имели свое эквивалентное выражение. Интересна для наблюдения их стоимость. Так, например, блюдо для замешивания теста обменивалось на пять килограммов шерсти, десять деревянных ложек — на один килограмм сыра. Предметами обмена служили также одежда, изделия из стали и сереб-

ра — кинжалы, пояса, чехлы для газырей, украшенные серебром уздечки. Вайнахи продавали папахи, кинжалы, пожи, бурки. Цена коня с серебряной уздечкой составляла 25—30 овец²¹.

На Итумкалинском рынке горная Чечня часто продавала тушинский скот, а из плоскостной Чечни сюда привозили кукурузу, ячмень, пшеницу²². Во время перегона овец с Терских зимних пастбищ в Тушетию вайнахи здесь же стригли своих овец, продавая шерсть прямо на месте, взамен же покупали соль, веревки, подковы, гвозди, седла для поклажи и другой инвентарь²³.

Развитию хозяйства и экономических связей способствовали поступившие промышленные товары, появившиеся на рынках Кавказа.

В результате колонпальной политики царизма часть вайнахов переселилась на территорию Грузии, где сформировалась этническая группа панкисских кистин. Переселение началось в 1831 году.

Миграция, распространившаяся с севера на юг, поощрялась грузинскими царями. Л. Маргошвили считает, что еще в конце XVIII века около 20 кистинских семей обосновались в селезани Хорбале (Панкисское ущелье). Это переселение хронологически относится ко времени царствования царя Картли и Кахетии Ираклия II²⁴.

В первой половине XIX века, оказавшись в тяжелом положении вследствие репрессий Шамиля, группа кистин, во главе которой стоял Джокола, при содействии чиновника Тиапетского уезда цова-тушина И. Цискаришвили, обратилась к заместителю Кавказа Воронцову с просьбой о выделении ей постоянного места жительства на территории Грузии²⁵.

Это событие И. Букурауди излагает следующим образом: «В конце 1851 года Джокола вместе с несколькими кистинами пошел на горе Борбало, с ними было несколько хевсуров. С горы Борбало Джокола послал хевсуров к истокам Алазани к Ивану Цискаришвили, который в это время был моуравом тушин, чтобы ему передали, что он хочет с ним начать переговоры. Цискаришвили обещал мир и полное покровительство.

Джокола с кистинами спустился к верховьям Алазани, где во главе с Цискаришвили собрались тушины. Тушины с честью приняли вождя кистин, зарезали баранов, устроили пир. Одним словом, тушины очень старались угодить кистинам. Причиной этого было то, что они стремились как-нибудь помириться с беспокойным Джоколой, приносившим большой ущерб.

Из напитков у тушин ничего не было, кроме водки. Когда И. Цискаришвили протянул Джоколе серебряную чашу с водкой, тот не принял ее. Когда спросили о причине у других кистин, они сказали, что вождь хочет побрататься с Цискаришвили.

Цискаришвили и Джокла побратались. После этого Джокла открыл причину своего приезда, он хотел помириться, просил русское правительство простить ему отступничество. Конечно, тушины обрадовались.

Цискаришвили послал человека к начальнику Тиаветского уезда Левану Чолокашвили, чтобы сообщить о мире с Джоклой. Затем Джокла со знатными кистинами сам приехал в Тианети и объявил о своем полном переходе в подданство России. После этого несколько знатных тушин отправились к кистинам и при содействии Джоклы переселили одно село в Панкиси²⁶. Тушины содействовали переселению кистин в Панкиси, покровительствовали им.

Князь Джембакур Орбелиани, претендовавший на это ущелье, подал жалобу наместнику Воронцову²⁷. Но тушины, со своей стороны, тоже послали жалобу, в которой писали, что Панкисское ущелье издавна принадлежало тушинам, и князь Орбелиани не имеет на него никаких прав. Воронцов вынужден был согласиться с доводами тушин²⁸.

Климатические условия Панкисского ущелья отрицательно сказались на переселившихся туда вайнахов. Среди них начались болезни, особенно малярия, унесшие в могилу много жизней²⁹. Поэтому вайнахи решили вернуться в свои родные края. Один из архивных документов сообщает: «Кистины решили возвратиться в Чечню. Тушины же, когда узнали об этом, с целью возвратить их, последовали за кистинами и нагнали в ущелье Циплоани, однако не сумели уговорить группу Джоклы вернуться, но все же часть кистин вернули и расселили на своих землях»³⁰.

В первой половине XIX века, а возможно, еще раньше, группы вайнахов нередко проникали в горную часть Восточной Грузии. Миграция в первую очередь была обусловлена тогдашней обстановкой на Северном Кавказе. О переселении в Грузию интересные сведения сообщает перепись тушин, шшавов и хевсур, проведенная в 1831 году. Так, в Пирикитской тушинской общине насчитывалось 10 кистинских фамилий, в общине Чагма — 10, Гомерцари — 8 фамилий. В настоящее время потомки переселенцев считают себя грузинами, забыли родной язык, однако среди них сохранилось предание об их происхождении³¹.

В селе Дано (Пирикитская Тушетия) жили Мозандзе и Шахадзе, выходцы из чеченской общины Сандухой, в селе Гогрупта (Гомецарская община) обитала фамилия Алиадзе, кистины по происхождению. Это подтверждается топонимическими данными: Алиант Босели (буквально — хлев Али), Алиант Набиадари — (место, где жили Али), Алиант Никалоби (бывшее поле Али)³².

В свою очередь тушины также переселялись в Чечню и Ингу-

цетно. Согласно предположению, высказанному в литературе, фамилии у некоторых чеченцев имеют тушинское происхождение. В одном из источников читаем: «По записанному Головинским преданием, чеченцы ведут свой род от «бицоев» (бицой — значит люди, живущие в медвежьих пещерах). Предки же бицой жили когда-то на юге Грузии и во время нашествия арабов оттеснены были в Кавказские горы. Из них три фамилии Таптан Аже или Аю и Татд со своими родичами пробрались на юго-запад, занимаемые ныне горскими чеченцами в верховьях рек Асса и Аргуна»³³.

Из Тушетии в горную Чечню переселилась также фамилия Хачидзе, жившая в селе Шенако. Можно привести много аналогичных фактов.

Компактная группа вайнахов, переселившаяся в Грузию в ущелье Панкиси, и по сей день сохраняет свою самобытность. Однако современная жизнь быстро изменяет ранее сложившийся уклад, усиливается смешение между ранее пришлым и коренным населением.

¹ Жизнь Грузии, т. I, II. Тбилиси, 1955—1959; Миллер В. С. Материалы по археологии Кавказа, т. I, Тифлис, 1888; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960; Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890; Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии, Грозный, 1925—1932; Кавказский этнографический сборник, Тбилиси, 1968; Нохчийн фольклор (чеченский фольклор), т. I, Грозный, 1960.

² Следует отметить недавно вышедшую статью: Виноградов В. Б., Баранчикенко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв. — Известия АН Груз. ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, Тбилиси, 1980, 3, с. 72—83 (там дана и библиография).

³ Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами, Грозный, 1963, с. 15—31.

⁴ Вахушти Багратиони. Описание Грузинского царства. Под редакцией Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1941, с. 117.

⁵ Вахушти Багратиони. Указ. соч., с. 118.

⁶ Джавахишвили П. А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930, с. 31.

⁷ Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей горного участка ингушского округа. Сб. сведений о кавказских горцах, вып. 3, Тбилиси, 1870, с. 19.

⁸ ЦГАДА, Грузинские дела, кн. 7, с. 46.

⁹ Вахушти Багратиони. Указ. соч., с. 26.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 110, д. 1, л. 15—30; Бердзенишвили Н. Из истории русско-грузинских взаимоотношений на рубеже XVI—XVII вв. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1944, с. 12—14; Циццадзе Я. Разыскания из истории русско-грузинских взаимоотношений (X—XVI вв.), Тбилиси, 1956, с. 282—283; Боцадзе Т. Из истории грузинско-кабардинских взаимоотношений. Тбилиси, 1963, с. 253.

¹¹ Шавхелишвили А. И. Указ. соч., с. 31.

¹² Циццадзе Я. Разыскания из истории русско-грузинских взаимоотношений (X—XVI вв.). Тбилиси, 1956, с. 282—283.

- 13 Шавхелишвили А. И. Указ. соч., с. 97.
- 14 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 58—59.
- 15 Там же, с. 59.
- 16 Маргошвили Л. Один документ к истории поселения кистов на территории Кахетии. — Разыскания по истории Грузии и Кавказа, Тбилиси, 1976, с. 320.
- 17 Папуна Орбелиани. Жизнь Грузии. СПб, 1854, с. 456—458.
- 18 Элиосидзе И. Записки о Тушетии. Архив института народов Азии СССР, ф. 2, оп. 2.
- 19 Шавхелишвили А. И. Указ. соч., с. 54.
- 20 ЦГИА Грузинской ССР. Сборник исторических коллекций, № 1446, рук. 33, с. 186.
- 21 Там же.
- 22 Шавхелишвили А. И. Территориальное расселение тушинцев и связывающие их с Чечено-Ингушетией дороги-тропинки. — «Мацне», Серия истории, археологии и истории искусства. Тбилиси, 1972, № 2, с. 55.
- 23 Вахушти Багратиони. Указ. соч., с. 111.
- 24 Маргошвили Л. Указ. соч., с. 321.
- 25 Там же, с. 19—75.
- 26 Букураули И. От Тбатани к Цова. Ж. «Моамбе», IX. Тифлис 1897, с. 33—34.
- 27 ЦГИА Грузинской ССР, опись 2, д. 274, л. 254.
- 28 Там же, опись 1, д. 274, с. 254.
- 29 Там же, опись 6, д. 421, л. 26.
- 30 Там же.
- 31 Маргошвили Л. Кисты Папкиси. Тбилиси, 1968, с. 151. (Рукопись кандидатской диссертации).
- 32 Элиосидзе И. Там же, с. 111.
- 33 Иваненков В. Горные чеченцы. — Терский сборник, Тифлис 1910, с. 8.

Н. П. ГРИЦЕНКО, А. И. ХАСБУЛАТОВ

НАЧАЛО ВОВЛЕЧЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ РЫНОК

Обмен и торговля существуют с незапамятных времен. К. Маркс, говоря о торговле и купечестве, подчеркивал, что «...не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности он представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала». И далее: «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары — будь ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское, и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это несколько не изменяет их характера как товаров, а в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы»¹.

На Северном Кавказе купечество появляется очень давно. С разделением труда, появлением товарного производства, возникновением городов, по определению Ф. Энгельса, появляется класс, «который занимается уже не производством, а только обменом продуктов... Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустраняемым посредником между каждыми двумя производителями (ремесленниками и земледельцами. — *Авт.*) и эксплуатирует их обоих»².

Купечество на Северном Кавказе вело торговлю в период существования Алании, Золотой Орды и в последующее время. Российское купечество еще в XVI веке устанавливает непосредственные связи с Северным Кавказом. Историки, изучавшие политические и культурные связи Северного Кавказа с Россией, касались и торговых отношений. Особенно заслуживают внимания монографические исследования Е. Н. Кушевой, Т. Х. Кумыкова, В. Г. Гаджиева, С. А. Чекменова, Х. Х. Рамазанова³. Однако они акцентировали события XVIII—XIX вв. или уделяли главное внимание торговым отношениям России с Дагестаном, с Кабардино-Балкарией, со Ставрополем, Кубанью и др. Чечено-Ингушетия в этом отношении существенно выпала из поля зрения исследователей, хотя некоторые историки — В. Б. Виноградов, И. Г. Волкова, Т. А. Исаева, Т. С. Магомадова, Ш. Б. Ахмадов — подняли и осветили отдельные стороны этой еще не изученной глубоко проблемы.

Актуальность ее особенно возросла в последние годы в связи с концентрацией научных усилий на различных аспектах прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Северного Кавказа⁴, в том числе и на истории добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав Российского государства. В новейших работах подчеркивается, что середина XVI—XVII в. — это время установления разнообразных и постоянно крепящихся русско-вайнахских связей, обозначивших складывающееся взаимное тяготение и начало процесса вхождения обществ Чечено-Ингушетии в состав России⁵.

Свою задачу авторы данной статьи видят в попытке показать, как нарождались в XVII веке торгово-экономические связи и начали втягиваться во всероссийский рынок чеченские купцы, главным образом чеченцы-окочане, жители окоцкой слободы Терского города.

Еще задолго до образования всероссийского рынка, в течение XV—XVI вв., жизнь северокавказских горцев постепенно движется. Ранее оттиснутые татарами-монголами в горы, они постепенно спускаются на плоскость, чему способствовала изме-

✓ нившаяся внешнеполитическая обстановка. В 1480 г. русский народ навсегда сбросил с себя татаро-монгольское иго, а в начале XVI в. Золотая Орда прекратила свое существование. Это благоприятствовало политическому, экономическому и культурному развитию не только русского, но и других освободившихся народов. У чеченцев и ингушей, как и у других народов Северного Кавказа, на плоскости более быстрыми темпами развивается земледелие, животноводство, различные виды домашних промыслов. В зажиточных семьях появляются излишки сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, которые сбывались как на месте, так и при помощи торговцев на рынке.

По определению К. Маркса, в условиях распада земледельческой общины появляется «парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных»⁶. Близкая этому картина имела место в Чечено-Ингушетии к началу XVI века⁷.

✓ Первые русские письменные источники, которые сообщают о феодалах среди огуков-чеченцев, относятся ко второй половине XVI века. Это были Ушаром-Мурза и его сын Ших-Мурза Окуцкие. В письме к московскому царю Федору Ивановичу в 1588 году Ших-Мурза писал: «А ныне у меня слуг 500 человек»⁸. Кроме того он имел своих узденей и холопов. Ему были известны торговые пути от берегов Каспийского моря через северокавказские земли в Грузию. Его люди этими путями сопровождали русские посольства в Закавказье⁹.

✓ В 1588 году по просьбе кабардинских князей, а также, вероятно, и огуцкого феодала Ших-Мурзы, в устье Терека русскими был построен Терский город, сыгравший на протяжении XVII — первой четверти XVIII века большую роль в политических, экономических и культурных связях кавказских народов с великим русским народом. В первые годы существования этого города сюда возил продукты из своего владения и Ших-Мурза Окуцкий. «А и запас будет на Терку понадобитца, — писал он царю Федору, — и яз стану и запас возить»¹⁰. Конечно, такой запас он возил не бесплатно, а за деньги или путем обмена.

✓ В конце XVI века в Терском городе появляется Окуцкая слобода. Многие окучане, знавшие кавказские языки, были толмачами-переводчиками, другие вместе со своими феодалами не один раз приезжали в Москву и другие русские города. Окучане-чеченцы широко занимались земледелием, животноводством, рыбной ловлей, ремеслами и торговлей. Окучане вместе с другими кавказскими торговыми людьми с конца XVI — начала XVII века «втягиваются» в российскую торговлю, главным образом с Астраханью и Москвою. Племянник Ших-Мурзы Батай-

Мурзи, бывая в Москве, наряду с дипломатической миссией, занимались торговыми делами. Во время пребывания в Москве со своими узденями в 1605 году Батай-Мурза купил в русской столице 15 комплектов боевого снаряжения, каждый из которых состоял из панциря, шлема, железной шапки с кольчужной сеткой и паручней¹¹. По тем временам это были дорогие военные покупки и требовали значительных денежных затрат.

Терский город стал связующим торговым звеном между Россией и Северным Кавказом, а также торговым центром для местного населения, являясь притягательной силой для чеченцев, кумыков и других народов региона. Этот город часто посещали кавказские торговые люди. В 1631 году терские воеводы жаловались московскому царю Михаилу Федоровичу, что в Терский город приезжают «черкасы, кумычения и мячкизения», с которыми приезжают и торговые люди, «а товаров своих не являют и государевых пошлин не платят»¹².

С каждым десятилетием экономические связи Северного Кавказа с Россией усиливались. Этому сближению способствовал складывающийся всероссийский рынок, который способствовал преодолению экономической раздробленности страны. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века), — писал В. И. Ленин, — характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹³.

В России торговлей занимались представители всех сословий, вплоть до дворян и бояр. Ведущую же роль во внутренней и внешней торговле играли «капиталисты-купцы», для которых торговая деятельность составляла главный смысл их жизни. Те же процессы, по-видимому, только в сильно замедленном темпе происходили и на Северном Кавказе.

Здесь, кроме купцов-тезиков (то есть восточных купцов — персидских, шемахинских), а также дербентских купцов, начинали «стягиваться» во всероссийский рынок северокавказские феодальные владетели — князья, мурзы, «лучшие» уздени. Активную торговую деятельность с Россией они развернули с первой половины XVII века. Обычно они торговали сами, часто через своих зависимых «купчих», узденей или доверенных холопов, «используя для торговых оборотов не только покупные товары, но и товары, полученные от сборов натурой пошлин — тамги»¹⁴.

Кавказские феодалы перед иностранными купцами имели ряд привилегий. За верность Российскому государству они имели право беспошлинной торговли с Россией. Крупными «купцами», если можно их так назвать, были князья Черкасские, жившие в Терском городе с конца XVI века. Они правили всеми слободами города, где обитали представители многих кавказских народов. Часто на слобожан они смотрели, как на своих крепостных, на что жаловались чечеицы-окочане царю в 1613 году. Князья Черкасские не прочь были ставить себя и свою власть выше терских воевод.

На протяжении всего XVII века князья Черкасские вели активную торговлю с русскими городами, Закавказьем и Ираном. В отдельные годы торговые обороты этих князей достигали больших размеров. В 1621 году князь Сунчалей Черкасский отправил в Россию большой караван своих товаров. Спустя десять лет князь Шелхок и мурза Муцал Черкасские отправили в Астрахань своих товаров на 1000 рублей¹⁵. В 30—40-е гг. XVII в. торговые дела этих феодальных владетелей принимают еще более широкий размах.

Яркий свет на состояние их проливает однодневная опись населения Черкасской слободы Терского города за 1640 год. В день переписи населения этой слободы многие зависимые люди князей Черкасских находились в разных местах по торговым делам. Муцал-мурза Черкасский с окоченами-узденями Алеевым и Бокуем находились в Москве. Так называемые закладчики, то есть зависимые от Муцала купцы-тезики, Амазанко «поехал на бусе за море», по-видимому, в Иран или Астрахань, а Муратхан — в город Азов. Третий закладчик Муцала Черкасского находился в Кабарде, а зависимый уздень «в Кумыках для хлебной покупки»¹⁶.

На основании этой переписи можно представить себе размах дел своеобразной «торговой компании», которую возглавляли князья Черкасские. На них работали десятки зависимых торговых людей, в том числе пять купцов-тезики только в одной Черкасской слободе. Но таких слобод, находившихся в Терском городе, население которых подчинялось князьям Черкасским, было несколько.

В середине XVII века торговые обороты князей Черкасских в Москве значительно увеличиваются. В 1651 году уздени Муцала Черкасского из Терского города в Москву отправили около 250 килограммов шелку высшего качества, 194 дараг кармазинных, 80 дараг гялянских, 14 юфтей сафьянов, всего на 4242 рубля¹⁷.

Среди кабардинских князей были и такие дельцы, которые обходили все таможенные законы и всячески обманывали тамо-

женных чиновников. Дело в том, что каждому князю устанавливалась определенная сумма беспошлинной торговли, сверх чего остальные товары облагались пошлиной. Не соблюдал всех правил торговли Татархан Черкасский.

В 1646 году из Терского города Татархан отправился в Москву с большой партией товаров и кабардинскими аргамаками. Чтобы избавиться от торговой пошлины, он заявил в Астраханской приказной палате, что аргамаков он везет самому царю, с той же прихватил «живота своего» (т. е. принадлежащие только ему товары). Товар его состоял из шелку и дарагов, киндяков и сафьянов, ковров и войлоков «и платья моего и узденей 25 тай». Все, что перечислено из товаров, заявил Татархан таможенным чиновникам, он везет в подарок московским друзьям. По-видимому, обман Татархана удался, и вместо подарков мнимым друзьям он выгодно продал свои товары в Москве.

В 1647 году Татархан отправился из Терского города в Астрахань на струге, который «полон накладеи и сказывал де он, что товару будет у него с тысяч с 7 и больше, и называет своим животом». При попытке астраханских чиновников сделать досмотр этим товарам, Татархан «не дался» и ушел вверх по Волге. В Казани уловку Черкасского разгадали и взяли с него торговую пошлину, но уже не с одного струга, а с двух — 220 руб. Второй струг, надо полагать, он тайно увел из Астрахани¹⁸.

Торговая деятельность Черкасских приносила им большие доходы, и князья жили на широкую ногу. Муцал Черкасский имел дом с усадьбой не только в Терском городе, но и в Астрахани. В 1636 году голштинское посольство, проходясь в Астрахани, встречалось с Муцалом, который «был одет в дорогое русское платье, шитое золотом и жемчугом». Секретарь этого посольства Адам Олеарий подробно пишет об этом князе, о его роскошном доме, в котором он обильно угощал голштинцев¹⁹.

Во всероссийский рынок «втягивались» и средние слои населения — зависимые и свободные уздени, превращавшиеся в «кулични». По-видимому, в первой трети XVII века их было еще мало, а в последующее время значительно прибавилось, чему способствовало дальнейшее развитие производительных сил края и усиление внутренних и внешних связей.

К средним слоям населения, которые «втягивались» во всероссийский рынок, относилась, например, узденская окучанская фамилия Алеевых, в 30—40-х гг. XVII в. пользовавшаяся известностью в Терском городе. Торговой предприимчивостью отличались братья Алеевы — Бикша и Черкес. Бикша являлся отцом (дядькой) князей Шелоха и Муцала Черкасских, вместе с князьями они часто бывали в Москве, их знали близкие люди царей Михаила и его сына Алексея. Бикша Алеев пользовал-

ся большим авторитетом у терских воевод, выполнял их поручения, за что получал от них «государево жалование, сукна, корм»²⁰.

По поручению Муцала Черкасского Бикша и Черкес, знавшие толк в лошадях и торговавшие ими, получили из царской казны 500 руб. денег для покупки аргамаков и иноходцев «под государево седло». Это поручение братьями Алеевыми было выполнено: в 1647 году в Кумыкской и Кабардинской землях для царской казны они купили четыре аргамака и два иноходца за 315 рублей. Братья Алеевы, по-видимому, торговали в Москве и Иране независимо от князей Черкасских. В том же году, во время сопровождения русского посланника Я. Родионова в Иран, на Кизлярской заставе стрелецкий сотник отобрал у Бикши 225 золотых, явно предназначенных для торговых операций²¹.

В Терском городе XVII в. было много торговых людей из окочаи, кумыков, кабардинцев и других представителей кавказских народов. Там «были караван-саран, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественные бани, таможенные и купеческие дворы, аманатский двор, деловой двор, были соборная и приходские церкви и монастырь, где крестились иноверцы, с получением за то царского награждения»²².

О разноплеменности этого города говорит присяга, принятая в 1645 г. жителями на верность службы новому царю Алексею Михайловичу. Кроме других выходцев с гор, присягали в этом городе чеченцы-окочаи, мичкязяпе, шебуты, чеченские мурзы — «старых Окох Айбирь-мурза Батаев, да Бикша-мурза, да Кокуров-мирза, да полтораста человек узденей»²³. В Терском городе постоянно или временно жили представители восточных и западных стран — армяне, грузины, иранцы, индийцы, поляки, литовцы, немцы и другие. Там же находились всякие чины русских служилых и других сословий люди.

Какие же товары в первой половине XVII века вывозили из Терского города и привозили туда из России? Из перечня товаров, продаваемых князьями Черкасскими и узденями-«купчинами» в Москве и в других российских городах, видно, что значительная их часть дагестанского и восточного происхождения.

О том, что через Терский город в Москву везли восточные товары, говорит и такой яркий факт. В 1622 году Крым-шамхал Ильдаров просил московского царя, чтобы его доверенному купцу Фергату разрешили в Москве свободно продавать свои и покупать российские товары, а для этого дать ему «просезжую грамоту, чтобы едучи на дороге нигде к нему ни от ково зацепки не было»²⁴.

Привлекая на свою сторону крупного кавказского феодального владельца, царь в 1623 году разрешил приехать в Москву

кумыкскому послу Томулуку и купцу Фергату. За два приезда, в 1623 и 1627 гг., они привезли в Москву 300 сафьянов разных цветов, 1251 янсырь (восточная мера веса — 400—500 граммов) шелку цветного, 625 киндяков цветных, 235 миткалей, 110 выбоек, 153 занавески выбойчатых, 186 дорогов гелянских всяких цветов, 270 аршин парчевой выбойки, 300 аршин бязи, 6 черкесских попов, более 29 пудов шелку-сырцу и много другого товара²⁵. Переводя на русские меры веса, только шелка цветного было привезено около 60 пудов; 168 дорогов гелянских всяких цветов, означавшие 1488 аршин, стоили по ценам конца XVI века 539 руб. 60 коп.²⁶

Несомненно, что в российские города попадали ремесленные изделия кавказских умельцев, но их в первой половине XVII века было мало, что было обусловлено натуральным хозяйством в указанном регионе.

С конца XVI и в первой половине XVII века из России на Северный Кавказ и дальше на юг привозили железные изделия, в том числе ярославские всячие замки, серпы, изготовленные в городе Бежецкий Верх, другие металлические изделия, в небольшом количестве цветные металлы; деревянные изделия, в том числе холмогорские и из других мест сундуки, ложки; льняные ткани, разных сортов сукна, в том числе западноевропейского происхождения; кожи и кожевенные изделия. «Русские, — писал Н. И. Костомаров, — издавна славились искусством выделять кожевенные изделия»²⁷. В неурожайные годы из России на Северный Кавказ поступали хлеб в зерне и хлебные продукты, а терский военный гарнизон постоянно питался привозным хлебом.

Из России на Северный Кавказ и в восточные страны поступали и меха. Монопольную торговлю мехами держала сама царская казна. Россия на протяжении веков славилась разнообразием меховых товаров, как сейчас говорят, «мягким золотом». Если в 1625 году на главном пушном рынке в Соли Вычегодской было продано на 390 руб. пушнины, то в 1647 году ее было продано уже на 32 118 рублей²⁸. Пушнина продавалась в Западную Европу, на Кавказ, в Закавказье и Иран. В кладовых терских поевод всегда хранились пушнина и меховые шубы для подарков и подкупа местных феодальных владетелей и гостей²⁹.

Во второй половине XVII века Северный Кавказ, в том числе Чечня, Ингушетия, еще больше втягиваются во всероссийский рынок. И если в первой половине указанного века из Терского города вывозили товары главным образом восточного происхождения, то во второй половине вывозили в Россию, наряду с восточными, местные товары. В это время в Дагестане, как отмечают дагестанские историки, «становится довольно ощутимым

начинавшийся ранее процесс превращения некоторых селений с развитым промыслом в центры ремесла и торговли. Наряду с Кубачами, где этот процесс начался раньше, можно указать несколько селений, где промысел работает почти полностью на рынок и становится основной статьей дохода, т. е. превращается в ремесленное производство. Это — Балхар, Сулеикент, Кумух, Анди, Харбук и пр.

Еще больше было селений, где ремесленничество было одной из главных отраслей хозяйства (Сутбук, Амузчи, Хулелая, Гопатль, Карата, Испик, Джули и многие другие) наравне с земледелием, садоводством или скотоводством»³⁰.

Заметные сдвиги в экономическом развитии происходят и в Кабарде. В крестьянских хозяйствах Кабарды в это время изготовлялись для себя, отчасти на продажу, — обувь, бурки, одежда, конская упряжь, седла, оружие. Из восточных стран на Северный Кавказ, в Кабарду попадало холодное, а позже и огнестрельное оружие, секреты изготовления которого разгаданы были местными оружейниками. «В Кумыках и Кабардах, — писал И. Попко, — были лучшие оружейники, седельники, серебряники»³¹. Современный кабардинский историк Б. М. Моков пишет, что славилась «своим качеством изготовленные кабардцами луки, стрелы, колчаны, ножи, книжалы, копья, сабли, шлемы, наручни»³². В Кабарде было развито и золотошвейное дело.

С дальнейшим развитием животноводства, главным образом овцеводства, на Северном Кавказе в широких размерах стали производить овчины, кожи, ковры, паласы, кошмы и другие изделия из шерсти³³. На рынок Терского города из близких и отдаленных селений поступали грецкие орехи, шептала, свежие и сушеные фрукты, мед, воск и другое. В окрестностях этого города и вдали от него рос красящий корень-марена, применявшийся в крашении тканей в красный цвет. Десятки и сотни людей копали этот корень и продавали его в Иран, а позже в Россию.

Значительная часть местных ремесленных изделий шла через Терский город в Россию. Правда, мы имеем мало документов о том, что вывозилось в Астрахань из местных товаров окоченями, чеченцами. В одном из известных нам документов за 1698 год сказано, что «мая в 28 день прибежал стружек с Терка на Урустовскую заставу Андигирев, а в том стружку по терским выпи-сям... окочапина Шявшки, у него тридцать восемь мешков орехов грецких, два мешка пшеничной муки, семь мешков шепталы. Это был не князь и не богатый уздень, а просто чеченец-окоченни, то есть вышедший из низов и разбогатевший. Как покажут ниже документы, к концу XVII века «втягивались» во всероссийский рынок и выходцы из низов.

Во второй половине XVII века в связи с углублением и рас-

ширением всероссийского рынка происходят изменения и в русской промышленности. В это время ремесло продолжало совершенствоваться и расширяться на новые районы страны. Многие виды ремесла превращаются в товарное производство. Тульские и других центров металлообработки кузнецы изготовляли свои изделия не только на заказ, главным образом в казну, но и на рынок. Расширяются, совершенствуются и появляются новые мануфактурные предприятия. Все это способствовало дальнейшему развитию внутренней и внешней торговли. Всероссийский рынок усиливает свое влияние на окраины государства, на соседние народы.

Сами Астрахань, во второй половине XVII века усиливает свое влияние на экономическое развитие Северного Кавказа. Теперь появление в этом городе чеченцев-окочан было делом обычным. Однако мы не располагаем подробными данными о вывозе и привозе товаров Терского города и составе торговцев. Известный кавказовед Е. Н. Кушева, изучавшая этот город, писала: «Терские столбцы» Посольского приказа в некоторой степени исполняют гибель архива Терского города. Архив приказа Казанского дворца, в ведении которого находилась эта крепость, также не сохранился³⁴. Р. К. Киласов, изучавший русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII — первой половины XVIII века, констатирует: «Для XVII века таможенные книги Астраханской таможни не сохранились: Архивный фонд таможни Терского города не сохранился»³⁵.

Но даже по отрывочным документам можно судить, что посещение чеченцев-окочан Астрахани с торговой целью было привычным. Так, в документе за 1672 год сказано: «отпустить из Астрахани выиз Волгою рекою и морем до Терка терского окочанина Янтуничку Кумыкова в лотке, а в лотке будет с ним для его нужды пятнадцать мешков муки ржаные, да пять котлов, да коробка порозшая, да работных людей с ним будет с той лотки терских же окочан три человека. А у работных людей будет двадцать котлов медных, четыре аршина сукна настрафильного, да две коробки с мелочью. А с привозного своего товару пошлины по указу платили»³⁶.

В других документах ассортимент товаров, вывозимых из Астрахани в Терский город, был более обширен. В 1676 году терский окочанин Ямбулат Ольмурзин вывез из Астрахани «семь юфтей красного товару, шесть (?) муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 ларчиков окованных, 30 мерлушек, 10 зеркала, 2000 игл, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пудов смолы, шестьдесят ножниц, тридцать решет, десять сит, два пуда зеленой котловой меди, да лохань большая зеленой ме-

ди, да пять мехов заячьих, белых, да бархат изобрат, работных людей десять человек»³⁷.

В 1681 году он же, Эльмурзин, вывез из Астрахани в Терский город купленных им товаров: «кармазину 15 аршин, 30 юфтей кожи, двести мерлушек, две тысячи игол, шесть пудов меди в котлах, шесть пудов меду, двести гнезд подошв, двадцать юфтей кож красных, шесть зеркал малой руки, шесть фунтов белил, пуд белил же, тридцать юфтей белых мешков»³⁸.

Мы специально перечислили наименование товаров, чтобы убедиться, что это, говоря нашими современными словами, был «ширпотреб», предназначенный для обыкновенного покупателя. Это подтверждает наше мнение о том, что, наряду с крупными «купчинами», занимались торговлей менее зажиточные люди, «втянутые» во всероссийскую торговлю.

В документальном сборнике «Русско-дагестанские отношения» показаны товары, вывозимые из Астрахани на Северный Кавказ, и простыми торговцами на больших лодках, и купцами, и профессионалами на стругах, которые обслуживались 7—10 и даже 24 работными людьми.

Что вывозили дербентские, терские, в том числе оконские торговцы и купцы из Астрахани на Северный Кавказ в последней четверти XVII века, показывают 20 выписей Астраханской приказной избы за 1676 год. Обычно это были русские традиционные товары: шубы, шапки, башмаки, салоны, холст, юфть, железные, металлические изделия, олово, проволока, медь, меха, овчины. Кроме того, из Астрахани на Северный Кавказ вывозили английское сукно, стальные иглы и булавки, наперстки, бумагу и многое другое. Суммируя количество товаров на 20 выписей Астраханской приказной избы, вывезенных в 1676 году в Терский город, Дербент и другие кавказские места, получим следующую картину: юфть разных цветов — 596 штук, меди более 40 пудов, сит — 33, решет — 12, деревянных чашек — 70, окованных ларчиков — 58, котлов разной величины — 14, братин — 100, зеркал — 64, игл — 51 500, наперстков — 1960, булавок — 5700 штук. В этих документах также значатся: пух гусиный, железные ведра, ножницы, железные бочки, белила, румяна и другое³⁹.

Через 10—15 лет ассортимент товаров, вывозимых из Астрахани на Северный Кавказ, расширяется. Так, в 1688 году по 8 выписям Астраханской таможни было вывезено на Северный Кавказ: игл — 135 тыс. штук, булавок — 133 тыс. штук, бумаги — 140 стоп, около 13 пуд. лебяжьего пуха, 10 фунт. перца, 3 фунт, гвоздики и др.⁴⁰. По-видимому, к этому времени иглы, булавки, наперстки, бумага да и многое другое уже изготовлялось в самой России.

Существенно отметить, что значительная доля этих товаров путем пожалований и транзитных торговых операций попадала в руки чеченцев и ингушей, живших не только на плоскости, но и глубоко в горах. Выявлена масса разнотипных образцов русского импорта (зеркала, булавки, иглы, замки, ножицы, наперстки, деревянная посуда и пр.) в вайнахских могильниках XVI—XVII вв. в верховьях Аргуна, Ассы, Фортанги, Арми. Для части привозных вещей документально установлено их западноевропейское производство⁴¹. Весьма знаменательны и постепенно умножающиеся случаи находок русских и европейских монет XVII века в памятниках равнинной и горной зоны Чечено-Ингушетии. Они отчасти попадали сюда через города и торговые пути России⁴².

Всероссийский рынок способствовал освоению природных богатств Северного Кавказа. Уже в середине XVII века русское правительство стремилось использовать виноградники Терека для изготовления вин. Более пристальное внимание на Северный Кавказ обратил Петр I.

Уже в конце XVII — начале XVIII века его правительство интересовалось кавказской железной рудой, нефтью, красками, шерстью, другими природными богатствами этого края, необходимыми для развивающейся русской промышленности. Петр I прекрасно понимал, что использовать эти богатства можно лишь тогда, когда русская местная администрация установит взаимные, добрососедские отношения с кавказскими народами. Не случайно он в 1702 году писал Астраханскому воеводе, чтобы «ко всем людям, к русским и иноземцам — и к ногайским и к адиганским мурзам, и к ногайским же и к юртовским татарам... и к тезикам ласку и привет и насильства никакого не делать»⁴³.

Таким образом, первоначально всероссийский рынок «втягивал» крупных кавказских феодалов, их «купчин» и узденей. Начиная примерно с середины, особенно во второй половине XVII века, в этот рынок «втягивались» люди, в том числе чеченцы-окопале среднего достатка и их вайнахские соплеменники, проживавшие в горах, что свидетельствовало о дальнейшем развитии производительных сил края, его внешних экономических связей.

Тем самым, всероссийский рынок сыграл не только большую роль в прогрессе самой России, но ее окраин и смежных народов. В политическом отношении всероссийский рынок способствовал усилению ориентации кавказских народов на русский народ, в котором он видел верного защитника от турецко-крымских и иранских агрессоров.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 357.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 165—166.

³ Кушева Е. П. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в

XVI—XVII вв., М., 1963; Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа по иерархический рынок. Нальчик, 1962; его же. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Чекменов С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII—первой пол. XIX в. Пятигорск, 1967; Рамазанов Ю. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в дореформенный период. Махачкала, 1972, и др.

⁴ См.: Власов А. В. Исторические исследования — на уровень современных требований. — В кн. «Истоки великой дружбы», Грозный, 1978, с. 5—15; Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. — Там же, с. 16—39; Павлов М. П., Попов А. Г. Научная конференция «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа». Известия СКНЦВШ, Ростов-на-Дону, 1980, № 2, с. 78-81.

⁵ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. П. Навски вместе. Грозный, 1980, с. 16; Байбулатов Н. К., Блнев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — История СССР, 1980, № 5, с. 50.

⁶ Марке К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 419.

⁷ Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории, № 1, М., 1981, с. 44—46.

⁸ Белокуров А. С. Сношения России с Кавказом. Вып. 1, 1578—1613 гг. «Чтения» в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1888, кн. III, с. 64.

⁹ Грицевко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 34—39; Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси. — Вопросы истории, 1971, № 10, с. 215—219.

¹⁰ Белокуров А. С. Указ. соч., с. 557.

¹¹ Там же, с. 64.

¹² Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв. Т. 1, М., 1957 с. 138.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

¹⁴ Очерки истории СССР Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 790.

¹⁵ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., ч. 1, с. 101, 142.

¹⁶ Там же, с. 194—195.

¹⁷ Там же, с. 301.

¹⁸ Там же, с. 279—280, 288.

¹⁹ Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII вв. Составил А. Алексеев. Сталинград, 1936, с. 73—74. Следует отметить, что определенным резервом в научном истолковании поднятой проблемы применительно к Северному Кавказу является круг сообщений зарубежных авторов о торговле в крае в XVI—XVIII вв. В специальной литературе уже есть попытки привлечения этого фонда источников (см.: Виноградов В. Б. Иностранцы авторы XVI—XVIII вв. о русско-северокавказских отношениях. — Сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 163—170).

²⁰ Кабардино-русские отношения, с. 284—285.

²¹ Там же, с. 298.

²² Полюк И. Терские казаки со стародавних времен. СПб. 1880, с. XI.

²³ Кабардино-русские отношения, т. 1, с. 262, 264—265.

²⁴ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 73.

²⁵ Там же, с. 72, 73, 77, 82, 85.

²⁶ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1956, с. 77.

- 27 Кустомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. СПб., 1889, с. 316.
- 28 Макаров Н. С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. «Исторический вестник». М., 1945, № 14, с. 151.
- 29 Кабардино-русские отношения, с. 378.
- 30 История Дагестана т. 1. М., 1967, с. 236—237. См. также: Гаджиин В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979, с. 104—110.
- 31 Пепко И. Указ. соч., с. 302.
- 32 Моков Б. М. К вопросу о торговых связях Кабарды с Русским государством в XVII в. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10, Пятифронт, 1976, с. 23.
- 33 Русско-дагестанские отношения, с. 218—219.
- 34 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 16.
- 35 Клясов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII и первой пол. XVIII в. (по материалам Астраханской таможи). Автореферат канд. дисс. М., 1971, с. 5—6; его же. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII—первой пол. XVIII в.) — Сб. Вопросы истории и этнографии Дагестана, 5. Махачкала, 1974, с. 154—155.
- 36 Русско-дагестанские отношения. Махачкала, 1958, с. 202.
- 37 См. статью Т. С. Магомедовой «К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей». Сб. «Вопросы истории Чечено-Ингушетии». Т. XI. Грозный, 1977, с. 109—110.
- 38 Там же; эти материалы содержатся и в статье Т. А. Исавой «Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII в.». Сб. «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», т. XI, Грозный, 1977.
- 39 Русско-дагестанские отношения, с. 206—213.
- 40 Там же, с. 214—218.
- 41 Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднередневековых памятников Северного Кавказа. — Изв. Сев.-Кавказского научного центра Высшей школы, Ростов-на-Дону, 1977, 1, с. 65—69; Магомедова Т. С. Следы русско-вайнахских контактов XV—XVII вв. в памятниках Чечено-Ингушетии. — Тезисы докладов Пярых «Крупновских чтений», Махачкала, 1977, с. 116—118; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 59—91.
- 42 Сводку находок и интерпретацию их, а также литературу см.: Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 15—16, 25—27.
- 43 ПСЗ, т. IV, с. 403.

Я. З. АХМАДОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Некоторые фактические данные, касающиеся проблемы политических взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., мы найдем в ряде трудов¹. А в работе П. Г. Буткова впервые была предпринята попытка «последовательного изложения действий русских на Кавказе...»², в том числе и в Чечено-Ингушетии.

Определенный интерес данная тема вызывала у дореволюционных историков XIX — начала XX века³. Однако тематика их работ, за редким исключением, не была нацелена на специальное исследование рассматриваемой нами проблемы. Вместе с тем в них имеются интересные фактические материалы, которые относятся к узкоклассовых позиций и требуют критического подхода. Дореволюционная дворянско-буржуазная историография сводила взаимоотношения России с Чечено-Ингушетией к непрерывным стычкам и кровавым побоищам.

Работы современных историков Н. А. Смирнова, Н. П. Гриценко, Т. Д. Боцвадзе, Н. А. Тавакаляна, Ш. Б. Ахмадова и других, посвященные отдельным аспектам XVIII столетия, внесли определенный вклад в эту проблему и позволили нам сосредоточить внимание на исследовании взаимоотношений Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в.

Изученный нами круг вопросов, документальной базой которых послужили архивные документы, показал, что в первой половине XVIII в. внешнеполитическая ориентация Чечено-Ингушетии приобрела устойчивый характер и стала преобладающей.

Исследовать этот важный этап в русско-вайнахских отношениях мы и поставили своей целью.

В начале XVIII в. Кавказ стал играть более значительную роль во внешнеполитических планах России, чем в предыдущее время. Возросшее значение Кавказа объяснялось стремлением решить проблему морей, ибо «ни одна великая нация никогда не существовала в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Велико-го...»⁵.

Укреплению влияния России в данном регионе мешала Османская империя, стремившаяся компенсировать территориальные потери на европейском континенте захватами в Азии, в том числе и на Кавказе.

Опираясь на традиционные связи с северокавказскими народами, Россия принимала меры, способствовавшие росту ее авторитета и влияния. В 1694 г. русские власти официально взяли под защиту Брагунское княжество⁶, где проживало значительное число чеченцев; в 1700 г. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину наладить дружеские торговые связи с народами Дагестана⁷; вопрос «похотят ли они (горцы.—Я. А.) с нами заодно быть...», заданный царем азовскому губернатору⁸, приобрел важное значение для России, занятой с 1700 г. войной со Швецией и не имевшей возможности противопоставить военные силы предполагаемой турецкой агрессии на Северном Кавказе и на южных рубежах России.

Помимо международных событий и политики великих держав, на развитие русско-вайнахских взаимоотношений влияло антикрепостническое движение конца XVII — начала XVIII в. в России и на ее окраинах. Эти движения нельзя рассматривать как «локальные явления, воздействовавшие только на историю России». В их ходе стало ясно единство «интересов эксплуатируемых масс в разных государствах»⁹.

Народы Северного Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетины, не оставались в стороне от социального и национального движения в России и на ее окраинах. И хотя колониальный акцент политики царизма в данном регионе не был еще ярко выраженным, горцы в первом десятилетии XVIII в. совместно с русскими людьми выступали против царизма с целью помочь Булавинскому и башкирскому восстаниям.

Зимой 1707 г. один из руководителей башкирского восстания (оно проходило с 1704 по 1711 г.) — Мурат оказался в селении Чечен-Аул, на территории плоскостной Чечни. Здесь он нашел со стороны горцев горячую поддержку своим воззваниям¹⁰.

К февралю 1708 г. в лагере Мурата, кроме чеченцев, оказались погайцы, кумыки, а также казаки, пришедшие с Кубани. Это были участники антифеодальных выступлений в России, бегавшие на Кубань во второй половине XVII века¹¹. У повстанцев намечаются связи не только с руководителями башкир, но и с восставшими на Дону и Украине, которых возглавил Кондратий Булавин. Известно, что башкирские повстанцы заявляли о своих связях с яицкими казаками, каракалпаками, «с донскими... людьми и с кубанцами»¹².

С другой стороны, К. Булавин прямо указывал, что «состоит в связи с башкирцами»¹³. Северокавказские повстанцы в случае успеха под Терским городом, по сообщению английского посла Витворта, желали «захватить Астрахань и затем соединиться с казаками (подчеркнуто мной. — Я. А.)...»¹⁴, а по известию астраханского губернатора П. М. Апраксина: «намерен был тот злодей (имеется в виду Мурат. — Я. А.) идти к нам и в Башкирцы (подчеркнуто. — Я. А.)...»¹⁵.

Мнение о взаимосвязанности народных движений в указанных регионах подтверждает время выступления в Поволжье и на Северном Кавказе. «В начале ... 1708 г. мы имеем вооруженные выступления против русского (читай — российского. — Я. А.) господства сразу под Казанью, на Казанской, Ногайской и Осинской дорогах Башкирии, и на Тереке среди горских народов и кумыков; наконец, к тому же моменту относится и новое возрождение Булавинского движения»¹⁶.

12 февраля 1708 г. внезапным штурмом повстанческие отря-

ды овладели Терским городом, опорным пунктом царизма на Кавказе, и захватили 10 пушек¹⁷. Остатки гарнизона укрепились в так называемом «верхнем городе», вероятно, цитадели. Однако многодневная осада не принесла успеха восставшим. 26 февраля осажденные терцы сделали вылазку, ранили и захватили в плен Мурата. В тот же день к Терскому городу подошло пятидесятысячное царское войско, посланное из Астрахани. Повстанческие силы были вынуждены отойти¹⁸.

Народное движение 1708 г. на Северном Кавказе, несмотря на неудачу, имело крупное значение. В таких выступлениях объективно складывались традиции совместной борьбы русского и горских народов против классового и национального гнета. Вместе с тем необходимо учесть, что по своим движущим силам восстание 1708 г. было неоднородным и сложным. В нем принимали участие и сословные верхи горцев, преследовавшие своекорыстные цели. Сложность представляют для исследователя идеология и цели восставших. Поэтому движение 1708 г. нуждается в специальном исследовании¹⁹.

К 1710 г. противоречия между Россией и Османской Портой привели к войне. Султан Ахмед III разослал подарки и поздравления всем горским князьям Северного Кавказа, требуя вступить в войну с «неверными»²⁰. Но северокавказские народы остались равнодушны к этим призывам. Горцы охотнее склонялись в русское подданство, кабардинские князья даже участвовали в военных действиях русской армии против крымцев²¹.

✓ Русско-турецкая война закончилась летом 1711 г. поражением России. Подписание Прутского мира, согласно которому Петр I уступал султану Азов, обязался уничтожить азовский флот и крепостные сооружения на Днепре и в Тагайроге, усилило агрессивные притязания Османской Турции на Северный Кавказ. Султан намеревался захватить Закавказье вплоть до Дербента, выбить персов из захваченных ими ранее областей и усилиться на Северном Кавказе. Русское правительство предпринимало ответные меры: оно привлекло в русское подданство значительную часть кумыкских и кабардинских князей, добилося лояльности чеченских феодалов двумя походами (1718—1721 гг.) в плоскостную Чечню²².

✓ Заключение победного Ништадского мира (1721 г.), завершившего русско-шведскую войну, позволило Петру I уже в 1722 г. предпринять поход на Кавказ. Перед выступлением в прикаспийских районах был распространен манифест русского правительства, в котором кавказские народы заверялись в полной безопасности. О целях похода было сказано, что он предпринят с целью наказания «бунтовщиков», ограбивших русских купцов в Шемахе, и помощи шаху²³. В действительности поход был с целью за-

нить прикаспийские провинции и утвердить влияние России на Кавказе.

Вступление русских войск на Северный Кавказ оказало известное влияние на развитие русско-вайнахских отношений. Владетели Аксайского и Костековского княжеств, где проживало и чеченское население, наравне с шамхалом Тарковским «выразили покорность и изъявили свою верность России»²⁴.

Впоследствии и эндирейские владельцы, пытавшиеся было оказать сопротивление Петру I, «прислали к государю посланцев, прося прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное, в первый раз и своих чеченцев»²⁵.

Недовольство Турции, эпидемии среди солдат, недостаток продовольственных запасов и фуража заставили Петра I прервать свой успешный поход. Осенью 1722 г. перед отъездом с Кавказа он заложил на р. Сулак крепость Святой Крест и побывал на территории современной Чечено-Ингушетии. Здесь он ознакомился с шелковым заводом Сафара Васильева, земли под который он подарил ему еще в 1718 г., инспектировал станицы гребенских казаков и осмотрел Брагунские теплые воды²⁶.

В 1723 г. успехи русской армии на Кавказе были закреплены в Петербургском договоре — шах уступал России Дербент, Гилян, Астрабад, Мазандераи и другие города с прилегающими областями. Россия получила также ряд торговых и политических привилегий в Иране²⁷.

Несмотря на военно-колонизационный характер политики Петра I на Северном Кавказе, она сыграла определенную роль в расширении дружеских связей Чечено-Ингушетии и России. Благодаря появлению на Северном Кавказе новых русских крепостей и поселений уменьшилась опасность османской агрессии, расширились рынки сбыта продукции сельского хозяйства и домашних промыслов горцев, увеличились источники приобретения необходимых им товаров мануфактурного производства.

В 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. некоторые общества и феодалы Чечено-Ингушетии уже установили с Россией довольно устойчивые отношения. Так, в 1726 г. «От трех чеченских князей, имеющих во владении своем около 5000 подданных, приехали (в крепость Св. Креста. — Я. А.) два узденя с тем, что они хотят быть в подданстве ее величества». Позднее эти князья приехали в крепость лично и оставили в залог верности аманата²⁸. Сторонником русской ориентации был и чеченский князь Казбулат²⁹. Его сыновья — Алибек и Алисултан Казбулатовы в 1733 г. «назвались со своими подвластными» при русском командующем на Северном Кавказе генерале Гессен-Гомбургском и участвовали в сражении с войском крымского царевича Фети-Гирей-Султана, двигавшегося в Прикаспий³⁰.

✓ Однако не все феодалы Чечни ориентировались на Россию, были и такие, которые пытались использовать в своих интересах русско-турецкие противоречия. Влиятельный чеченский князь Айдемир уничтожил отряд полковника Коха под Чечен-Аулом в 1732 г.³¹ Он же помог Фети-Гирей-Султану преодолеть сопротивление царской армии на Северном Кавказе³².

Айдемир в первой половине XVIII в. не раз менял политическую ориентацию, руководствуясь конъюнктурными соображениями. Пользуясь выгодами признания то российского, то турецкого, то иранского подданства, он пытался увеличить свою политическую значимость. Такую же своекорыстную политику проводила значительная часть северокавказских феодалов.

В 1733 г. в контакт с Россией пытались вступить горные общества чеченцев и ингушей. В Коллегию Иностранных дел России поступило сообщение, что «знатные правители, именуемые кисть, разубзюки (вероятно, дзурдзуки, наряду с этнонимом «кисты» — одно из грузинских наименований горных чеченцев и ингушей. — Я. А.) да глегаи (то есть — галгаи — самоназвание крупного ингушского общества в верховьях р. Ассы.—Я. А.), да тушеты, да хевсур, да осетины, всего 6 человек со всеми обывателями просят, чтобы приняты были в протекцию и под высокую державу е. и. в.»³³. Но русское правительство не могло в тот момент вынести определенного решения о принятии их в подданство.

В начале 30-х годов XVIII в. царизм был вынужден вывести войска из Прикаспия, а затем перенести границу с Сулака на левый берег Терека. Эти решения объяснялись угрозой войны с Османской Портой и требованиями Ирана, где к тому времени укрепилась центральная власть. В 1735 г. на Тереке стала сооружаться новая крепость — Кизляр.

Воспользовавшись отходом русских войск за Терек, Османская Порта объявила себя «покровительницей Дагестана» и направила туда свою армию. К середине лета 1735 года 80-тысячное крымское войско под командованием Каплан-Гирея показалось на берегах Сунжи. Но крымцы встречены были иначе, чем два года назад.

✓ Крымский хан пытался поработить все северокавказские народы. Чеченское предание, записанное русским офицером в 1856 г., свидетельствует о том, что хан обложил данью: «даже тех, кто в бедности жили у гор снеговых». Но чеченцы категорически отказались «рабску дань ему платить и сказали, что готовы с ним биться за свободу, чем платить»³⁴.

Если ранее крымские ханы добивались поддержки своим действиям от некоторых чечено-ингушских обществ подарками

и посулами, то на этот раз они требовали полного подчинения и признания крымского сюзеренитета.

Требования дани и покорности вызвали всеобщее возмущение. Даже князь Айдмир, сотрудничавший в 1733 г. с крымским Фети-Гирей-Султаном, присягнув на верность России и, как писал Бутков П. Г., «по многим от хана письмам и одзвамам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал»³⁵.

Кавлан-Гирей решил вторгнуться на Чеченскую равнину через ущелье Хан-Кала, в Сунженском хребте, но там его ожидали военные силы, стянутые со всей Чечни. Первый крымский пяти тысячный отряд, вошедший в ущелье, был наголову разбит горцами и обращен в бегство. Второй отряд такой же численности чеченцы пропустили через ущелье, закрыли проход и многих татар истребили. В числе убитых было много знатных мурз и два царевича³⁶.

Крымский хан был вынужден отказаться от дальнейших попыток покорения Чечни и, оставив ее в стороне, продолжил путь в Прикаспий.

Российское правительство через своего представителя в Стамбуле протестовало против прохождения крымских войск через Северный Кавказ, мотивируя тем, что ряд горских народов находится под его протекторатом. Последовавшее, несмотря на противодействие российской дипломатии, вторжение крымских сил на Северный Кавказ послужило поводом к вступлению России в войну с султанской Турцией в 1736 году.

Войну Россия выиграла, в 1739 г. был заключен Белградский мир, усиливший позиции российского правительства на Северном Кавказе. В данной войне Россия преследовала свои политические интересы — ликвидировать условия униженного Прутского мира и добиться выхода к Черному морю — однако объективно ее действия совпали с интересами горских народов, борющихся с османо-крымской экспансией.

Белградский мир имел большие политические последствия для народов Северного Кавказа. В частности, Кабарда была объявлена «вольной» и должна была служить своеобразным барьером между зонами влияния Османской империи и России на Северном Кавказе.

Усиление ориентации Чечено-Ингушетии на Россию привело к тому, что влиятельный чеченский князь Айдемир не только принял российское подданство, но и сыграл определенную роль в борьбе с османской агрессией на Кавказе. В залог верности своей присяги Айдемир отдал в аманаты сына Бардыхана, а другой чеченский князь, Алисултан Казбулатов, отдал брата своего Вамата³⁷. Уже в 1735 году Айдемиру и его узденям было назна-

чено крупное денежное и продовольственное жалованье³⁹. Согласно ведомости 1746 г. оно состояло из следующего:

«Чеченскому владельцу Айдемиру Бардыханову денег — 50 рублей

за 25 четвертей муки — 15

за 25 четвертей овса — 7^{1/2} ,

ИТОГО: 72^{1/2} рубли

Уздням его 20-ти

денег — 100 рублей

за 100 четвертей муки — 60

за 100 четвертей овса — 30

ИТОГО: 190 рублей³⁹.

Устойчивость ориентации Чечено-Ингушетии на Россию подверглась проверке в сложной международной обстановке на Кавказе в начале 40-х гг. XVIII в. В 1741 г. иранский шах Надир со 100-тысячной армией вторгся в Дагестан с целью завоевания всего Кавказа и южных рубежей России⁴⁰. И Иран, и Россия стремились заручиться поддержкой местных владельцев. Чеченский князь Айдемир, приехав в Кизляр, «против шаха по возможности своей стоять обязался» и оказал помощь «к приведению других горских владельцев Усмея больших аварцев, и андиевцев в российское подданство...»⁴¹

Надо отметить, однако, что тот же Айдемир и другой чеченский владелец, Алибек, посылали своих послов к Надиру «с представлением его стороне подданства»⁴². Был даже заключен формальный договор о совместных боевых действиях против пограничной линии России на Тереке. Но за время пребывания Надира на Кавказе со стороны Чечено-Ингушетии не было произведено ни одного враждебного выступления против России.

Героическая борьба народов Дагестана заставила Надира в 1743 г. вернуться в Иран. В 1745 г. он был убит придворными заговорщиками. Захватническая авантюра Надира на Северном Кавказе провалилась в немалой степени из-за антииранской позиции местных горских обществ.

В конце 40-х гг. XVIII в. расширяется число районов Чечено-Ингушетии, связанных с Россией политическими и торговыми отношениями. С 1745 г. самодержавие начало пропаганду христианства на Центральном Кавказе, а в 1747 г. пограничные власти на Тереке получили распоряжение о приеме ингушей и осетин в русское подданство⁴³. Одновременно росло влияние России среди чеченцев, что обуславливалось тяготением народных масс Чечни к дружеским связям с русским народом.

В 1747 г. жители общества и одноименного аула Герменчук

пригласили на княженье офицера русской службы — Девлет-Гирея Черкасского⁴⁴.

С октября 1748 г. правительство разрешило пропуск «быков, коров, рыбы... полотняного товару» из Кизляра в Герменчук. Кроме того, был допущен свободный проезд «сво людей с ... печатями (т. е. разрешением, подписанным Девлет-Гиреем. — Я. А.) и гребенские (казацки. — Я. А.) городки». В том же году и жители деревни Чебутли согласились быть в российском подданстве, в «ведомстве» князя Девлет-Гирея, «дабы им с купечеством в город Кизляр, гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и прочие деревни ездить под защищением было свободно»⁴⁵. За этим последовали присяги Алдинского общества и аула Шалн⁴⁶.

В 1747—1748 гг. решением Коллегии Иностранных дел России постоянное царское жалованье стали получать пятьдесят узденей и четверо чеченских князей: Раслаибек Айдемиров, Алисултан и Алибек Казбулатовы, Турлов⁴⁷.

Таким образом, в течение первой половины XVIII в. взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и намного расширились, ориентация на Россию стала преобладающей.

В 50-х гг. XVIII в. процесс развития русско-вайнахских политических связей продолжался, но укрепление их протекало неравномерно. К примеру, в 1758 г. царизм организовал крупный поход на Чечню с целью «замирения» народных масс и восстановления пошатнувшейся было княжеской власти. Только в 1760 г. плоскостные аулы Чечни, втянутые в этот конфликт, урегулировали спорные вопросы путем переговоров с царскими властями, дали присяги и выдали аманатов из влиятельных семейств⁴⁸.

В то же время в конце 50-х гг. XVIII в. был достигнут прогресс в русско-ингушских связях. Нуждаясь в защите от нападений феодалов соседних народов и испытывая острую нехватку «в соли, железе, холсте, кумаче, обуви, одежде, иглах, ножницах, ножиках, кремне...»⁴⁹, ингуши неоднократно просили, «чтоб под протекцию е. и. в. приняты были, нечисляемы как состоящие в российском подданстве чеченцы...»⁵⁰.

Так, в 1756—1757 гг. ряд ингушских старшин от имени своих обществ принесли первые присяги подданства России. В начале 1758 г. в Кизляр приехала делегация в составе девяти ингушских старшин, которые присягнули в подданство России и обещали коменданту Фрауендорфу помощь в действиях российских властей на Северном Кавказе⁵¹. В 1761 г. к плоскостным ингушам для защиты от набегов соседних феодалов был определен на сезон весенних и уборочных работ ротмистр Киреев с воинской командой⁵².

К началу 60-х гг. XVIII в. дружественные отношения с Россией наладили карабулаки — значительное по численности общество Чечено-Ингушетии. Большая часть карабулаков в 1762 г. через своего «покровителя» андирейского князя Аджи-Муртазалия обратилась к России с просьбой о принятии в подданство⁵³. Причиной обращения послужила необходимость «в защищении... от обид» со стороны соседних феодалов, с которыми карабулаки были в ссоре⁵⁴. Безусловно, что для них большое значение имело и установление торговых связей с русскими пограничными рынками. Присягу подданства приняло 500 дворов карабулаков; в знак верности они отдали в заложники пять человек из «природных старшинских детей», русские власти обязались защищать их от набегов соседей⁵⁵. В мае 1763 г. к новому карабулакскому плоскогорному аулу был определен для «охранения» «орунжий Яков Наджий»⁵⁶.

В коллективном докладе секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС М. О. Бузуртапова, кандидата филологических наук Н. К. Байбулатова, докторов исторических наук М. М. Бляева, В. Б. Виноградова, В. Г. Гаджиева «Основные этапы и закономерности вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», сделанном на научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» («Грозненский рабочий», 4 октября 1979 г.), было высказано мнение, что присягу подданства карабулаков в 1762 г. надо считать фактом добровольного вхождения их в состав Российского государства.

В заключение необходимо отметить, что расширение русско-вайнахских политических отношений приводило к возрастанию торговых связей. Местные общества, «вступившие под российскую протекцию», непременно условием признания власти России стали выдвигать требование на право свободной торговли⁵⁷.

В свою очередь и русское население по Тереку, остро нуждавшееся в горских товарах, настаивало на «необходимости дружеских отношений с «горчанами», т. е. с горцами»⁵⁸.

Таким образом, приведенные источники свидетельствуют о добровольном и устойчивом тяготении Чечено-Ингушетии к установлению взаимовыгодных отношений с Россией. В течение первой половины XVIII в. ориентация на Россию превращается в основную внешнеполитическую ориентацию вайнахских обществ. Процесс закрепления отношений с Россией путем принятия присяг подданства охватывает основные районы Чечено-Ингушетии, что являлось выражением искреннего стремления горцев к дружбе и союзу с Россией и русским народом.

¹ См.: Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. — История, география и этнография Дагестана.

Архивные материалы. М., 1958; Соймагов Ф. И. Описание Каспийского моря и окрестных на оном российских завосваний. СПб., 1763; Гюльденштердт И. Г. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1800, и др.

8 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1800 г. В 3-х частях. СПб., 1869, ч. I, с. 8.

9 См.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1—6, СПб., 1871—1887; Потто В. А. Утверждение русского владычества на Кавказе. В 3-х томах. Тифлис, 1907; Максимов Е. Чеченцы — Терский сборник. Вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893; Вертепов Г. Ингуши — Там же; Головачевский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. — Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 11. Владикавказ, 1914.

10 Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их объединения в состав России. — Археолого-этнографический сборник, т. 11. Грозный, 1968; Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. — Известия ЧИИИИИЯЛ, т. IX, ч. 3, в. 1, Грозный, 1974; Бощадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974; Григоренко И. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Рукопись диссертации на получение ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1977; Там же. Из истории чечено-русских отношений. — Вопросы истории Дагестана. Досветский период. Вып. 2, Махачкала, 1975; Бузуртанов М. О., Ибрагимов В. Б., Умаров С. Ц. Навски вместе. Грозный, 1980; Виноградков В. Б. Россия и Северный Кавказ до 1917 г. (Обзор литературы за 1971—1975 гг.) — История СССР, 1977, № 3.

11 Маркс К. Тайная дипломатическая история XVIII столетия. — Цитируется по: Дружинина Е. Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1966, с. 29.

12 Юдин П. Материалы Кизлярского архива. — Сборник общества любителей казачьей старины. № 6. Владикавказ, 1912, с. 3; Указ о его охране от 1706 г. — См.: П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, с. 531.

13 История Дагестана. Т. 1, М., 1967, с. 338.

14 История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1, М., 1967, с. 162.

15 Сапиг Г. А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII — начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства. — Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Сб. статей. М., 1974, с. 378.

16 См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1, М.-Л., 1937, с. 240—241. (Далее: Материалы...); Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III, СПб., 1973, с. 213.

17 См.: Материалы..., с. 232, 242; Короленко П. П. Некрасовские восстания. — Известия Общества любителей истории Кубанской области, вып. 2. Краснодар, 1900, с. 12—13.

18 Лебедев В. И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. — Исторический вестник, № 1, 1937, с. 90.

19 Сб. Русского исторического общества (РИО). Т. 50, СПб., 1886, с. 16.

20 Там же, с. 12.

21 Материалы..., с. 242.

22 Акмоинов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. — Из истории Башкирии. Уфа, 1968, с. 45.

23 Материалы..., с. 242.

24 Там же, с. 232, 242—243.

25 Исследователи советского времени, изучающие народные движения в России и на ее окраинах, оценивают восстание горцев на Северном Кавказе 1708 г. как один из очагов крестьянского и национально-освободи-

тельного движений, объективно распативавших устои самодержавно-крепостнической системы. См.: Лебедев В. И. Булавинское восстание 1707—1708 гг.; Акмонов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг.; Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. — Вопросы истории классовобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI—нач. XX в.). Грозный, 1980; В книге М. О. Бузуртуянова, В. Б. Виноградова, С. Ц. Умарова. «Навеки вместе» (Грозный, 1980) этот аспект не учтен.

¹⁹ История Дагестана, т. 1, с. 338.

²¹ Кабардино-русские отношения, т. 2, М., 1957, с. 3; Вилинбахов В. В. Походы Александра Бекевича Черкасского на Каспийское море и Хиву (1714—1717 гг.). — Ученые записки КВНИИ, т. XIV, Нальчик, 1959, с. 61.

²² См.: Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII в. Документы и материалы (Далее: Русско-дагестанские отношения...). Махачкала, 1958, с. 225—226; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 104—105; Его же: Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979, с. 53—54, 64, 103 и др.; Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951, с. 98.

²³ Русско-дагестанские отношения..., с. 244—246.

²⁴ См.: Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, с. 112; Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах — Известия ЧИРКМ, в. XI, Грозный, 1975.

²⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 23.

²⁶ Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809, с. 291.

²⁷ Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. VII, с. 110—112; Русско-дагестанские отношения..., с. 284—287.

²⁸ Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859, с. 144, 149.

²⁹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, оп. 115/1, д. 11, л. 230.

³⁰ Там же, л. 230—230 об.

³¹ См.: Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881, с. 28; АВПР, ф. Осетинские дела, 1757, оп. 128/4, д. I, л. 25.

³² Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 15, Одесса, 1889, с. 200.

³³ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом, составитель Гамрекели В. И. Тбилиси, 1968, с. 119—120.

³⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 301, л. 12.

³⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 122.

³⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 301, л. 14—15; Русские источники подтверждают факт крупного сражения между крымским и чеченским войсками, но относят дату события к 1733 г. См.: П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, с. 122; Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 2, Владикавказ, 1912, с. 38; и др.

³⁷ См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 158, ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 183, л. 73, 85.

³⁸ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 122.

³⁹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1746, оп. 115/1, д. 5, л. 23, об.; Жалование Айдемира Бардыханова складывалось из двух статей — деньги и кормовое довольствие, однако к 1746 г. Айдемир добился выплаты кормового довольствия в денежной форме.

⁴⁰ Юдин П. Л. Россия и Персия в конце 1742 года по письмам Братшова к канцлеру князю А. М. Черкасскому. Русский архив, кн. I, в. 3, М., 1889, с. 373.

- 41 АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1743, оп. 77/1, д. 3, л. 9.
- 42 Там же, л. 8—8 об.
- 43 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 515.
- 44 См.: Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений.
- 45 См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 258—259; Тотоев Ф. В. Социальные отношения и обмена в Чечне (2-я половина XVIII в.—40-е годы XIX в.). Известия СОНИИЯЛ, т. XXV, история Орджоникидзе, 1966, с. 157—158.
- 46 См.: ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3372, л. 1. об. — 2; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 258.
- 47 ЦГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 74.
- 48 Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757—1758 гг. — Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.). Грозный, 1979.
- 49 Архив Северо-Осетинского НИИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 48 (копия).
- 50 Кокнев Г. Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. 1. — Известия СОНИИЯЛ, т. 6. Орджоникидзе, 1934, с. 83—84.
- 51 Русско-осетинские отношения в XVIII в. Составитель М. М. Блиев. Т. 1. Орджоникидзе, 1976, с. 395—397.
- 52 Кокнев Г. Указ. соч., с. 48.
- 53 Гантемирова А. Г. К истории карабулаков. — Известия ЧИРКМ, в. XI, Грозный, 1975, с. 67.
- 54 АВПР, ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762—1772, оп. 118, д. 1, л. 277—278.
- 55 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3318, л. II, ч. 2, л. 40; Принятие карабулаками присяги подданства России в 1762 г. детально зафиксировано в выявленном нами донесении ротмистра Михаила Мансурова, которое хранится в указанном выше деле (л. 30—45). В. Б. Виноградов и С. П. Умаров в методических указаниях для студентов Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого «Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России» (Грозный, 1980, с. 41—42), а затем в соавторстве с М. О. Бузургановым в книге «Навек вместе». Грозный, 1980, с. 83 85) опубликовали отдельные фрагменты этого документа. Исчерпывающее представление о нем может дать обращение к первоисточнику.
- 56 АВПР, ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762—1772, оп. 118, д. 1, л. 18.
- 57 Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 158.
- 58 Тхамоков Н. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. — Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1960, с. 164.

Ш. Б. АХМАДОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ С РОССИЕЙ И НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII ВЕКЕ

Настоящая статья посвящена одной из малоработанных и вместе с тем важных проблем социально-экономической истории Чечено-Ингушетии — торгово-экономическим связям Чечено-Ингушетии с Россией и северокавказскими народами в XVIII веке.

В общих работах исследователей Скитского Б. В., Фадеева А. В., Калоева Б. А., Гриценко Н. П., Саламова А. А., Тотоев

ва Ф. В., Чекменева С. А., Ахмадова Я. З., Бузуртапова М. О., Байбулатова Н. К., Блиева М. М., Виноградова В. Б., Гаджиева В. Г., Умарова С. Ц., Ахмадова Ш. Б. и др.¹, касающихся отчасти политических, экономических и культурных связей народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа, внешние и внутренние экономические связи в XVIII веке рассматриваются преимущественно как обмен товаров и изделий между различными горными и равнинными районами, а также как обмен или торговля с русским населением в гребенских городках на реках Терек и Сунжа.

Что же касается внешних экономических связей Чечено-Ингушетии с Россией и соседними северокавказскими народами, то о них приходится говорить только вскользь. Надо полагать, что Чечено-Ингушетия в XVIII веке поддерживала торгово-экономические связи с западными и восточными рынками через торговых посредников (купцов-тезпиков). Однако почти полное отсутствие прямых источников по этому периоду не дает возможности представить себе характер этой торговли даже в самых общих чертах.

Затрудняло работу над данной темой отсутствие единого архивного фонда по торговым связям. Материал, распыленный среди разных групп архивных документов, как не опубликованных, так и уже частично изданных в совокупности с другими публикациями, приходилось собирать по крупицам.

Столь неблагоприятное положение с источниками, по-видимому, и является одной из основных причин того, что до настоящего времени тема о торговых связях с Россией и народами Северо-Восточного и Центрального Кавказа в XVIII веке не была подвергнута детальному изучению.

В истории внешних экономических взаимоотношений XVIII век предстает этапом выхода населения Чечено-Ингушетии к рынкам Российского государства, а также к торговле со странами Востока. Торговые связи Чечено-Ингушетии с Россией, завязавшиеся еще в XVI—XVII веках, приобретают в это время постоянный характер, отличаются сравнительно возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть в общем внешнем товарообороте Чечено-Ингушетии немаловажную роль.

Изучая таможенные выписи астраханских таможенных фондов, а также дела других архивных фондов, мы убеждаемся, что в XVIII веке в хозяйственном быту чеченцев и ингушей восточные товары имели значительно более широкое распространение, чем товары западные.

В то же время торговля в XVIII веке с Россией, народами Северного Кавказа и Закавказья, в частности в городах Астрахань, Терки, Святой Крест, Кизляр, Моздок и т. д., имела несравненно

большее значение для экономического развития Чечено-Ингушетии, нежели торговля с восточными и западными странами.

Определенную роль играли торгово-экономические связи чеченцев и ингушей в XVIII веке с соседними народами Дагестана, Кабарды, Осетии, Балкарии и т. д.

Если на внешнем рынке с российскими городами главным образом преобладал спрос на изделия быта и ремесла, то с восточных рынков (Китай, Иран, Бухара) к горцам преимущественно поступали различные ткани, бухарские кожевенные изделия и т. д.

В свою очередь большим спросом у русского населения пользовался всякого рода сельскохозяйственный инвентарь чеченцев и ингушей.

Известно также, что чеченский хлеб вывозился на продажу не только к соседним народам, но даже за границу — в Персию².

Это свидетельствует о развитии производительных сил в регионе, указывает на то, что вывоз сельскохозяйственного инвентаря и хлеба имел важное значение для расширения отечественного производства. Он не только способствовал росту производства сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, но и развивал в Чечено-Ингушетии географическое разделение труда. Известно, что производство зерна и изготовление некоторых изделий ремесла, которые вывозились в российские города и даже на восточные рынки, постепенно определяли районы, специализировавшиеся на выработке этих изделий и сырья.

В первой половине XVIII века преимущественно развиваются торговые связи Чечено-Ингушетии с Терками, Святым Крестом, Кизляром, Астраханью, а со второй половины XVIII века — Моздоком. Особенно значительна была экономическая роль Кизляра, Моздока и Астрахани, где ежегодно собирались ярмарки и куда стекались купцы из России, Средней Азии, Ирана, Закавказья, Индии и других мест.

В развитии и укреплении торгово-экономических связей одинаково были заинтересованы как народы Чечено-Ингушетии, так и России и всего Северного Кавказа. Поэтому торговые отношения между ними, возникшие значительно раньше, приобрели в XVIII веке постоянный характер. Чечено-ингушские купцы регулярно посещали Кизляр, Астрахань, Моздок, берега Азовского и Каспийского морей, где они вели торговые операции не только с русским, но и иноземным купечеством. В свою очередь иранские и закавказские купцы, среди которых было много грузин, армян и греков, являлись частыми посетителями торговых центров на Северном Кавказе.

В рассматриваемое время в Чечено-Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, по-видимому, интенсивно развивалась

контрабандная торговля. Причиной тому были различного рода запреты царизма на товары — особенно на металлы, золото, серебро и другие предметы, которые запрещалось вывозить за пределы страны.

О контрабандной торговле в Чечено-Ингушетии мы говорим не случайно. Именно такая торговля, по всей вероятности, — причина отсутствия прямых документальных сведений в архивах о степени и размерах торговых контактов (кроме немногочисленных материалов об окончанских чеченцах Терского города) чеченцев и ингушей в Кизляре, Астрахани и Моздоке.

Попытаемся на основе имеющихся в нашем распоряжении опубликованных материалов и новых архивных источников показать конкретную роль каждого из этих городов Кавказа, как важного экономического центра сближения различных народов Северного Кавказа с Россией и установления на этой основе между ними более широких контактов.

В начале XVIII века г. Астрахань продолжает оставаться главным узловым передаточным пунктом водных и сухопутных путей торговых связей народов Кавказа с Россией и Востоком.

Выгодное географическое положение и своеобразные условия экономического развития края обусловили важное место Астрахани во внутренней и внешней торговле как русского пограничного города, расположенного при выходе волжского торгового пути в Каспийское море.

После сосредоточения всего волжского пути в руках России Астрахань приобретает крупное торговое значение. Через нее направлялись из Москвы торговые караваны и посольства в Закавказье, Иран, Бухару, Хиву и обратно; здесь же базировалась и основная коммерческая деятельность восточных купцов в Русском государстве. В Астрахань прибывали, наряду с русскими и татарскими купцами, бухарские, юргенские, кызылбашские, гяляиские, шемахинские, ногайские, армянские и турецкие купцы, которые, пользуясь правом свободного приезда в пограничный город Русского государства, вели здесь постоянную торговлю в больших размерах².

В первой четверти XVIII века Петр I выдвинул обширную программу укрепления экономических связей России с Востоком. Он стремился изменить традиционные торговые пути, направить восточную торговлю по Каспийско-Волжскому пути и сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой. Поэтому вполне естественно, что большое место в планах Петра I отводилось Астрахани, которая, вследствие своего выгодного географического положения, издавна была крупным центром восточной торговли.

Еще в XVII веке купечество и горожане Астрахани вели

оживленную торговлю с жителями Терского городка. Судя по документам, в Астрахань привозили из г. Терки различные товары и изделия чисто кавказского производства и, наоборот, из г. Астрахани горцам доставлялись товары российского, западно-европейского и восточного производства.

Правда, дошедшие до нас отрывочные сведения о вывозе товаров из г. Астрахани окочанскими жителями г. Терки в первой четверти XVIII века не дают еще четкого представления о характере и состоянии торговли в рассматриваемый период. Однако то небольшое количество документов Астраханской таможни, впервые вводимых нами в научный оборот, характеризует стремление терских окочан к расширению экономических связей с различными торговыми пародами в г. Астрахани.

Часть документов таможенных выписей Астраханской таможни за 1718, 1723, 1724, 1725 гг., проанализированных нами, сообщает сведения о привозе окочанами товаров из г. Астрахани в г. Терки и только два документа — о вывозе окочанами товаров из г. Терки в г. Астрахань.

Так, в ноябре 1718 г. терский окочанин Кюря Салмаиов вместе со своими товарищами по совместной торговле из г. Астрахани вывоз: «...пятьдесят четыре фати, кож красных малых; восемьсот пятьдесят аршин холста; двадцать четыре меха заячьих, черевых; одиннадцать мехов заячьих, хребтов два пуда, сандалу синего; четыре зеркала простых; пять зеркал круглых московских; две овчянки бухарские; шесть овчинок калмыцких белых; пять аршин стамеду; двадцать удил железных; двадцать четыре ножниц, московских рубашек; триста десять кувшинов муравленых малых и средних; пятьдесят чашек муравленых малых и средних; восемьсот десять аршин холста; двенадцать концов китайки; триста аршин холста ровнаго; две фати, мехов белых; один мех более черевей; двадцать фунтов пряжи; десять рубашек еремисских; пять мерлушек калмыцких, красных; пуд пуху гусенного; три конца китайки»⁴.

В декабре 1723 г. терский окочанин Курманали Богоматов вывоз из г. Астрахани «...две тысячи аршин холста ровнаго; тридцать три фати, кож красных; двадцать семь коробок красных; сто семьдесят пять чаш красных; сто чашек малых; семьсот блюуд красных; пятьсот аршин холста ровнаго; одиннадцати пуховников, заячьих мехов...»⁵.

В это же время другой терский окочанин Мамак Алебеков вывоз оттуда же «...сто пятьдесят кумачей красных, шестьсот сорок аршин крашенин, двести шестьдесят аршин крашенины битой, шестнадцать фатей, кож красных, триста пятьдесят аршин холста, семьдесят аршин хряцу, пять мехов, красных двадцать белыниин, двадцать один мех заячей, черевей, два меха заячьих

серых, трой дороги, две овчинки бухарских, четыре овчины калмыцких, четыре пуда сандалу, два аршина сукна ветешного, один кушак подшелковый...»⁶

В июле 1725 года терский окочанин Баташ Мамутов вывез из г. Астрахани в г. Терки «... на явленные деньги, на пяти рублей, на двадцать, на десять алтын, на две деньги, четыре пуда пряжи тройной и двойной, четыре рубли, восемь гривен, шесть коробок красных, тридцать шесть алтын...»⁷

Среди товаров, которые вывозились из Астрахани терскими окочанями, преобладают предметы одежды, хозяйственного быта и туалета — московские зеркала различных форм, московские рубашки, бухарские мерлушки, калмыцкие овчинки, китайские отрезы, т. е. вывозили ассортимент тех же товаров, что и в XVII веке⁸.

Однако не только российские, западноевропейские и восточные товары, вывозимые из Астрахани в Терский городок и в другие горские селения, пользовались большим спросом у горцев, но и, по-видимому, чечено-ингушские ремесленные изделия, в том числе и бурки, привозимые на астраханские базары терскими окочанями. Так, в ноябре 1725 года терский окочанин Богамат Агаев вывез из города Терки в Астрахань «сто двадцать бурок черкасских»⁹. В это же время другой терский окочанин Агай Маметов привез на продажу в г. Астрахань товару: сорок пять сукоп и сто двадцать бурок черкасских¹⁰.

Как видим, в лице Богамата Агаева и Агая Маметова предстают не простые жители г. Терки, а вполне сформировавшаяся богатая купеческая прослойка окочан, которая вывозит на астраханские базары большие партии горских бурок и сукоп с целью извлечения денежной прибыли или же для обмена их на товары российских, среднеазиатских или восточных купцов.

Однако по сравнению с XVII — в XVIII веке значительно расширился ассортимент в основном промышленных товаров отечественного производства, которые вывозились из Астрахани индийскими и другими купцами в Закавказье и Иран. К ним относятся разнообразный набор галантерей (платки, ленты, банты, тесьма, нитки, чулки, бисер и т. п.), мелкие металлические изделия (иглы, наперстки, булавки, пряжки и пр.), а также мыло, ядро, посуда деревянная, оконное стекло, предметы хозяйственного обихода (сундуки, коробки, ларцы и пр.), свечи восковые и сальные, писчая бумага «российских фабрик» и др. Кожу, сукна, меха, краски, полотно и холст также являлись основными предметами вывоза¹¹.

В первой половине XVIII века промышленные товары отечественного производства преобладали в русском экспорте в Иран и Закавказье. Хотя доля западноевропейских товаров (в основ-

ном сукна и краски) в вывозе и уменьшалась по сравнению с XVII веком, однако в ценностном выражении она продолжала оставаться значительной.

Индийские купцы привозили через Астрахань хлопчатую бумагу, меха (овчины и мерлушки багдадские, ширазские, бухарские), медь-лом, медные изделия (подносы, рукомойники, чаши и др.), сафьян, чернильные орешки и др.¹²

Иранские и среднеазиатские купцы, приезжая для торговли в Астрахань главным образом со своими собственными товарами, нередко привозили на продажу хауские и шахские товары.

Наряду с Астраханью в начале XVIII века одним из главных связующих пунктов торгово-экономических связей России с народами Северного Кавказа, Закавказья становится г. Терки (Терский город).

В рассматриваемое время г. Терки является не только экономическим, но и главным военным и административным центром Северо-Восточного Кавказа. Через г. Терки Российское государство было связано с Ираном и другими странами. Терки был связан также торговыми путями с Дагестаном, Чечено-Ингушетией, Кабардой и Закавказьем.

Терский городок был заложен впервые русскими в 1567 году на реке Тереке (Терке) на устьи Сююнчи реки, или «Сунжи», как ее называет Книга Большого Чертежа. Городок был вскоре опустошен, но в 1578 году появился снова, просуществовав опять недолго. Наконец, в 1588 году город на Тереке, как имеющий большое стратегическое значение, был правительством еще раз восстановлен, но уже на другом месте, на устье Терском «близ Тюменки» — протоки Терека, вследствие чего он назывался и «Теркою» и «Тюменью». Место же в устье р. Сунжи, где раньше находился Терский городок, стало известно под именем «Сунжи» городища¹³.

Постройка нового города на Тереке имела большое политическое значение: укреплялось положение Московского государства, взявшего под свою защиту северокавказские народы от турок. Московское правительство в это время помогает традиционному сопернику Турции — Персии. Теперь туркам путь в Среднюю Азию через Северный Кавказ был наглухо закрыт, так как с постройкой этого города открывалась возможность контролировать северокавказский путь¹⁴.

В г. Терки постоянно проживали царские воеводы, здесь был сосредоточен большой военный гарнизон, хранились военные и продовольственные запасы. Сюда приезжали послы из Закавказья, князья и мурзы Северного Кавказа¹⁵.

В Терском городе проживало смешанное население. К этому времени относится образование около Терского города Зареч-

ной, Черкасской и Новокрещенской слобод. В конце XVI века здесь появились слободы Окоцкая и Татарская. Часть жителей этих слобод переселялась в казацкие городки. Воеводы города платили им окладное жалование¹⁶.

Казаки поддерживали дружеские, кунацкие связи с горцами. Горцы свободно ездили за Терек, а казаки — в горы. Казаки совместно с горцами участвовали в защите пограничных рубежей от персидских и турецко-крымских завоевателей¹⁷.

Терский город продолжал оставаться резиденцией царских воевод.

Начало XVIII века открывает новую страницу в истории терского казачества: с этого времени оно вошло в общий состав вооруженных сил России. Петр I считал, что Северный Кавказ сыграет большую роль не только в усилении военного могущества России, но и в развитии торговли на Ближнем Востоке.

В первой четверти XVIII века, а точнее — до 1724 года, город Терки продолжал оставаться важнейшим торговым центром и связующим пунктом между Россией, народами Северного Кавказа и Закавказья.

В Терский город в начале XVIII века приезжали торговать купцы из Ирана, Шемахи и Дербента.

Главными торговыми путями, по которым Чечено-Ингушетия в рассматриваемое время поддерживала экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья, были сухопутные магистрали. Так, один из торговых путей из г. Астрахани, о котором мы говорили выше, пролегал через степь в Терский городок, а оттуда в находящийся на земле кумыков город Тарки. Этому отчасти благоприятствовало то выгодное положение, которое он занимал в то время на прикаспийском торговом пути¹⁸.

Существовала другая торговая дорога, которая вела от г. Терки до Сунженского городка, затем шла вверх по р. Сунже и через владения мелких феодалов (на территории Малой Кабарды) уходила по трассе современной Военно-Грузинской дороги, и далее поворачивала на восток, в Кахетию (Восточная Грузия)¹⁹.

Через южную часть Чечни также проходил торговый караванный путь «из восточной части Северного Кавказа в Дагестан и на восток»²⁰. Правда, существовал еще старинный торговый путь, который проходил через земли мичкизия и назывался поэтому «мичкизской дорогой». Он связывал население Терского города с аулом Дарго и со всем Дагестаном²¹.

Среди множества торговых путей существовала также дорога, шедшая от берггов Черного моря и Генуэзских колоний через земли адыгов, карачаевцев, кабардинцев и далее по Терку че-

през территорию юго-западной Чечни в Дербент и страны Востока²².

Таким образом, судя по наличию множества торговых сухопутных дорог, связывавших Чечено-Ингушетию с Россией, Северным Кавказом, Закавказьем и Востоком, чеченцы и ингуши в XVIII веке имели все условия для развития как внутренней, так и внешней торговли.

Содержание дошедшего до нас документа 1708 года дает нам основание полагать, что между ногайцами, черкесами, терскими окочанами и гребенскими казаками, с одной стороны, и жителями Чечено-Ингушетии, с другой стороны, издавна существовали, и в XVIII веке получили свое дальнейшее развитие торгово-экономической связи. Так, в документе 1708 года читаем: «И из них же ногайцев Алди-Гирея и черкасского беглой уздень Лузан да 2 человека терских охочан (окочан. — Ш. А.)... ездили с Терку для продажи в Чечню с рыбою...»²³.

Об усилении экономических связей горцев с русскими городами, расположенными на Северном Кавказе, и самой Россией имеется много документальных материалов. Перед нами документ 1720 года, в котором известный Тарковский шамхал Адиль-Гирей просит разрешения у царя Петра I об определении его сына Каспулата начальником над аухами (чеченцами), проживавшими в Терках, и одновременно обращает внимание «его царского величества» на то, чтобы горцев, приезжающих в Москву или в другие российские города для покупки за свои деньги «потребного числа пороху, свинцу и оружия... везде с теми вышеописанными покупками на заставах не задерживая пропускать»²⁴.

Определенный интерес представляет прошение кумыкского шамхала Адиль-Гирея к Петру I от 23 января 1721 года. В нем Адиль-Гирей просит, чтобы его горцам не запрещали покупать домашнюю птицу в российских городах (по-видимому, в городе Терки) и свободно разрешали им проезжать в города для приобретения других необходимых товаров²⁵. Надо полагать, горцы покупали у русских людей птицу с той целью, чтобы ее можно было свободно разводить у себя, причем культивируя новые породы ее.

Всесторонние связи народов Северного Кавказа усиливаются после того, как Петр I побывал здесь во время Персидского похода в 1722 году. Он установил личные контакты со многими влиятельными владетелями и князьями. Об этом имеется много документов.

В прошениях за 1722 год на имя царя Петра I горский владетель просил разрешить его торговым людям проезд в Астрахань и Терки для покупки свинца, пороха, кремней, ружей и др.²⁶

«Прошу вашего величества, — обращается к царю кумыкский шамхал, — дабы дан был такой приказ, что ежели когда люди мои приедут в Астрахань и в Терек для покупки пороха и свинцу, то б покупали без всякого защищения и свободно сюда вывозили»²⁷. А уже 20 сентября 1722 года в специальной грамоте, выданной кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею, русское правительство разрешает свободно отпускать ему для продажи пороха и свинца. Петр I подтверждает князю: «По требованию вашему порох и свинец отпускаться к вам будет из Астрахани или с Терку немедленно»²⁸.

Чрезвычайно интересным представляется нам содержание документа, датированного 19 сентября 1722 года, в котором Адиль-Гирей обращается с просьбой к Петру I «о заплате деньги за арбы, верблюдов и быков, дабы оные ныне заплачены были, а именно за 616 арб посланные, да еще губерниарам отправленные за 20 арб». 20 сентября 1722 года в специальной грамоте Петр I отвечает шамхалу Адиль-Гирею по этому поводу следующее: «...за арбы и быков взятые у вас в нашу армию деньги тысячу триста восемь рублей вам (Адиль-Гирею. — Ш. А.) заплачены»²⁹. По-видимому, речь шла о транспорте, приобретенном у горцев для перевозки каких-то материалов из районов Северного Кавказа в Астрахань после пребывания Петра I на Кавказе.

Таким образом, для царской армии в общей сложности было вывезено из Терского города в г. Астрахань 636 арб, за которые тарковский шамхал Адиль-Гирей получил сполна тысячу триста восемь рублей. Надо полагать, что горский владетель приобрел эти арбы у часто изготавливавших их по заказу чеченских мастеров, которые в XVIII веке славились ремеслом и искусством в производстве различных телег и арб. Кроме того, здесь горский владетель Адиль-Гирей выступает и как крупный торговый посредник. Он, видимо, закупает или обменивает на свои товары арбы у горских мастеров, а затем перепродает их для нужд царской администрации втроедорога, получая от нее тем самым тысячи рублей чистой прибыли.

К 29-м годам XVIII века торговые связи чеченцев и ингушей с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья принимают систематический характер. Благодаря этому укрепляются прежде всего культурные и политические связи чеченцев и ингушей с соседними народами и Россией.

Обратимся к материалам, характеризующим торговые связи чеченцев и ингушей с жителями Аксаи (Дагестан) и гребенских городков. Так, судя по документам, дошедшим до нас из архива Терского коменданта, между окочанскими жителями этого города и аксайскими жителями шла оживленная торговля. В специальной «Книге для учета пошлин, взимаемых с приезжих

жителей» этого архива за 1726 год читаем: «С проезжего письма с терского жителя окочанна Курмапа Богоматова с женой его, Кпхата Арасланбекова, да с работницей двое, да с работников двое человек, которые отпущены в Аксай для торгу, пошлин по указу двадцать четыре алтыни, четыре деньги взято»³⁰. Документ датирован 9 февраля 1726 года. В другом же документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 года сообщается о том, что с терских окочан Суркая Усманова с двумя его работниками и Умара Миикишнева с одним его работником, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов», также были взяты пошлины»³¹. Можно продолжить перечень документов, характеризующих торговые контакты окочанских жителей с аксайцами.

Село Аксай располагалось на правом берегу р. Аксай при выходе ее из гор. Оно было меньше, чем село Андреевское (Эндери), и находилось в нем около 800 домов. «Производимый в оном (с. Аксае. — Ш. А.) торг, — повествует документ, — привлекает туда многих соседственных чеченцев, относительно коих также весьма можно сие место»³².

В аналогичных письмах от 13 и 14 марта 1726 года, фиксируемых в «Книге для учета пошлин...», указывается, что окочане Махмуд Мусаев с двумя работниками и Исмаил Баматов с одним работником были пропущены в казацкие городки, в том числе в Червлешный для торговых нужд и приобретения «запасов»³³.

Как видим, в торговых операциях с жителями Дагестана и теребенских казацких городков в основном участвуют представители местной верхушки Чечено-Ингушетии со своими зависимыми «работными людьми». Вполне естественно, что им было под силу уплачивать таможенные пошлины и получать у царской администрации соответствующие билеты на право свободной торговли в российских городах. Кроме того, горские владельцы чаще участвовали в торговых операциях, нежели простые горцы.

Стремление феодализирующейся верхушки Чечено-Ингушетии к политическому и экономическому сближению с Россией объективно отвечало интересам народов Чечено-Ингушетии и было положительным моментом в их истории.

По мере укрепления связей Чечено-Ингушетии с Россией складывались основы дружбы чеченцев и ингушей с русским народом и создавались благоприятные условия для дальнейшего развития производительных сил. Терский город, так же как и последующие северокавказские города, был не только крепостью и центром политических и экономических связей России и Чечено-Ингушетии, но и местом общения народов Северного Кавказа и Чечено-Ингушетии с великим русским народом.

К 20-м годам XVIII в. бывший торговый центр края город Терки приходит в упадок, утрачивает свое значение. Приехав-

ший сюда в 1722 году Петр I нашел расположение города Терки на весьма неудачном месте.

Для экономического развития края необходимо было построить новый крупный торговый центр. И вот в 1722 году в 20 километрах от устья реки Сулак, где от основного русла отделяется приток реки Аграхани, была заложена новая крепость — Святой Крест, которая с этого времени стала новым экономическим и административным центром на Северном Кавказе и в Прикаспии.

В просторечии крепость Святой Крест именовалась Сулакской, по речке с тем же названием.

В крепость Святого Креста прибыли 500 конных и 500 пеших терских казаков, которые сразу же поставили свои городки на реке Аграхани. Вслед за ними сюда переселили 1000 семей донских казаков³⁴.

Царское правительство, заботясь об экономическом освоении северокавказского края, всячески способствовало переселению на Терек армян, грузин, чеченцев и представителей других народов, занимавшихся садоводством, шелководством, ремеслом, торговлей и другими отраслями сельского хозяйства. Кавказские народы, переселившиеся на новые места, строили дома, обзаводились хозяйством, открывали лавки. Так же, как и около города Терки, вблизи крепости Святого Креста очень быстро стали возникать слободки, населенные черкесами, чеченцами, кабардинцами и др. Численность населения этих слободок стала быстро расти³⁵. Таким образом, крепость Святого Креста быстро становится средоточием торговли на Кавказе между горцами, Россией и Закавказьем.

В Грамоте Петра I от 16 декабря 1722 года кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею по поводу отпуска из крепости Святого Креста ему пороха и свинца сказано: «...Пороху, свинцу и кремней велено к вам отпустить из крепости Святого Креста, что при Сулаке или от Аграханской...»³⁶.

В 1724 году последовал специальный Указ Сената о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста³⁷.

Согласно указу Сената пошлина не взималась только с тех товаров и изделий, которые перечислялись в этом указе, а со всех остальных, надо полагать, вывозимых на продажу в русские города и привозимых к горцам из других районов, пошлина взималась в обязательном порядке.

Для более полного представления содержания Указа Сената приведем несколько небольших выдержек из него: «... позвольте черкасам и казакам, которые там обретаются, вино и табак при-

шести и продавать свободно по волеюною, а в Малороссийскую Кюллегию послать Указ, велеть казакам, которые ныне в те места наряжены (ежели оные не отправлены) объявить, чтоб они, кто похотят, брали с собой вино и табак для продажи в тех новозавоеванных провинциях без всякого опасения...», «...также и прочим, кто похочет на продажу в оные провинции вино и табак везти, тем давать позволение против вышенаписанного с свидетельствованными письмами из Ратушь; а пошлину как с них, так с казаков и черкас нигде не брать. Для новости и пользы военных людей в вышепоказанные новые провинции позволять всякие хлебные и мясные припасы искать, на продажу возить безпошлинно, против того как в Санктпетербург возить безпошлинно велено»³⁸.

Однако заметим, что оставшиеся жители г. Терки, и в частности окочане, торговали не только с народами Дагестана (Аксая) и гребенскими казаками, но и с жителями крепости Святого Креста. Так, в документальных сведениях за 28 февраля 1726 года говорится о том, что с терских жителей, по-видимому, знатных — окочан Бамата Касканова и Ибрагима Гиреева с их работниками, которые были пропущены для торговли в крепость Святого Креста, администрацией города была взята соответствующая пошлина³⁹.

Судя по некоторым известиям первой четверти XVIII в. и, в частности, И. Г. Гербера о народах, проживавших вдоль западного берега Каспийского моря, за крепостной стеной Святого Креста имелись торговые заведения, куда приезжали для торговых операций российские купцы, армяне, горные чеченцы, татары и др.⁴⁰

Однако торговля чеченцев и ингушей с жителями Терского города и крепости Святой Крест в пору их существования в первой трети XVIII в. была незначительной по объему.

В 1735 году была упразднена крепость Святой Крест, и в том же году основан был город Кизляр, как главный административный и торговый центр на Северо-Восточном Кавказе.

Среди городов Северного Кавказа Кизляр являлся одним из старейших на Кавказе. Создавая и укрепляя город Кизляр, царское правительство рассматривало его как форпост на Северном Кавказе. Кизляр занимал в XVIII веке важное стратегическое положение между Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Через Кизляр проходил путь, связывавший Кавказскую линию с Астраханью; город являлся военно-административным и важным экономическим центром Северного Кавказа.

В Кизлярском округе проживало до 5223 купцов, мещан, цеховых, отставных солдат, государственных и помещичьих крестьян, дворовых людей, грузин, армян, горцев и татар⁴¹. В кон-

це XVIII века в Кизляре возникают 3 гостиных — купеческих дома: русский, армянский и татарский (азербайджанский) — и, кроме того, небольшое число лавок, рынков и лабазов.

Среди других городов Северного Кавказ Кизляр в рассматриваемое время был самым крупным торговым центром. «Кизляр долгое время, — пишет А. В. Фадеев, — оставался единственным во всем Предкавказье городом»⁴².

Прежде всего он являлся основным торговым центром между русским населением и кавказскими горцами. Уже в 30-х годах XVIII века устанавливаются тесные экономические связи Кизляра с народами Дагестана, Чечни и Ингушетии. До основания Моздока осетины торговали с кизлярскими купцами. Кизляр устанавливает связи с Кабардой⁴³.

Кизляр быстро устанавливает торговые связи с Россией, Закавказьем и Ираном, являясь посредником между горцами и указанными странами. Обычно большая часть негромоздких товаров, предназначенных для Кавказа и Ирана, отправлялась с Нижегородской ярмарки водою до Астрахани, а оттуда сухим путем через Кизляр, Владикавказ и Тифлис⁴⁴.

О большом торговом значении Кизляра для Северного Кавказа, центральных районов страны и Закавказья писали современники в начале XIX века. «Торг по северной сухопутной границе с Россией, — отмечает С. Броневский, — главнейшее стечение имеет в Кизляре, потому что через сею таможенную привозят персидские товары и отпускают оные в Персию»⁴⁵.

Кизляр имел тесные экономические связи с местными дагестанскими и чеченскими ремесленными и торговыми пунктами. Среди них выгодное место занимали селения Андреевское (Эндери), Аксаевское (Аксай), Костиковское (Костек), Тарковское (Тарки), Брагунское (Брагуны), Девлет-Гиреевское (Новый Юрт). Расположенное в 90 километрах от Кизляра селение Андреевское раньше других устанавливает торговые связи с этим городом.

Второе место в торговле с Кизляром занимало селение Аксаевское, расположенное на границе с Чечней. Оно на своем рынке поглощало много продуктов и изделий, доставляемых из чеченских аулов, и в свою очередь эти товары перепродавали в Кизляр. По свидетельству очевидца, там чеченцы «променивают сырые кожи, меха, воск, мед, лошадей, рогатый скот, войлоки на нужные для них вещи, как-то: порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст, юфть»⁴⁶.

Селение Брагунское, основанное еще в XVI веке на левом берегу Суnji в 55 километрах от нынешнего Грозного, долгое время играло важную роль в экономических связях с гребенскими казаками и самим городом Кизляром.

Из селения Брагунское вывозили в Кизляр бурки, горское сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот⁴⁷. С Кизляром имели торговые связи и такие большие чеченские аулы, как Большой Чечен, Старый Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги и другие.

В Кизляре находились целые улицы, заселенные выходцами с гор, в том числе чеченцами и ингушами.

Для горцев сбыт их товаров был насущной необходимостью, поэтому они собирались с товарами у русской границы по Тереку. Чеченцы и ингуши, так же как и другие северокавказцы, торговали с казаками, русскими и армянскими купцами в пограничных городах (Кизляре, а позднее и в Моздоке). Казаки охотно приобретали у горцев черкесские бурки, шубы, шапки, а также продукты сельского хозяйства: просо, пшено, муку, воск, мед. В обмен на лошадей и волов казаки давали горцам рыбу, икру, соль⁴⁸.

Оживленная торговля происходила на Северо-Восточном Кавказе между гребенскими казаками и чеченцами и ингушами. Здесь, так же как и на Западном Кавказе, особенно большой спрос со стороны горцев, занимавшихся главным образом скотоводством и земледелием, был на соль, фрукты, овощи, рыбу и холст кустарного производства. Русские в обмен на отпускаемые товары получали от чеченцев и ингушей лошадей, медкий и крупный рогатый скот, чекмени, бурки, башлыки, но главным образом, горские двухколесные арбы и аробные колеса, которых казаки не умели изготовлять, ощущая в них в то же время острую необходимость.

На аробные колеса чеченского производства со стороны русских был такой большой спрос, что местные власти обложили их высокой пошлиной. В 1771 году казаки подали ходатайство в Сенат об освобождении вывозимых из Чечни колес от таможенных пошлин. Ходатайство казаков Сенат отклонил, мотивируя отказ тем, что он «не находит прямых причин, для которых бы необходимо было сделанное до ныне о взятые пошлин при вымене казаками у татар аробных колес таможенное положение уничтожить... и чрез то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»⁴⁹.

Кроме перечисленных выше товаров, горцы получали от казаков соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, шелк-сырец, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлок, посуду, сундуки и мыло. Кроме того, казаки и горцы довольно часто встречались на ярмарках, которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко и в больших горских аулах⁵⁰.

Со второй половины XVIII века чеченцы и ингуши, так же как и другие народы Северного Кавказа, вплотную подходят к то-

варно-денежному хозяйству. Основной причиной этого было приближение почти вилотную русскую границы к горам, что стягивало горцев, в том числе чеченцев и ингушей, в торгово-экономические связи с Россией. Торговля с казачеством постепенно перерастала из меновой в денежную с русскими купцами; деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который служил раньше мерилом ценности⁵¹.

Чеченцы и ингуши были крайне заинтересованы в усилении торговых сношений с русскими, для чего они настойчиво добивались свободного проезда в Кизляр и Моздок и снижения торговых пошлин. Из рапорта, поступившего с Щадринского форпоста к кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 года, узнаем, что к Щадринской заставе прибыли едущие в Кизляр, видимо, для торговли чеченский владелец Алибек Хасбулатов вместе с узденями Мурзакаем Супгуровым, Казыханом Хазылевым, Али-Исхаком Бисакаевым, Юнусом Челчиком..., да вместе с ними князь Мудара узден Амерхан Акаев, все вместе на четырех верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров, с ними одна лошадь, шесть волов; при них ружей пять, серебряная оправа для патронниц; с одним колчаном, поясок с серебряной оправой»⁵².

Из другого рапорта того же Щадринского форпоста 3 марта 1751 г. сообщается, что через Щадринскую заставу был пропущен другой чеченский владелец Раслаббек Айдемиров с его узденями Абатой Ильясовым, татаринном Абатой Козиш, то есть три человека на трех верховых лошадях, при них ружье в серебряной оправе, 2 шт. поясов в серебряной оправе, две сабли, патронница и другое⁵³.

Предметами торговли русских были также хлопчатобумажные изделия, холст, железо, из которого горцы изготовляли серпы и косы, а также свинец для изготовления пуль. О размерах торговли дает представление, например, прибытие из г. Кизляра в Кабарду караванов русских купцов в числе более 100 человек⁵⁴.

Как известно, пользуясь близостью Северного Дагестана и Чечни, из Кизляра отправлялись большие группы торговцев мелким товаром, которые, по словам Платона Зубова, «изучась различным наречиям горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью»⁵⁵.

В Чечню и Ингушетию поступали через Кизляр товары не только северокавказского производства, но и турецкие, персидские и даже западноевропейские. В одном из документов говорится, что в Шеки приходят товары из Персии и Азербайджана, а из Шеки расходятся эти товары в Джары, Дагестан, Чечню, в Малую и Большую Кабарду⁵⁷.

Привозимые в Баку из Персии товары оттуда отправлялись во все области Северного Кавказа. Из Баку вывозили в большом количестве разные бумажные, персидские и шелковые материи к лезгинам в Большой Дагестан, к чеченцам и ингушам, а также в Малую и Большую Кабарду и Кизляр. Жители этих районов приезжали в торговые города за товарами и одновременно привозили свои изделия⁵⁸.

Различные товары и изделия ремесла горцев поступали не только в города Кизляр, Астрахань и т. д., но и в отдаленные районы Центральной России. В свою очередь и изделия русских мануфактур, минуя таможи Кизляра, поступали к горцам. «Здесь купцы, — сообщает документ, — туда в горы отвозят (товары. — Ш. А.) и там в розницу продают и на всячину меняют, в таком случае горцы не ездят в Кизляр там у оных, что кому надобно берут»⁵⁹.

Русские купцы из Центральной России привозили в Чечню и Ингушетию холсты, сукна, бумажные, шерстяные, льняные и шелковые материи⁶⁰.

Некоторые жители Чечни (с. Гехи) — надо полагать, что такие могли быть только из имущей части чеченского общества — добывали в большом количестве шелк-сырец, вывозили его в Кизляр и продавали на тысячи рублей⁶¹.

В то же время в одном из документов того времени читаем, что шелк составлял главный предмет торговли Кизляра с Персией⁶².

Приезжие купцы в торговле с чеченцами и ингушами не всегда соблюдали принцип эквивалентности и взаимовыгоды. Используя отсталость и безграмотность горцев, купцы сбывали им низкопробные товары, причем втридорога. Купцы даже прибегали к спанванию горцев водкой⁶³.

В своем рапорте ген. Торماسову от 19 января 1811 г. ген. Дельпоцо сообщал, что кабардинцы, осетины, кумыки и мирные чеченцы более предпочитают сами привозить свои товары в Российские границы и продавать их по сходной цене, да и с русской стороны гораздо выгоднее покупать их из первых рук, нежели от перекупщиков армян и грузин, которые продают выменные у горцев вещи русским переселенцам по двойной цене⁶⁴.

Торговля народов Чечено-Ингушетии с соседними гребенскими казаками в 60-х годах XVIII в. принимает большие масштабы. Так, например, в 1765 г. чеченский владетель Алисултан Казбулатов писал кизлярскому коменданту о намерении «подвластных своих до ста ароб отправить в казачьи городки для покупки съестных припасов — рыбы, соли и прочее»⁶⁵.

Царская администрация, полагая, что нельзя укрепить пози-

ции России на Кавказе одними военными мероприятиями, начинает с 1760 года обращать основное внимание и на развитие экономических связей с Кавказом. С этой целью 23 декабря 1760 года указом императрицы Елизаветы Петровны был разрешен ввоз на Кавказ различных мануфактурных товаров, одновременно разрешалось провозить к кабардинцам, кумыкам, брагудцам и осетинам, как подданным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт⁶⁶.

В 1765 году правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при покупке товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Содействуя расширению торговли с Кабардой, русская администрация интересовалась и тем, какие товары можно покупать в Кабарде. Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях сверх того можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Андреевском, Костюковском и других селениях имелись пшеница, ячмень, пшено, сорочинское просо, овощи, а в лезгинских, кроме этого, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; в Карабулаках — мед, воск, скот и пр.⁶⁷

В том же 1765 г. кизлярское купечество развернуло обширную границу торговлю, вывозя из России холсты, разные крашенные материи, сундуки, зеркала, а ввозило персидские ткани и другие товары, а также беспошлинно — шелк. Все эти товары из Кизляра перевозились в Астрахань, откуда они отправлялись в центральные районы страны. Кроме того, Кизляр получал ремесленные товары от кумыков и кабардинцев. Однако вследствие высоких цен, назначаемых купцами за холст и другие товары, кабардинцы не всегда могли покупать их или обменивать на свою продукцию. Комендант г. Кизляра П. А. Потапов обратился в Государственную Коллегию Иностранных дел с просьбой, чтобы в интересах развития местной торговли и борьбы с дороговизной, что сильно сказывалось на покупательной способности военных людей, получавших небольшое жалованье, с привозимых в Кизляр кабардинских и кумыкских продуктов и изделий, а также с продаваемых в Кабарду и Кумыкию товаров, — в Кизляре вовсе не брать пошлины⁶⁸.

Следует отметить, что среди народов Северного Кавказа жители некоторых чечено-ингушских сел были более ущемлены царизмом и лишены торговых привилегий. Если с некоторых товаров и продуктов внутри России и в Кизляре с кабардинцев и кумыков не взималась пошлина, то с других горцев, и в частности с чеченцев и ингушей, наоборот, взималась. Случалось и так, что товары чеченцев и ингушей не доходили до покупателей

только из-за карантинного или протекционного запрета со стороны царских властей.

Так, в одном из документов за 1765 г. говорится о том, что с кабардинцев и кумыков и живущих у них армян и грузин, которые будут привозить в Кизляр или же перевозить через Кизлярскую пограничную таможенную хлеб, мед и фрукты для продажи, а также «домашние от своих трудовых промышленные вещи к покупке здесь на домашние их расходы малоценные товары» пошлина не берется; зато с других горских народов, якобы, «неподанных», которые привозят фрукты, орехи грецкие, пшено сорочинское, мед, яблоки и груши, сухие и свежие, курагу, шепталу, воск и прочие непереработанные вещи взималась соответствующая пошлина⁶⁹.

Дискриминационная политика царизма к отдельным торгующим народам на Северном Кавказе определенно выражена в письме от 14 февраля 1765 г. к кизлярскому коменданту Н. А. Потапову владельца Герменчуковской деревни Девлет-Гирей Черкасского. Приведем выдержку из этого письма: «Ваше превосходительство соизволило мне дать знать через письмо свое, якобы в Червленской, Щадринской и Каргинской форпосты учреждены карантинны, а я ныне вижу в Щадрине и Каргине карантин не имеется; брагунцы, аксайцы, андрейцы и костеконцы в Кизляр пропускаются, а моих людей не пропускают, и крымцы и кабардинцы проезжают через Чеченской и Брагунской деревни, а к нам из Крыма никто не приезжает, а их дороги лежат чрез Брагунской и Чеченской деревни, а оттуда поедут в кумыцкие жилища. Того ради прошу Вашего превосходительства, ежели Вам противно не окажется и подвластные мои, живущие у Теплых вод людей, прикажите без удержания пропускать в Кизляр, а из Кабарды к нам без нужды никто не приезжает...»⁷⁰

9 апреля 1763 г. в письме к кизлярскому коменданту А. А. Ступишину чеченские владельцы Раслаббек, Бардыхан, Мамаш Айдемировы выражали свое недовольство действиями владельца Девлет-Гирей Черкасского, который брал пошлины с горцев, проезжавших через его владения для торговли с гребенскими казаками. В частности, они писали о Девлет-Гирее Черкасском следующее: «...чрез дорогу в урочище, называемом Келзели, не пропустил (Девлет-Гирей. — Ш. А.) и от кунаков наших купцов с каждой лошади требуют по 20 копеек, а ездить нам чрез Червленский городок не допустил...»⁷¹

В другом письме от 19 июня 1764 г. на имя кизлярского коменданта герменчукский владелец Девлет-Гирей сообщил о том, что его подвластные почти вышли из повиновения и отказываются давать аманатов и без его разрешения «ездят для покупки своих потребностей в казачьи городки, поэтому прошу Вашего

превосходительства казачьи городки ордерами подтвердить, которые гребенчуковцы (герменчуковцы. — Ш. А.) без имеющейся от меня российской печати в оные (казачьи городки. — Ш. А.) приезжать будут, то бы их ловили и отправляли к вам». Кроме того, Девлет-Гирей просил власти, что если его подвластные люди будут приезжать для торговли даже с другими владельческими печатями в билетах, то их ловить и доставлять к нему⁷².

Между тем в адрес кизлярских властей продолжали поступать прошения от переселившихся ближе к русским границам чеченцев и ингушей. Так, переселившиеся на равнины чеченские старшины и уздени 3 февраля 1763 года сообщали о том, что они будут слушаться своего владельца Арасланбека Айдемирова и без его разрешения не будут торговать в казачьих городках... «От государыни много милости получали и всегда ездили в казачьи городки для торгу, — писали они, — и во оных казачьих городках мы покупали рыбу и тем своих кормили...»⁷³ Через два года, 24 марта 1765 года, подобное письмо с аналогичным содержанием от старшин Хасанбека, Актулы, Амы, Матая и др., переселившихся к реке Сунже, было адресовано Кизлярскому коменданту Потапову.

Из письма видно, что чеченские старшины надеялись с переселением ближе к Тереку и Сунже получить возможность торговать с русскими. «Наш бедный народ и мы переселились к реке Сунже для того, чтобы наши везде ходили бы вольно, — читаем мы в письме, — и нам самим повольно было ездить в казачьи городки для покупки холста и рыбы и прочих кому потребностей...»⁷⁴

На наш взгляд, одну из основных причин дифференцированной-привилегированной политики царизма на Кавказе по отношению к торговле отдельных горских народов в XVIII веке с соседями следует усматривать в том, что эти народы были более последовательны в соблюдении требования царских властей на Кавказе об аманатстве, которое со второй половины XVIII века в связи с колоннальными действиями царизма на Кавказе стало рассматриваться горцами как неоправданное посягательство властей на их внутреннее суверенное самоуправление.

Широко распространенный между Россией и Кабардой добровольный обычай выдачи аманатов, первоначально считавшийся признаком особого внимания со стороны московских царей к кабардинским князьям, сделался принудительным и оскорбительным для горцев. «Со второй же половины XVIII века, как известно, царизм силой оружия вынуждал местных народов выдавать аманатов, являвшихся по существу заложниками и содержавшимися в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Екатеринограде, Ставрополе и в целом ряде тогдашних пограничных крепостей»⁷⁵.

Поэтому горцы, давая клятвенные заверения царской администрации о даче аманатов, чтобы воспользоваться разрешением на беспоплатный проезд для торговли в Кизляр, Моздок и казачьи гребенские городки, очень скоро нарушали свои обещания.

Чеченцы и ингуши, в частности, неоднократно выражали свое недовольство ограничениями в торговле. Эти запреты в торговле явились, по-видимому, одной из основных причин выступления чеченцев в 1757—1758 гг.⁷⁶ Так, в своем представлении в Коллегию Иностранных дел некий царский чиновник Абазце сообщал, что якобы по известиям, поступающим из Кизляра, восставшие горцы стали все чаще нападать на форпосты и другие укрепленные редуты царских властей⁷⁷.

Чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, чеченцы и ингуши везли свои товары в Кабарду, а оттуда по безопасной стороне реки Терека — в другие районы. Для сопровождения торговых караванов брали проводников, хорошо знавших окружающие пути и получавших за это, видимо, соответствующую плату. Материалы убеждают нас в том, что и Чечня и Ингушетия поддерживали торговые связи с Крымом. В рапорте одного русского офицера, находившегося со своей командой в Брагунской деревне, сообщалось Кизлярскому коменданту о том, что житель Брагунской деревни Нурали Шурыгниев ездил в Крым для своих нужд и с крымскими купцами возвратился в Чеченскую деревню (с. Чечен-аул. — Ш. А.), за что он, Нурали, стал привлекаться в Кизлярскую гражданскую канцелярию за поездку в Крым без письменного разрешения администрации⁷⁸.

В рассматриваемое время между различными горскими, в том числе и чечено-ингушскими обществами, Крымом и закубанцами шла оживленная торговля, имевшая для них важное значение. Об этом говорят многие факты. Так, например, о том, что привозили товары из Западного Кавказа, видно из следующего документа: «А понеже к тем владельцам (костюковским, андреевским, брагунским. — Ш. А.) в их владения приезжают из Крыму и из Кубани татары и привозят с собою холст, кумач, выбойки и тому подобные бумажные материи, тако же сабли, свинец, порох, фузеи, кремни и прочее огненное оружие, а сверх того и лошадей, в чем во всем они владельцы, а особливо лезгинны крайний недостаток имеют»⁷⁹.

Среди коренных жителей Чечни и Ингушетии встречались и такие люди, которые вели свои торговые операции далеко за пределами Терека. Так, при допросе в Петербурге в 1791 году один из сподвижников Ушурмы (Мансура), чеченец Гасан-Хаджи, пятидесяти лет от рождения, на вопросы «Чем занимался? В каких местах бывал?» ответил: «Большую часть жизни своей провел в земледелии, а между тем бывал во многих дагестан-

ских и чеченских селениях по разным надобностям, бывал также на Таманском острове для торгового промысла⁸⁰.

Однако торговля с Западным Кавказом не контролировалась кизлярской администрацией, что сказывалось и на доходах от торговых пошлин. Поэтому кизлярский комендант 14 января 1755 года писал в Правительствующий Сенат о необходимости сооружения соответствующих пограничных застав для сбора пошлин с товаров, перевозимых горцами с Западного на Северо-Восточный Кавказ. С этой целью учреждается целый ряд пограничных таможенных застав в верхнем течении реки Терека, в урочище Мекень⁸¹.

С сооружением царскими властями вблизи Кавказских гор крепких форпостов, и в частности вблизи проживания чеченцев и ингушей⁸², последние оказались лишенными возможности торговать с Россией и соседними народами без разрешения царской администрации. Ближайшие соседи чеченцев и ингушей — кумыки — также выражали свое недовольство жесткими мерами, связанными с взиманием пошлин на привозимые ими товары. Чиновник Давид Абазаце в своем обширном Представлении в Коллегию Иностранных дел о различных народах, живущих за Кизлярской крепостью, писал: «Подданные ее императорского величества кумыки и то уже ныне за тягость себе вменяют и формально жалуются, что с привозных ими в Кизляр и отвозных товаров собирается пошлина в такое время, когда внутренняя пошлина совсем уничтожена...» Далее Абазаце указывает на целособразность открытия в Кизляре менового двора, «чтобы с продаваемых на оном товаров пошлина собираема была с тех, кто товары на оной из Кизляра и в Кизляр со оного повезет»⁸³.

Один из пунктов этого Представления затрагивал интересы ингушей. В нем, в частности, отмечалось, что Указом из Правительствующего Сената 17 марта 1757 г. дано знать о принятии крещения при Осетинской духовной комиссии определенной частью ингушей, живших среди осетин и кабардинцев, с тем чтобы им дозволено было свободно ездить в Кизляр для торговли⁸⁴. Как видим, крещеным горцам также разрешалось беспошлинно торговать в Кизляре.

Чеченцы и ингуши тяготели к Кизляру, где они могли приобрести необходимые товары и продать там продукты своего труда, но им также чинили всевозможные препятствия. Несмотря на то, что отдельные равнинные чечено-ингушские селения во главе с их владельцами и старшинами часто присягали русским властям и в знак своей покорности ежегодно отдавали аманатов в Кизляр, они периодически обращались за разрешением торговать в Кизляре. В письме алдинских старшин (с. Алды) на имя Кизлярского коменданта 21 октября 1758 года говорится о том,

что они и присягали «всемилодивейшей государыне» и «аманатов ежегодно меняли, а потому-де они просят алдинскому народу позволять ездить в Кизляр и в казачьи городки для торга и без торгу свободно и о том для ведома казакам отписать...»⁸⁵

Желание торговать с русскими было не только у равнинных жителей Чечни и Ингушетии, имевших возможность ездить в Кизляр и в гребенские городки, но и у горных жителей. В письме чеченского владельца Алибека Казбулатова к Кизлярскому коменданту 23 декабря 1758 г. говорится, что к нему приехали люди из селения Таги — Султана Азнаурова (видимо, владельца горной Чечни.—Ш. А.) и просили, чтобы он с ними поехал провожать их до казачьих городков, «куда они едут для кучества»⁸⁶.

Документы говорят о том, что чеченцы и ингуши в XVIII веке поддерживали торговые связи со своими ближайшими западными соседями — жителями Малой и Большой Кабарды. Так, в донесении узденей князя Эльмурзы Бековича Черкасского — Бамата Усейнова, Курман-Али Менькишьева — на имя Кизлярского коменданта отмечалось то, что они в 1759 году ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обоилась им в 12 рублей⁸⁷.

Известно, что гребенские и терские казаки издавна закупали в Чечене арбы и колеса к ним. Однако высокие пошлины вызывали у чеченцев недовольство, и они обратились в Военную Коллегию с просьбой об отмене таможенных сборов. Дело было передано в Сенат, который решил: «Сих арб и к ним колес казаки не имеют, ибо и прежде сего арбыные колеса выменивали они с той стороны Терека у татар⁸⁸ на соль, рыбу и холст, без пошлин; ныне же таможенные досмотрщики до того не допускают... к казакам... к деланию арб, а особливо колес, не только время не достает, но и не имеют...» Комендант Кизляра писал в Военную Коллегию, что «не повелено ль будет терским гребенским и терским семейным, равно и переведенным с Волги и Дона мздовским казакам с горскими жителями соль, рыбу, холст на одни только колесы и арбу мену иметь... без платежа пошлин...» Просьба эта не была уважена. Военная Коллегия, передавая эту просьбу в Сенат, получила отказ⁸⁹.

Судя по паспортам, выдававшимся царскими властями после уплаты пошлинных денег для свободной торговли в других городах, окопелские (чеченские) жители Кизляра в XVIII веке вели торговлю не только на Кавказе, но и в Астрахани. В одном из документов говорится, что жителю окопелской слободы г. Кизляра Ураку Акаеву с его работниками, то есть подвластными людьми Коптиалом Кадаргуловым, Алием Аламатыным и Бектемиром Кадаргуловым, в 1774 г. разрешено было выехать в Аст-

рахань «сухим путем на собственных своих подводах, а оттуда и в прочие великорусские города для покупки лошадей сроком на год...»⁹⁰ Несомненно, что Урак Акаев принадлежал к знатной части населения окоченской слободы г. Кизляра.

В марте 1773 года окоченский староста Акай Донгельдиев просил Кизлярскую комендантскую канцелярию выдать ему паспорт для свободного проезда и особый билет кизлярскому окоченцу Мамаке Хусеинову, желающему ехать за товарами в Астрахань, Оренбург и другие российские города «для торгового промысла сроком на пять месяцев». В этих городах он намеревался продать шелк, привезенный им из Ирана⁹¹.

В Оренбурге издавна существовал меновый двор, где царские чиновники производили торговые сделки с представителями народов Средней Азии и Сибири. Коллегия Иностранных дел в 1757 году хотела открыть такой же меновый двор в Кизляре. В 1793 году генерал Гудович просил правительство об этом. Однако только в начале XIX века были официально открыты на Северном Кавказе меновые дворы. Через сеть меновых дворов на Кавказе царская администрация стремилась усилить свое влияние на местные народы. Министр иностранных дел Нессельроде справедливо заметил, что «главная цель сих учреждений была политическая»⁹².

Самым дефицитным продуктом в меновой торговле чеченцев и ингушей являлась соль. «Так же как и кумыки, большая часть чеченцев и ингушей, — сообщает документ того времени, — получала соль из Шамхальского владения соленого озера Турали, меняя оную на просо и хлеб»⁹³. В самом Кизляре существовало в то время множество соляных магазинов различных предпринимателей, где горцы скупали за деньги необходимое количество соли⁹⁴. Торговлю солью царские власти на Кавказе использовали в своих колониальных интересах. Военный министр Барклай-де-Толли по этому поводу писал, что соляные озера у Тарков, принадлежащие кумыкскому шамхалу, являются весьма важными как в хозяйственном, так и в политическом отношении, поскольку необходимость, в которой находятся лезгины и чеченцы для приобретения соли как в пищу, так и для стад, заставляет их (горцев. — Ш. А.) находиться все время в зависимости от своего владельца, а потому «занятие сих озер Россиею было ближайшим средством укротить их беспокойных соседей»⁹⁵.

Действительно, соль, как важный продукт в повседневной жизни человека, сыграла определенную роль в привлечении горцев царизмом. В 1810 г. русское правительство распорядилось учреждать на Северном Кавказе меновые дворы, главным продуктом на которых должна быть соль. Генерал Тормасов в 1811 году предлагал Кавказскому гражданскому губернатору Малиш-

скому открыть в Науре соляной магазин для отпуска соли чеченцам через владельца Мухаммеда Турлова как преданного царским властям человека⁹⁶.

Архивные материалы убеждают нас в том, что в XVIII веке чеченцы и ингуши выращивали табак специально на продажу, и он среди прочих табаков по качеству своему котировался выше и оценивался на рынке дороже. Так, в «Ведомости»..., составленной в Кизлярской гражданской канцелярии в 1795 году, среди разнообразных товаров, продававшихся в декабре того же года, называются разные табаки: калмыцкий, стоимостью 10 коп. за 1 фунт, саксонский, 8 коп. за 1 фунт, чеченский — 15 коп. за 1 фунт⁹⁷. Надо полагать, что местом продажи табака, в основном, являлся город Кизляр, а также другие города.

Равнинные чеченцы и ингуши, жившие по р. Сунже и Тереку, находились в более выгодных условиях в торговле с русскими и соседними народами на Кавказской Линии. Они пользовались льготами, в то время как горные чеченцы и ингуши, которые еще не успели присягнуть России, были лишены их: они не могли выезжать за пределы своей территории, хотя развивающиеся торговые связи неумолимо толкали их на рынок.

В этот период, как мы отмечали выше, получает развитие контрабандная торговля: горцы сбывали свои товары с помощью кунаков из казаков или родственников из «мирных» жителей, к которым они приходили, миновав казачьи пикеты, при встрече же последние отбирали у чеченцев и ингушей их товары. Развитие контрабандной торговли в конце XVIII — начале XIX в. свидетельствует о развивающихся товарно-денежных отношениях. Отсутствие цифровых данных затрудняет определение размеров внутренней и внешней торговли в Чечне и Ингушетии в этот период, хотя можно смело утверждать: наблюдается быстрый рост рынка и разрушение натуральной формы хозяйства⁹⁸.

Зарождение торговых центров в самой Чечено-Ингушетии в конце XVIII в. было одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений в Чечне и Ингушетии. Местные торговые центры оказывали воздействие на экономическую жизнь окрестных поселений. Таким торговым центром стал аул Чечень, который вел широкую торговлю, имея множество лавок. Торговали здесь в основном армяне, грузины и евреи⁹⁹. В конце XVIII — начале XIX в. другим торговым центром в Чечне стал Старый Юрт, напоминающий настоящий город с лабиринтом улиц и закоулков. Крупными торговыми центрами являлись также Брагуны, Гудермес и другие, а вне Чечено-Ингушетии — Аксай и Эндери¹⁰⁰.

Несмотря на различные запреты царского правительства на ввоз в Чечию и Ингушетию некоторых товаров, русские, армяне

ские и грузинские купцы продолжали сбывать свои товары чеченцам и ингушам. Так, в письме Брагунского владельца Кизлярскому коменданту от 20 июля 1782 года сообщалось, что кизлярский купец, армянин Хачатур несколько дней подряд находится с торговлей в Чечне¹⁰¹.

В 80—90-е годы XVIII в. сухопутная торговля через Кизляр достигла чуть ли не уровня торговли морским путем. Если брать в расчет уровень торгового оборота сухопутной торговли через Кизляр за 1777—1873 гг., то вырисовывается следующая картина: торговля русских купцов составляла сумму 20 145 руб.; армянских — 834 850; азербайджанских — 12 325 руб.; грузинских — 12 325 руб.; индийских — («тезикских») и среднеазиатских — 37 060 руб., а всего было реализовано товаров на сумму 916 705 рублей¹⁰².

Так, в 1774—1782 гг. через Кизляр было вывезено русского полотна около двух миллионов аршин, а сукна около 20 тысяч аршин. Словом, через Кизляр вывозилось полотна в сотни раз больше, чем ввозилось туда же английского сукна¹⁰³. Таким образом, к началу 90-х годов XVIII века общий рост торгового оборота увеличивается больше чем вдвое.

После закрытия в 1762 году Персидской торговой компании, просуществовавшей 7 лет, в Кизляре, Астрахани, Москве и Санкт-Петербурге сохраняются Главные конторы этой компании, которые открывают широкие возможности вести торговлю русским, закавказским и горским купцам с Персией и другими странами. Если во времена Персидской торговой компании в 1760 г. ввоз и вывоз товаров в Астрахани и Кизляре был на сумму 39 100 руб., то после нее оборот составил в 1768 г. 757 000 руб., в 1775 г. — 953 000 руб. В 1793 г. торговля уже приносила чистой прибыли на сумму 1 500 000 руб.¹⁰⁴

Следующие цифры характеризуют оборот торговли Кизляра за 4 года:¹⁰⁵

	1777 г.	1778 г.	1779 г.	1780 г.
привоз	118 539	94 906	558 668	83 765
вывоз	77 430	80 191	82 460	93 976
Всего:	195 969	175 097	138 323	177 741

Эти неполные данные дают представление о торговой роли Кизляра как важного транзитного пункта на Северном Кавказе.

Одной из доходных статей в торговле с Россией и соседними народами у чеченцев и ингушей являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговлей лесом занимались в основном жители Брагунов, а также жители чечено-ингушских сел, прилегаю-

щих к Тереку, Аргуну и Суйже. Строевой лес для сбыта доставлялся в Кизляр; туда же поступал и лес на дрова; для строительства лес шел с верховой Терека¹⁰⁶.

Д. А. Милютин отмечал, что чеченский лес, в большом количестве отправляется по Суйже и Тереку в Кизляр, а также в Астрахань¹⁰⁷.

Надтеречные и присунженские чеченцы зимой заготавливали строевой и дровяной лес, а весной в половодье сплавливали его в Кизляр. Ежегодно в Кизляр сплавливалось от 500 до 800 плотов строевого леса. Один плот стоил от 30 до 50 руб. серебром, и это давало чистой прибыли около 25 тыс. рублей¹⁰⁸.

Чеченцы и ингуши вместе с кумыками доставляли в Кизляр таркалы (колья для поддерживания виноградных лоз в садах) ежегодно от 5 до 6 тысяч арб, за одну арбу платили от трех до пяти рублей серебром, что давало дохода от 20 до 30 тыс. рублей¹⁰⁹.

Немалый доход приносила чеченцам и ингушам продажа оброчей и бочарных досок, которые поставляли они в Кизляр. За тысячу таких досок они получали по 30 рублей¹¹⁰.

Изделия лесной промышленности, сырая нефть, соль, а также изделия кустарных промыслов составляли в конце XVIII века значительную часть рыночных товаров Чечни и Ингушетии.

Горные чеченцы и ингуши тесно были связаны своими пуждами с равнинными чеченцами и ингушами. Чеченцы, жившие в верховьях Аргуна, получали пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и соль от жителей равнинных деревень в обмен на мед, воск, шерсть, сукна, ковры, звериные шкуры, бурки, сафьяны из козлиных шкур и т. д.¹¹¹

В XVIII веке в Чечено-Ингушетии имела место и работорговля. Рабство являлось источником дарового труда. Рабы жили в доме хозяина, и он контролировал все дела своего работника. Эксплуатация рабского труда в Чечне и Ингушетии происходила в основном при господстве натурального хозяйства. Рабство здесь носило глубоко патриархальный характер. Основными занятиями рабов были земледелие и скотоводство.

Источник пополнения рабов — пленение людей другой национальности. Другим источником являлся обычай патриархальной семьи продавать своих членов или пленение внутри самих чечено-ингушских обществ, враждовавших между собою. Источником рабства была, — указывает У. Лаудаев, — экономическая несостоятельность должника, невозможность свободного человека погасить долг¹¹². В 1708 году казаки жаловались русскому правительству, что горские жители и ногайцы, совершив в 1707 году разорение Терки, увели в плен многих людей и распродали в разные места, а часть их держат у себя в неволе¹¹³. С. Броневский сообщает, что большое число пленников-рабов.

составляют люди кавказского происхождения, среди них встречаются магометане и горцы, захватываемые в междоусобицах расприх или продаваемые родителям из-за нищеты¹¹⁴.

Рабь (лаи), как даровая сила, пользовались определенным спросом на меновом рынке. Вот что сообщают документальные источники середины XVIII века. В 1758 году в октябре чеченец Тувадак Зумаутов (из фамилии Цуван Тарлы) из с. Чечень продал в Кабарде (Тамбиев Кабак) двух рабов за 240 баранов. Там же, в это же время Солтан Марашев (фамилия Ширдиев, с. Герменчук) продал одного ясыря за 114 овец и одну лошадь¹¹⁵. Было время, когда рабов продавали за 7 аршин ситца¹¹⁶.

С сооружением Кавказской Линии рыночная стоимость рабов, естественно, возросла. Рынками сбыта рабов и военнопленных служили ближайшая кумыкская деревня Эндери (Андреево) и Тамбиев кабак. Так же, как и другие кавказские народы, чеченцы и ингуши продавали пленных в Эндери и обменивали их на порох, соль, хлеб, редко на деньги.

В одном из донесений генерал-лейтенанта Дугласа Кизлярскому коменданту генералу Левашову указывается, что азовские купцы по паспортам, выданным русскими властями, беспощинно ездят со своими товарами в кумыцкие селения, а после продажи тех товаров с большим количеством (до 200 и больше человек) купленных ясырей возвращаются обратно¹¹⁷.

В другом документе за 1755 год сказано, что костюковские, чеченские, андреевские и брагунские владельцы, испытывая недостаток в холсте, кумаче, выбойках, бумажных материалах, саблях, свинце, порохе, фузелях, кремнях, огнестрельном оружии, а также в лошадях, охотно меняют пленников «на выше означенные товары почти за самую малую цену, а те татары (купцы из Крыма и Кубани. — Ш. А.) оных пленников, связанных и скованных, отвозят в Крым и в Кубань»¹¹⁸.

Начиная с середины XVIII века, русское правительство предпринимает некоторые меры к запрещению работорговли на Северном Кавказе. Так, в материалах Архива Кизлярского коменданта сохранилось множество официальных предписаний, в которых кизлярская администрация требует от местных горских владельцев не покупать и не продавать себе пленников. В рапортах Кизлярского коменданта за 1750 год Алдынскому владельцу Цуканею Кичину и владельцу дер. Чечень Раслаамбеку Айдамирову предписывалось вернуть в Кизлярскую гражданскую канцелярию имеющихся у них афганских ясырей и «чтобы впредь таковых персиян к себе в неволю и в холопы ни у кого не покупали и кражей не доставали»¹¹⁹.

Со второй половины XVIII века большое значение для сбли-

жения горских народов с русским населением начинает играть Моздок, ставший крупным форпостом в центральной части Северного Кавказа и узловым пунктом дорог, связывавших юг России с Грузией. В 50—60-х годах XVIII в. царское правительство приступает к дальнейшему укреплению Кавказской пограничной линии, namного приблизив ее к Кабарде и Осетии. С укреплением позиций на Северном Кавказе увеличивается число регулярных войск на Тереке. Создается новый Моздокский участок военной линии. Основанный в 1763 г. в качестве военного форпоста, Моздок стал играть важную роль в укреплении русской пограничной линии, в развитии связей Кавказа с Россией. В 1765 году он был преобразован в крепость, имевшую свой военный гарнизон, до 40 орудий и комендантское управление¹²⁰.

Приближение русской пограничной линии к Осетии в связи с основанием Моздока еще больше способствовало укреплению русско-кавказских отношений. Город Моздок постепенно превращается в центр политической, экономической и культурной жизни Осетии. Вокруг Моздока и рядом с казачьими станицами отдельные осетинские фамилии образуют свои поселения. В Моздок, становившийся одним из торговых центров на Северном Кавказе, привозили свои товары русские купцы, армянские, грузинские, осетинские, кабардинские, чеченские, ингушские и другие торговцы¹²¹.

В последней четверти XVIII в. Моздок стал одним из крупных торговых центров на Северном Кавказе. Проходившая через город Моздок Кавказская дорога во многом способствовала развитию торговли. Она связывала Северный Кавказ через Каспийский водный путь с Астраханью, Нижним Новгородом, Москвой и другими торговыми центрами России. Судя по сообщению газеты «Кавказ», в Моздок ежегодно доставлялись из Астрахани, Дубовки, Царицына и Серебряковской пристани миллионы пудов хлеба, железа и других товаров, которые затем отсюда развозились моздокскими осетянами и другими горскими торговцами по крепостям Северного Кавказа и продавались здесь горцам, приезжим и жившим на Линии¹²².

В Моздоке было большое количество ларьков, магазинов и других торговых предприятий.

С основанием крепости Моздока торгово-экономические связи чеченско и ингушей, естественно, еще более расширились. Из специальной ведомости пошлин, представленной в Моздокскую комендантскую канцелярию, видно, что в крепость Моздок из Большой и Малой Кабарды, Чечни и Ингушетии привозились разнообразные товары для торговли с терскими и гребенскими казаками, русскими переселенцами, торговцами из Грузии и Северного Кавказа. Однако и здесь, так же как и в Кизляре, объем

торговли с соседними горцами, Россией и Закавказьем ограничивался таможенными запретами властей или же чрезмерно высокими пошлинами на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков.

В 1772 году ингушские старшины выражали недовольство царским властям по поводу запрещения простым ингушам торговать в местности Моздок. Это подтверждает следующий документ: «Много-де радовались как присланным для просвещения нашего российских священников видеть удостоились и из того заключали чрез оных непрерывное с Россиею иметь знакомство, но и еще де смыслию нашею кажется быть не сходно, чего-де ждать более добра, когда-де и в Моздок въезд нам загражден»¹²³.

Несмотря на всевозможные препоны, чеченцы и ингуши вели торговлю с осетинами и кабардинцами в Моздоке. Так, кизлярским жителем окончином Рамазаном Алабердыевым было продано в апреле 1776 года в Моздоке осетину Алию Чичуеву: спиннок севрюжких тридцать штук за 1 руб. 40 коп., соли три сабы за 1 руб., спиннок четырнадцать (рыба) за 1 руб., мешину одлу за 20 коп., соли четыре сабы за 1 руб. Всего на 4 руб. 60 коп.¹²⁴ В это же время Рамазаном Алабердыевым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Балу Чеботукову спиннок севрюжких 48 шт. за 3 руб. 85 коп. В том же месяце другим кизлярским окончином Очаром Байбатовым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Ацуке Плаузу спиннок севрюжких 100 штук за 6 руб.¹²⁵

Жители Кавказа издавна знали, что в Чечне имеется нефть, в отдельных местах выходящая на поверхность земли. С незапамятных времен ею пользовались чеченцы для лечения скота, смазывания аробных колес, и даже, возможно, для освещения жилых помещений. Для изучения природных богатств, в том числе и нефти, Российская Академия наук в 1770 г. отправила академика Гюльденштедта на Кавказ, в Чечню, где он обнаружил много нефтяных источников. О пользе нефти стали знать и за пределами Чечни.

Отдельные жители чеченских деревень, главным образом из южной части населения, постоянно занимались добычей нефти и ее продажей своим соседям, в том числе казакам.

В августе 1811 г. моздокские казаки сообщили генералу Ртищеву, что они получают большую пользу от чеченцев, живущих на Тереке, поскольку те привозят к ним на продажу черную нефть, которая идет для мазания колес тележек и пользуется большим спросом¹²⁶.

Видя большой спрос на нефть со стороны соседей и предвкусывая большие выгоды от нее, южные слои чеченцев и казачества стали монополизировать нефтяные источники-колодцы. В это

премя появляются и торговые посредники по продаже нефти. Так, в своей жалобе начальству казаки указывали, что некий отставной корнет Диков, как торговый посредник, захватив в свои руки сбыт нефти, перепродает ее населению по высокой цене, а потому они просят избавить их от посредничества Дикова¹²⁷.

Захваченные еще во второй половине XVIII века чеченскими владельцами и князьями нефтяные колодцы были изъяты у них царскими властями и переданы в распоряжение Кавказского линейного полка, который сам стал их сдавать в откуп.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. В рассматриваемое время в Чечено-Ингушетии происходит дальнейшее укрепление и расширение торгово-экономических связей с Россией и народами Северного Кавказа.

Главными предметами торговли с Россией и народами Северного Кавказа были традиционные товары: чекмени, бурки, башлыки, арбы, колеса, продукты земледелия, животноводства и охоты.

Через Астрахань, Терский город и Дагестан в Чечено-Ингушетию поступали российские, восточные и отчасти западноевропейские товары.

С появлением новых городов на Северном Кавказе, таких как крепость Терки, Св. Креста, Кизляра, а позже Моздока — экономические связи чеченцев и ингушей в данном регионе с Россией и Закавказьем усиливаются.

Определенную роль в укреплении торгово-экономических связей Чечено-Ингушетии с соседними народами продолжали играть сельские торговые центры Дагестана: Брагуны, Элдери, Аксай, Костек и др.

Со второй половины XVIII в. в торговых связях Чечено-Ингушетии с Россией и соседними народами Кавказа наблюдается тенденция развития денежных отношений. Зарождение и развитие элементов денежных отношений было свойственно в основном для равнинной части Чечено-Ингушетии.

Товарно-денежные отношения способствовали углублению разделения труда в Чечено-Ингушетии, главным образом в равнинной ее части. Развитие внутренней торговли можно объяснить образованием торгово-ремесленных селений — Гудермеса, Шали, Герменчука, Старых Атагов, Чечен-Аула и других.

Горные районы Чечено-Ингушетии, оторванные в зимнее время от равнины, а также из-за отсутствия удобных дорог, были менее втянуты в торговые связи с соседними народами.

Экономическому развитию и товарно-денежным отношениям в Чечено-Ингушетии мешали всевозможные ограбления царской администрации. Однако несмотря на все эти препоны, со-

циально-экономическое развитие Чечено-Ингушетии шло по восходящей линии.

- ¹ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972; Фадеев А. В. Из истории русско-чеченских связей, Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, № 1, М., 1959; Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей, Журнал «Советская этнография», № 1, М., 1961; Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, Грозный, 1965; Его же. Истоки дружбы, Грозный, 1975; Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI — нач. XX в.), Известия ЧИНИИЯЛ, т. 3, вып. 1, Грозный, 1963; Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII века), Известия СОНИИИ, т. 25, История, Орджоникидзе, 1966; Его же. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX в.), Известия ЧИНИИЯЛ, т. 8, вып. 1, Грозный, 1969; Чекменев С. А. К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце XVIII — первой половине XIX в. Из истории Карачаево-Черкесии, Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. 6, серия историческая, Ставрополь, 1970; Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений, Сборник ст. «Вопросы истории Дагестана», т. 2, Махачкала, 1975; Его же. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Рукопись кандидатской диссертации, Махачкала, 1977; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц., Навеки вместе, Грозный, 1980; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. История СССР, № 5, М., 1980; Ахмадов Ш. Б. Россия юкьялхале хьалхарчу муьрехь Нохч-Гьалгъайчоьнан обьрашна а. Кьылбседа-Кавказан кьамнашца а хиллачу экономически юкьялметтигини хьокьехь. — Орга, № 4, Грозный, 1980 и др.
- ² Вроцкий Н. В. Чечня как хлебный оазис. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1, Владикавказ, 1878, с. 270.
- ³ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, М., 1956, с. 41—42.
- ⁴ ГААО (Государственный архив Астраханской области, г. Астрахань), ф. 681, оп. 6, д. 29 (1718—1725 гг.), л. 27.
- ⁵ ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 25 (1723—1724 гг.), л. 7а.
- ⁶ ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 25 (1723—1724 гг.), л. 13.
- ⁷ ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 26, (1725 г.), л. 31.
- ⁸ Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке. Известия ЧИНИИЯЛ, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974, с. 53—54.
- ⁹ ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 26 (1725 г.), л. 14.
- ¹⁰ ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 46 (1725 г.), л. 18.
- ¹¹ Юхт А. И. Русско-восточная торговля в XVII—XVIII вв. и участие в ней индийского купечества, История СССР, № 6, М., 1978, с. 48; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., Сб. документов, т. 1, М., 1967, с. 247.
- ¹² Там же, с. 49.
- ¹³ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 32.
- ¹⁴ Заседателева Л. Б. Терские казаки, М., 1974, с. 193.
- ¹⁵ Гриценко Н. П. Истоки дружбы, Грозный, 1975, с. 27.
- ¹⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века), М., 1973, с. 293; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1, М., 1967, с. 104—105.
- ¹⁷ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 292.
- ¹⁸ Фехнер М. В. Указ. соч., с. 32.

- 19 Бслокуров С. А. Сношения России с Кавказом, Вып. 1, М., 1883, с. 127—154.
- 20 Труды института истории им. акад. Джавахидшавли, т. 2, Тбилиси, 1956, с. 3; Цитирую по работе Исаевой Т. А. Указ. соч., с. 52.
- 21 Исаева Т. А. Указ. соч., с. 52.
- 22 Исаева Т. А. Указ. соч., с. 53.
- 23 Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М.-Л., 1936, с. 242.
- 24 Русско-дагестанские отношения (XVII — перв. четверть XVIII в.). Документы и материалы, Махачкала, 1958, с. 233.
- 25 Там же, с. 240.
- 26 Там же, с. 274.
- 27 Русско-дагестанские отношения (XVII — перв. четв. XVIII в.). Документы и материалы, Махачкала, 1958, с. 266.
- 28 Там же, 226.
- 29 Там же.
- 30 ЦГА ДАССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 2 об.
- 31 ЦГА ДагАССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 2 об.
- 32 Там же, л. 3—3 об.
- 33 Там же, л. 5 об.
- 34 Заседателяева Л. Б. Терские казаки, М., 1974, с. 197.
- 35 Фадеев А. В. Из истории русско-чеченских связей, ВМУ; Историко-филологическая серия № 1, М., 1959, с. 221; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1, с. 139, 253; Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 105, 114, 115.
- 36 Русско-дагестанские отношения (XVII — перв. четв. XVIII в.). Документы и материалы, Махачкала, 1958, с. 275.
- 37 Там же, с. 295.
- 38 Там же.
- 39 ЦГА Даг. АССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 5 об.
- 40 История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958, с. 63.
- 41 АКАК, т. 2, Тифлис, 1868, с. 923.
- 42 Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период, М., 1957, с. 63.
- 43 Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, с. 141; История Северо-Осетинской АССР, М., 1959, с. 148—149.
- 44 Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России, ч. 1, СПб, 1835, с. 151.
- 45 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М., 1823, с. 213—214.
- 46 Броневский С. Указ. соч., ч. 2, с. 55—56.
- 47 Гриценко Н. П. Истоки дружбы, Грозный, 1975, с. 49.
- 48 Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972, с. 337.
- 49 Рукописный фонд Института истории Дагестанского филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, д. 47, л. 75.
- 50 Там же, л. 74.
- 51 Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972, с. 337.
- 52 ЦГА Даг. АССР, ф. 339, оп. 1, д. 3666, л. 14.
- 53 Там же, л. 91.
- 54 Скитский Б. В. Указ. соч., с. 337.
- 55 Рукописный фонд Института истории Дагестанского филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, д. 63, с. 32.
- 56 Прошение Моздокского поселенного казачьего полка старшины и казаков ген. Ртищеву от 4 февраля 1811 г. АКАК, т. 5, № 972, с. 843—845.

Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.), Известия СОНИИИ, т. 25 (История), Орджоникидзе, 1966, с. 10.

⁵⁸ Там же, с. 11.
⁵⁹ Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Автореферат кандидатской диссертации, Махачкала, 1977, с. 12.

⁶⁰ Там же, с. 11.
⁶¹ Бриммен Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году, «Кавказский сборник», т. 15, 1894, с. 198; Тотоев Ф. В. Указ соч., с. 11.

⁶² Рукописный фонд Института истории Дагестанского филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, д. 229, с. 137.

⁶³ Броневский С. Указ. соч., ч. 2, М., 1823, с. 138; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 11.

⁶⁴ АКАК, т. IV, № 1263, с. 834.

⁶⁵ Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Указ. соч., с. 13.

⁶⁶ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 85—86.

⁶⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов, т. II, М., 1967, с. 240.

⁶⁸ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сб. документов, т. II, М., 1967, с. 250.

⁶⁹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 379, оп. 1, д. 3263, л. 2 об. К числу «неподанных» горских народов, о котором сообщает документ, принадлежали, по-видимому, так называемые дореволюционной историографией «немирные чеченцы» (в противоположность «мирным чеченцам»), не успевшие к этому времени официально присягнуть царским властям, т. е. принять русское подданство.

⁷⁰ ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 1, д. 3263, л. 2 об.

⁷¹ Там же, д. 3260, л. 91.

⁷² Там же, ф. 379, оп. 1, д. 3303, л. 89.

⁷³ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 3274, л. 32.

⁷⁴ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 3260, л. 70.

⁷⁵ Кавказский сборник, Тифлис, 1899, т. 10, с. 413.

⁷⁶ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, т. 1, СПб., 1869, с. 259.

⁷⁷ АВПр МИД СССР, ф. 110. Сношения России с Грузией, оп. 110/1, д. 5, л. 1.

⁷⁸ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 379, оп. 1, д. 3615, л. 8.

⁷⁹ АВПр МИД СССР, ф. 110. Сношения России с Грузией, оп. 110/1, д. 3, л. 2, за 1755 г.

⁸⁰ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI—нач. XX века). Известия ЧИНИИИЯД, т. 3, вып. I, Грозный, 1963, с. 27—28.

⁸¹ ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 1, д. 3466, л. 48 — об.

⁸² АВПр МИД СССР, ф. 110, Сношения России с Грузией, оп. 110/1, д. 5, л. 1.

⁸³ Там же, л. 4.

⁸⁴ Там же, л. 9.

⁸⁵ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, СПб., 1869, с. 259.

⁸⁶ АВПр МИД СССР, ф. 115. Кабардинские дела, оп. 115/1, д. 10, лл. 1—3.

⁸⁷ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 3381, л. 6.

⁸⁸ Татарами называли в то время всех горцев, в том числе и чеченцев и ингушей.

- 89 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. 19. 1770—1774—1830, № 13602, с. 267—268.
- 90 ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 1, д. 3014, л. 74.
- 91 Там же, оп. 1, д. 2973, л. 26.
- 92 Отвошение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 8 апреля 1830 г. АКАК, т. VII, № 860, с. 891; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 8.
- 93 Рукописный фонд Института истории Даг. филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, д. 296, с. 188.
- 94 ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 2, д. 2547, л. 7, д. 2492, л. 97.
- 95 Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 9.
- 96 ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 2, д. 2482, л. 24—об.; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 9.
- 97 ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 2, д. 2482, л. 24—об.
- 98 Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.). Указ. соч., с. 14—15.
- 99 Кавказский сборник, т. 10, Тифлис, 1886, прим. к стр. 34. Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 15.
- 100 Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича полка, т. 1, СПб., 1884, с. 116; Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1, Махачкала, 1940, с. 318; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 15.
- 101 ЦГА Даг. АССР, ф. 379, оп. 1, д. 2723, л. 62.
- 102 Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 78.
- 103 Там же, с. 94.
- 104 Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России, ч. 2. СПб., 1835, с. 149.
- 105 Маркова О. П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII века. Ученые записки Института востоковедения АН Азербайджанской ССР, № 1, Баку, 1959, с. 113.
- 106 Кавказский сборник, т. 18, Тифлис, 1897, с. 476; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 12.
- 107 РО библиот. им. В. И. Ленина, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 30 (Д. А. Милютин. Чечня).
- 108 Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. III, ч. 1, с. 318; Ср. РО библиот. им. В. И. Ленина, ф. 169, п. 81, д. 7, л. 730 об. (Д. А. Милютин. Чечня); Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 12.
- 109 РО библиот. им. В. И. Ленина, ф. 169, п. 81, д. 7 л. 30 — об. Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 12.
- 110 Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1, с. 318.
- 111 Там же; ср. РО библиот. им. В. И. Ленина, ф. 169, п. 81, л. 7, л. 29—29—об. (Д. А. Милютин. Чечня.); Норденстамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1, Махачкала, 1940, с. 317—318; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 14.
- 112 Лаудаев У. Чеченское племя. — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6, Тифлис, 1872, с. 52.
- 113 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. 4, 1700—1712, изд. 1830 г., док. № 2207, с. 421.
- 114 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М., 1823 г., с. 198—199.
- 115 Тотоев Ф. В. Развитие рабства и работоторговли в Чечне (вторая половина XVIII века — 40-е годы XIX века). Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 3, вып. 1, Грозный, 1969, с. 192.
- 116 Там же.

- 117 АВПР МИД СССР, ф. 110. «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 3, л. 6, 1754 г.
- 118 Там же, л. 2.
- 119 ЦГА Даг. АССР, ф. 339, оп. 1, д. 3682, л. 81; Там же, д. 3700, л. 2.
- 120 Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, с. 56—57.
- 121 Блиев М. М. Указ. соч., с. 57.
- 122 Калоев Б. А. Из истории Моздока и моздокских осетин. Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966, с. 219.
- 123 АВПР МИД СССР, ф. «Ингушские дела», 1772, оп. 114, д. 1, л. 5.
- 124 ЦГА Даг. АССР, оп. 1, д. 2881, л. 104.
- 125 Там же, оп. 1, д. 2881, л. 103 — об. 104.
- 126 АКАК, т. 5, № 972; с. 843—845; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 10.
- 127 АКАК, т. 5, № 972, с. 843—845.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, С. Ц. УМАРОВ

АКТ 21 ЯНВАРЯ 1781 ГОДА — ВАЖНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ В ПРОЦЕССЕ ВХОЖДЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ

(Архивные документы)

В результате резкой активизации исследовательских усилий важная проблема отечественной истории — вхождение Чечено-Ингушетии в состав России — получила сегодня свое обстоятельное и объективное решение как длительный, постепенно прогрессирующий, добровольный в своей основе процесс, охвативший время с середины XVI века до 1781 года включительно. Дашняя концепция нашла свое достаточно полное обоснование в материалах представительных научных конференций, состоявшихся в Грозном в 1978 и 1979 годах, в серии разнообразных публикаций, прямо посвященных этому актуальному вопросу¹.

Средства массовой информации Чечено-Ингушской АССР развернули и непрерывно проводят широкую пропаганду достижений исторической науки в толковании важнейших событий и сторон прогрессивного процесса складывания русско-чечено-ингушского государственного единства.

В ходе серьезной и многогранной работы удалось убедительно доказать особое значение акта 21 января 1781 года, в результате которого были договорно определены и документально зафиксированы основные принципы и конкретные условия подданства наиболее населенных, политически и экономически значимых сельских общин Чечни (Большой Чечен и Аджиджу). Он

послужил образцом для официального оформления российского подданства со стороны большинства вайнахских обществ предгорно-плоскостной зоны, олицетворявших своими действиями реальную историческую перспективу преобладающей части чеченцев и ингушей.

Соответствующий комплекс из трех взаимообусловленных архивных документов только лишь сейчас привлек должное внимание специалистов. Он включает подлинник рапорта кизлярского коменданта А. М. Куроедова «светлейшему князю» Г. А. Потемкину, текст взаимных обязательств чеченцев и российской администрации, обуславливающих «вечное и верное» отныне подданство, и прошение-присягу главных чеченских и аджигульских «старшин и народа». Последние два документа представляют собой перевод (в первом случае полистно завизированный, а во втором — в конце скрепленный полной подписью главного толмача кизлярской комендатуры Халка Бадирова) с неизвестного нам пока подлинника, выполненного, очевидно, как это часто было, на тюркском (кумыкском) языке при помощи арабской графики.

Впервые к этим архивным источникам обратился П. Г. Бутков, опубликовав краткий и не во всем точный конспект семи из 10 пунктов текста взаимных обязательств². Впоследствии отдельные позиции документов цитировали и подтверждали анализ некоторые современные историки³. Так, Н. А. Тавакалян априори посчитал формулировки данных документов «типичными для всех прошений и присяг», не оценив исключительности и особого значения всего этого комплекса. Ш. Б. Ахмадов ограничился удачным использованием ценной информации из пункта 6-го (условия возвращения чеченским старшинам беглых «холопов магометанского закона» из российских городов и селений). Но вся сумма свидетельств, как важнейшее событие в документальном оформлении русско-чеченского государственного единства, не была в должной мере выявлена и осмыслена. Подлинное значение акта 21 января 1781 года раскрылось, когда комплекс документов был полностью обработан в Центральном государственном военно-историческом архиве в г. Москве (ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, лл. 1—7), а также и в основной части своей опубликован с сопутствующими исследовательскими трактовками⁴.

Однако полный и уточненный в ряде труднопонимаемых мест текст этих важнейших документов еще не увидел свет, и тем самым заинтересованные круги специалистов и общественности пока лишены возможности его оценки в целом. Данная публикация преследует цель восполнить этот существенный пробел в источниковедческой базе истории народов Чечено-Ингушетии.

Вводимые в оборот документы снабжены самым минимумом необходимых комментариев.

¹ См., например: Истоки великой дружбы. Грозный, 1978; А. Л. Нарочницкий. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. — Известия СКНЦВШ, Ростов-на-Дону, 1979, 4, с. 17; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979; Бузуртханов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навекы вместе. Грозный, 1980; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртханов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — История СССР, 1980, 5, с. 48—63 (там и библиография).

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Часть II, с. 62—63.

³ Тавакаляни Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. — Археолого-этнографический сборник, 2, Грозный, 1968, с. 108; он же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. — Автореф. докт. дисс., М., 1972, с. 32; Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. — Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, т. 9, часть третья, вып. 1, Грозный, 1974, с. 71.

⁴ См.: Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение..., с. 34—36, 43—47; Бузуртханов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навекы вместе, с. 62—69, 89—94; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртханов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 67—71.

ДОКУМЕНТЫ

Светлейшему князю, высокопревосходительному господину генералу-аншефу, Государственной военной коллегии, высочайшему Президенту, сенатору, Астраханской, Азовской, Новороссийской губерний государеву наместнику, всех делном коннице главному командиру, российских всех и разных орденов кавалеру, князю Григорию Александровичу Потемкину.

От бригадира, кавалера, Кизлярского коменданга Куродова,

РАПОРТ

Прошлого 1779 года со вступления моего в веренную мне должность пашел из верных данных чеченских народов. Еще в прошлом 1757 году в бытности в Кизляре комендантом г-на генерал-майора фон Фрауендорфа вышли из должного повиновения своих владельцев и совсем оказались противными российской стороне, и многими партиями в разные времена воровские лабегин чинили на казачьи станицы и отгоняли скот, пленяя людей, о чем от показанного генерал-майора фон Фрауендорфа того года

июня 13 дня в государственных иностранных дел коллегию рапортом было донесено и по вышепослующим резолюциям за такие дерзости их наказать и привести к должному повиновению¹. И к исполнению тех повелений, он — генерал-майор — в чеченские пределы для наказания в 1758 году ходил, по что учинено им было здесь по делам не оказалось². Но с самого того времени их беспокойной народ не оставлял чрез воровские набеги хищения скота, а поудаче и увоза людей. За что в прошлом 1770 году и господином генерал-поручиком де Медемом двоекратно наказания были, но никак своего буйства не оставляли³. И со вступления моего в вверенную мне должность, употребляя все способы, стараясь разными образами их развратный народ возвратить от заблуждения и привести в точное повиновение, и чрез то доставить здешнему краю спокойствие, для чего употреблялись под разными протекстами испытаны князь Черкасский Бекович и терскаго войска подпоручик Никита Чорин, а в самом деле как для склонения их к точному повиновению, так и примечанию обращения и познанию их мыслей.

А в прошлом 1780 году троекратно от старшин присланы ко мне были письма с прошением о принятии их попрежнему в подданство. Но оказалось, что еще колебались они в своих мыслях и чистосердечного раскаяния не имели. Почему и оставил их без ответа. Напоследок точно пришли в раскаяние и все единодушно просили о принятии их в вечное подданство, в чем торжественно учиня вверяемую присягу, обязались письменно как им самим, так и их потомкам, состоять вечно подданными е. и. в. И спрашивают всемиловитейшаго в прежних своих преступлениях прощения и высочайшего повеления о принятии их в число вечно подданных рабов. С поданных же мне на татарском диалекте обязательств, присяги перевод по апробации вашей светлости в покорности моей подношу и когда удостоена будет апробациею и что повелеть исполнить резолюциею снабдите⁴.

При сем приемлю смелость вашей светлости о трудившихся по сему, а наипаче по многим возлагаемым по пограничности секретным делам капитана князя Бековича Черкасского и подпоручика Чорина рекомендовать, яко достойных и по возлагаемым на них должностях исправных офицеров.

Бригадир *Алексей Куредов*.

19 апреля 1781 г.

П Р И С Я Г А

Мы, нижсименованные большие чеченские и аджнаульские старшины и народ⁵, обещаемся и клянемся пресвятым алкораном, всемогущим богом и пророком Махометом в том, что, буду-

чи издревних лет подданными Всероссийскому Престолу, хотя и присягали прежде предкам е. и. в. в верности своей и выполнении всевысочайшей воли и повелений⁶, но, забыв долг клятвенного своего обещания от легкомыслия своего, отступали от должного повиновения и дерзким сим поступком оскорбил, отлагаясь от подданства, всепресветлейшую и всемилостивейшую нашу государыню. Ныне же, раскаявшись чистосердечно в таком предосудительном и дерзновенном нашем поступке, просим сами о принятии себя в вечное подданство всепресветлейшей самодержавнейшей великой государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы Всероссийской, ожидая из матерного е. в. милосердия преступлениям нашим прощения и быть удостоенным принятия в число вечно и верно подданных ея сынов, признавая пред совестью себя вечно и верно подданными е. и. в. и наследниками ея, прибегая просим в преступлениях своих прощения и пощады.

Обещаемся и клянемся всемогущим богом и пророком Махометом, что хотим и должны служить всепресветлейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской (далее — перечисляется вся императорская семья. — *Авт.*) вечно, верно и послушно, и все повеления их, чтоб угодно ни было, почитая за святое правило, исполнять беспрекословно со всяким благоволением, чистою совестью и повиновением подлинным. И пока живы пребудем мы и потомки наши, должны добровольно защищать е. и. в. и их императорские высочество и Отечество, где бы то ни было, чинить везде храброе и сильное сопротивление до последней капли крови, пока приятен нам живот наш и вечное блаженство, и ничем поставляемым начальникам и их установлениям противиться не будем. И если бы против всякого чаяния и чтоб таковы из нас оказались, который бы, забыв страх божий и свою собственную должность и совесть верно подданного раба, предпринял бы, что-либо противу Отечества и е. и. в., в нас избегать будем с таковыми извергами сообщения и по лутчей совести нашей всякай стараться станет таковое зло предупреждать и в надлежащих местах о том заблаговременно объявлять. Самих же начинающих злодейства почитать собратнею вредных и недостойных извергов от рода человеческого людей. И если возможно будет, таковых поймав, представлять на высочайшее рассмотрение е. и. в.

Если же мы сего клятвенного нашего обещания в чем-либо хотя в малом преступим, то отрекаемся навеки от всевышнего бога и пророка нашего Махомета и лишаемся, как безверныя, в будущем веке милостей всевышнего бога и великаго пророка Махомета, подвергаем себя вечному проклятию и сверх того — наказанию непобедимого е. и. в. оужия.

Во утверждении сей клятвы, которую содержать обязуемся вечно, свято и ненарушимо, целуем алкоран, подписываем своеоручно и прикладываем свои печати и пальцы.

Перевод. Переводчик *Халик Бадиров.*

*
* *
*

1781 года генваря 21 дня мы, нижеподписавшиеся большие чеченские, хаджнаульские старшины и народ, добровольно, чистосердечно по самой лучшей нашей совести объявляем бригадирю, кизлярскому коменданту и кавалеру Куроедову, что, чувствуя от е. и. в. всепресветлейшей нашей государыни императрицы Екатерины Алексеевны изливаемые ко всем верноподданным высочайшие щедрая милости и мудрое управление, раскаясь о своем преступлении, прибегаем под покровительство, испрашиваем всевысочайшее повеление о принятии всех старшин и народа попрежнему в вечное подданство, на ниже писанных правилах:

1-е

Всем нам вышеописанных деревень старшинам и народу с детьми нашими и потомками быть в вечном подданстве е. и. в. верными и усердными во всю жизнь нашу и потомков наших, и все повеления их чтоб угодно было, поставляя за святое правило, исполнять безпрекословно со всяким благоговением и повншностью.

2-е

Всевысочайшие интересы е. и. в. сохранять и защищать до последней капли крови, не жалея живота своего. Врагов е. и. в. и Отечества по повелениям истреблять и ни под каким видом дружбы и согласия с ними не иметь. И ежели что или старшинам или народам от стороны соседственных народов и от верноподданных услышится, каковыя против высочайшего е. и. в. и их императорских высочеств здравия ко вреду Отечества или к похищению высоких интересов, — о том заблаговременно в ближайшие российские селения командирам и кизлярскому коменданту тотчас доносить, а самим сколько сил доставать будет защищать и ко вреду не допускать.

3-е

Быть нам — старшинам и всему народу — во всем с вечно подданными е. и. в. кумыкскими народами на оставленных пра-

вилах⁷. Старшин же в деревнях для исправления общественных дел избирать нам самим беспрепятственно, ково в ту должность удостоим по древним обычаям. Владельцев наших почитать и во всем им повиноваться⁸.

4-е

Быть нам старшинам и всему нарбду с верноподданными е. и. в. кумыкскими, кабардинскими, осетинскими народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества, и ни под каким видом неприятельских дел не начинать, каковые произойти могут. Несогласия чрез воровство разбираться во всем по древним кумыкским обычаям, и ежели между собой разбирательства и удовольствия по претензиям не были учинены, о том исправивать решения кизлярского коменданта.

5-е

Состоять нам на всех правилах кумыкских, нежели б что произошло неумышленно или иногда и воровские дела по таковым разбираться нам по древним кумыкских народов обычаям и конечно по показательствам. Всем верноподданным е. и. в. делать тотчас по претензиям всякое удовольствие, ежели ж паче чаяния произошли смертные убийства, то должны платить за убитого по сту, а раненому по пятидесяти рублей, не исключая и женского пола. Напротив того и нам получать то же удовольствие.

6-е

В прошлом 1779 году взятых в плен из Калиновской станицы мужескаго, женскаго пола⁹ всех нам представить в Кизляр к господину кизлярскому коменданту Куроедову беззаплаты, а сверх того, ежели найдутся у кого в наших селениях российские солдаты, казаки и другие люди, купленные из давних лет, пленные и оне должны представить к показанному господину коменданту за заплату, закупленных той самой ценой, почем они куплены. А за пленных — по положенной кумыкам платы. Ежели же будут наши холопы магометанскаго закона от нас бежать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно¹⁰. А христианскаго закона, яко то грузины, армяне, за оных нам производить по кумыкскому установлению заплату. Нам же всех беглых верноподданных е. и. в. всякаго закона людей ни под каким видом не принимать и не держать, а ловить и представлять в Кизляр господину коменданту¹¹.

7-е

Все претензии российской стороны до сего происшедшие — воровство, грабительство, кроме указанных в 6-ом пункте Кали-

повской станицы казаков и женскаго пола, коих мы обязываемся возвратить, и пограбленной в Шелковом Сарафанниковом заводе церкви, ежели оное грабительство произошло от наших народов¹², сыскав и все церковные вещи возвратить же, а протчие в прежних временах, включая вышеописанное грабительство, отгон скота и разных вещей, из высочайшего е. и. в. матерного милосердия нам отпустить. С нашей же стороны каковыя были претензии из верноподданнической должности буде оставляемы и предаем вечному забвению, а единственно толко испрашиваем всевысочайшего милосердия.

8-е

Ежели бы паче чаяния каковыя неподданные или подданные российской державы народы предпринят учинять российским границам какой вред, а мы узнаем оной, по возможности нашей не отвратим и не дадим знать, и чрез то произойдет какое хищение, отгон скота или пленение людей, паче ежели те злодеи передут через наши дачи беспрепятственно, в том мы повинны, не толко пограбленное возвратить, но по высочайше е. и. в. власти наказать по поставленным законам себя подвергаем.

9-е

Когда мы удостоены будем всевысочайшим е. и. в. повелением о принятии попрежнему в вечное подданство, позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и протчие российские места. И никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных. А в случае каких происшедших обид, по принесении жалобы, где бы то случилось, начальникам, особливо г-ну кизлярскому коменданту, чинить удовольствие. Ежели же узнаем мы где в российских местах своих лошадей, скот или у нас кто опоздает, в таком случае по древним обычаям нашим оной отдавать беспорочно или показывать настоящего вора.

10-е

Во утверждении же сей нашей верноподданнической должности даем мы испервейших наших фамилий аманатчика, коего в содержание пищей, равно и к перемене из знатных первейших фамилий аманатов передается всевысочайшей е. и. в. воле¹³.

11-е

Все си пункты согласно и добровольно старшии и народа о содержании в совершенной и верной вечноподданнической долж-

ности, в непарушении векови обязательств по поручительству чеченского владельца Арсланбека Айдемирова¹⁴, в присутствии его и присланного из Кизляра почтенного подпоручика Зорина, своеручно подписали печатями и пальцами, с клятвою пред алкораном утвердили.

Бадиров.

КОММЕНТАРИИ

¹ Все публикуемые документы, отражая дух эпохи, сплошь окрашены великодержавной, а также и религиозной психологией. В частности, кизлярский комендант драматизированно, субъективно, с сугубо классовых позиций излагает свою трактовку событий и личный вклад в их развитие. В свою очередь, документы, подписываемые чеченцами, местами составлены в рабленых, самоуничижительных выражениях. Это неизбежные приметы аналогичных источников того времени.

² В 1757 году «чеченцы вышли из должного повиновения своим владельцам». Из предписания «Военной коллегии» («наказать их, привести к прежнему повиновению. ... дабы они из гор на чистые места вышли») видно, что царская администрация, проявляя классовую солидарность, пыталась укрепить власть чеченских феодалных владельцев. Предпринятый в 1758 году поход в Чечню (во главе с ген. Фрауендорфом) заметных результатов не имел. (См.: Бутков П. Г. Материалы для истории Кавказа с 1722 по 1805 г. СПб., ч. 1, 1869, с. 259; Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757—1758 гг. — Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979, с. 95—101).

³ Враждая с более влиятельным чеченским владельцем Арсланбеком Айдемировым, Али-Солтан Казбулатов «открыл в 1769—1770 годах мятеж и партию чеченцев ... и сделал себе убежище в крених местах» (т. е. в горах). Против него и его сторонников были направлены походы де Медема, предпринятые летом 1770 года. (См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 300—320).

⁴ Документ - решение еще не найден. Но о положительном итоге рассмотрения данного вопроса свидетельствуют многочисленные присяги других обществ, последовавшие за подписанием этого договора, а также и документы, овидельствующие о последующем (после 1781 года) постоянном признании всех основных групп населения Чечено-Ингушетии «уже суть подданным» России.

⁵ Решение сельских общин, обсуждаемое и принимаемое на сходах сельчан («народа»), выражалось через облеченных доверием старшин. Старшины уполномочивались представлять волю населения своих общин. В данном случае значение присяги возрастало оттого, что она давалась от имени крупнейших и важнейших общин Чечни. Современник событий академик И. Гюльденштедт по поводу «главнейшего округа Чечен» заметил, что он включает в себя 8 значительных селений и нарочито обширен, причем под названием его обитателей чеченцев часто разумеют весь народ». (См.: Георг и И. Г. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 годах. СПб., 1809, с. 79, 85—86).

⁶ Наиболее крупные и политически значимые общества равнинной Чечни, подвластные, например, князю Айдампру Бардыханову «селения Большие Чечни и Большие Атаги», а также и Брагунское владение придерживались русской ориентации с 30-х годов XVIII в. Их владельцы и уздени еще тогда получали от России «жалованье... деньгами, мукой и овсом». (См. Бутков П. Г. Указ. соч., с. 122).

7 Кумыки (а также и кабардинцы) имели давние и достаточно четко оформившиеся традиции российской подданства, учитывавшие важнейшие моменты специфики общественной жизни горских народов, отраженные в развитем «обычном праве» (адатах). Эти традиции использовались и русской администрацией в налаживании отношений с новыми подданными и горскими народами, недавно вошедшими в состав России.

8 Царская администрация шла на частичные уступки, разрешая чеченцам самим избирать в деревнях старшин, но требовала ответного обязательства «владельцев почитать и во всем им повиноваться», проявляя классовую солидарность с местной феодальной верхушкой.

9 Летом 1779 года группа чеченцев пала на казачий обоз у станции Калининской и взяла в плен нескольких человек, которые теперь возвращались без выкупа (См. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 53).

10 Чеченцы (читай: феодалы и старшинская верхушка) имели холопов как мусульманского, так и христианского вероисповедания. Холопы-мусульмане прикрепляются к своим владельцам, а христиане могут быть освобождены за выкуп. В этом ярко проявляется классовая солидарность царизма с представителями феодальных слоев местного населения.

11 В данном случае предусматривается возможность бегства в Чечню «всякого закона людей» из России, которых следует «ловить и представлять в Кизляр коменданту». Здесь чувствуется настороженность царской администрации, у которой память о недавней крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева была еще свежа.

12 Причастность чеченцев к ограблению церкви на Сарафанинском заводе не была установлена. Подписавшие договор старшины готовы были вернуть церковное имущество, «если грабительство произошло от наших народов».

13 «В исходе 1782 года от всех чеченских селений, кроме Атаги, генерал-поручик Потемкин получил аманатов». (Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 109).

14 Из чеченских феодальных владельцев 70—80-х годов XVIII в. Арсланбек Айдемпов (как в 30—60-х годах его отец Айдемир Бардыханов) в Чечне пользовался наибольшим влиянием.

Г.-Р. А.-К. ГУСЕЙНОВ.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ

(к характеристике русско-чеченских языковых
контактов дооктябрьского периода)

Начало установления постоянных русско-чеченских языковых контактов относится к XVI веку, когда на территории современной Чечено-Ингушетии появляются первые русские поселенцы — гребенские казаки. В силу того, что постоянное русское и украинское население на Северном Кавказе начинает распространяться с конца XVIII века, русско-чеченские языковые контакты этого периода (XVI—XVIII вв.) могут рассматриваться, в широком смысле, не только в качестве репрезентата русско-вайнахских (чечено-ингушских) языковых связей, но

всей совокупности ареальных русско-северокавказских языковых контактов указанного периода.

В области изучения русско-чеченского языкового взаимодействия дооктябрьского периода (XVI — начало XX века) мы располагаем исследованием Ф. С. Ляновой, характеризующим только одну из сторон этого процесса — наддиалектное воздействие общенародного русского языка на чеченский язык¹. Однако в то же время неизученным остается другой аспект проблемы русско-чеченского языкового контактирования — взаимодействие чеченского языка и терских говоров русского языка, представленных на территории Чечено-Ингушетии, как было сказано выше, с XVI века. По этой проблеме не было опубликовано ни одной работы.

Абсолютно не исследованы, не обобщены и не проанализированы те внешние (экстралингвистические) условия, в которых протекало русско-чеченское языковое контактирование дооктябрьского периода, в особенности XVI—XVIII вв.

Необходимость изучения внеязыковых фактов связана с тем, что характер и направление взаимного действия языков, находящихся в контакте, определяются внешними конкретно-историческими условиями протекания контактов, прежде всего, наличием или отсутствием соответствующего типа двуязычия.

Специфической особенностью русско-чеченских языковых контактов дооктябрьского периода является то, что, несмотря на тесные, в целом дружественные связи, установившиеся между местным населением и русскими поселенцами², основным средством общения вайнахов и терских казаков стали местные тюркские языки — ногайский и, в особенности, кумыкский, известные в основном до Октября под названием «татарского» языка, что отражало сложившуюся к этому времени на Северном Кавказе тюркоязычную традицию³.

Об использовании вайнахами в качестве средства межплеменного общения тюркских языков свидетельствует письмо 1657 г. из шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу — единственный подлинник вайнахских документов, обнаруженный в фондах русских учреждений XVI—XVII веков⁴. Язык письма не карачаево-балкарский, как полагают авторы статьи, а кумыкский, точнее, старокумыкский.

Материалы отписок терских воевод в Посольский приказ, датируемые концом XVI — серединой XVII в., в свою очередь, говорят о довольно широком использовании для посылок «в Шевкалы» (шамхалу Тарковскому), «в Кумыки» (в засулакскую Кумыкню), «в Тюмень» (в устье реки Сулак), «в Черкасы» (в Кабарду), в Грузию русских толмачей, переводчиков с «татарского» языка, причем, как явствует из документа 1589 года, в этом

качестве первоначально использовались освобожденные из Аст-рахани русские полоняне⁵.

Не случайно именно на «татарском» языке пишут письма (12 писем с 1712 по 1788 г.) русской администрации в XVIII веке кабардинские владельцы⁶, и только в одном случае, в 1713 г., отмечается перевод с черкесского письма кабардинских князей А. Б. Черкасскому⁷. К 1722 и 1778 гг. относятся соответственно переводы с турецкого двух писем кабардинского князя Арсланбека Кайтукина Петру I и письмо закубанского князя Токмая к кабардинским владельцам⁸.

«Татарский» язык, таким образом, четко отличался переводчиками от турецкого и черкесского. О том, что уже в начале XVIII века под «татарским» языком подразумевался кумыкский язык, свидетельствует и следующий факт. В «Описании стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» И.-Г. Гербера (1728 г.) под «провинциальным именем» «Татары» перечисляются ногайцы и кумыки Аксая, причем отмечается, что у погайцев язык «погайский», который «с татарским языком имеет несколько сходства», а в Аксаевском уезде язык — «татарский». В то же время о «черкесах горских», населении Верхней и Нижней Кабарды, сообщается, что у них «свой особенный черкесский язык», и «имя провинциальное» у этих народов свое: «Черкеса Горская». Под «провинциальным именем» «Дагистан (народ называется дагистанцами, также и кумыками)» в числе прочих называется «Андрей, или Ендрей, уезд», ныне кумыкское село Андрей-аул (Эндери), и чеченцы, живущие «подле Андрея к реке Терек» (нынешние аккинцы, ауховцы), язык и у тех и других, по сведениям Гербера, «татарский»⁹.

В качестве переводчиков-толмачей использовались терские казаки. Об этом свидетельствует документ 1747 г., любезно предоставленный нам В. И. Денискиным, в котором говорится, что в горские села посылаются только терские казаки, «понеже у них имеются тамошнего языка знающие»¹⁰.

В Кизляре, крупнейшем экономическом центре Северо-Восточного Кавказа XVIII — первой половины XIX в., куда приезжали торговать «осетины, чеченцы, кабардинцы, народы Дагестана, ногайцы, армяне, грузины, терские казаки, наиболее распространенными были ногайский и кумыкский языки»¹¹.

Использование тюркских («татарского») языков в качестве средства общения не ограничивалось рассматриваемым регионом Чечено-Ингушетии и сопредельных районов. Так, если азербайджанский язык широко употреблялся народами южного Дагестана, то ногайский язык был языком экономических связей для адыгов, моздокских осетин, северокавказских грузин и ар-

мян, а кумыкский — для аварцев, андийцев, чеченцев, даргинцев и др.¹²

Местные тюркские языки становятся известными русским писателям, побывавшим на Кавказе, в том числе и в Чечено-Ингушетии.

Еще А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком»¹³ «...С ним, как с французским в Европе, можно пройти вконец всю Азию»¹⁴. Известно, что Бестужев-Марлинский в период своей жизни в Дербенте (1830—1834 гг.) занимался изучением тюркского языка¹⁵, по всей вероятности, азербайджанского.

«Татарский» язык изучал М. Ю. Лермонтов. Упоминание об этом в выражениях, близких к высказыванию А. А. Бестужева-Марлинского, содержится в датированном октябрем 1837 г. письме Лермонтова из Тифлиса¹⁶. «Начал учиться по-татарски — язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе...»¹⁷.

«Татарский» (кумыкский) язык изучался и Л. Н. Толстым. В дневнике писателя содержится следующая запись от 22 августа 1851 г., сделанная во время его пребывания в чеченском селении Старый Юрт: «После обеда (мало есть) татарский язык, рисование, стрельба, моцион, чтение»¹⁸. В примечании же сказано: «То есть кумыкский язык»¹⁹.

Великий русский писатель в своей заметке к «Словарю горских слов» повести «Хаджи-Мурат» прямо утверждает, что под «татарским» языком следует понимать тюркские языки Северо-Восточного Кавказа и Закавказья, а именно кумыкский и азербайджанский: «В эпоху, к которой относятся события, описанные в «Хаджи-Мурате», многочисленные мелкие племена, населявшие Кавказ, не имели одного общего языка, а каждое племя говорило на своем собственном наречии. Всех наречий насчитывалось около шестидесяти. Но для сношений племен между собой существовал татарский язык в двух его разветвлениях: 1) на юго-восточном Кавказе — адирбеджанский, 2) на северо-восточном — кумыкский. Почти каждый горец имел кое-какие познания в межплеменном языке, как и в языках соседних племен»²⁰.

Употребление терскими казаками в качестве средства общения с соседними чеченцами и ногайцами и даже между собой «татарского» (кумыкского) языка нашло последовательное отражение в повести Л. Н. Толстого «Казаки»²¹, а как писал Бестужев-Марлинский о русском населении края — казаках: «Казаки отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватка — все горское... Почти все говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам»²².

О силе влияния тюркских языков на русскую речь казаков-гребенцов свидетельствуют отмеченные еще в начале нашего века обороты их речи, тюркские по своему происхождению: «аман ауру вам! — «замолчите! будет!» — аман ауру (кирг.) — дурная болезнь на тебя; аман талов! говорят тому, кто очень пристает с просьбами; яман талау (кум.) — дурная рожь (болезнь) на тебя; аман сага! «замолчи! перестань!» сакау (каз.-тоб.), сакау (кирг.) — «занка, картавый»²³.

В другой работе — «амануру — бранное выражение, употребляемое женщинами (как и два следующих), приблизительно означает: цыц, замолчи, не кричи! Тюркск.: аман ауру — дурная болезнь (на тебя); аманталов — отвяжись, отстань, не приставай! Тюркск.: аман талау — дурная рожь; аманцапа — замолчи, ерунду говоришь. Тюрк.: аман сакау — скверное заикание; Јол-аяк или стремненное — последняя чапурка вина перед отправлением в путь, когда отъезжающие уже сели на коней. От тюрк. Јол — дорога, аяк — чашка»²⁴.

Выражения: «аман авру! — Неправду говоришь! (устар.), аман авру! замолчи; аман сага талов! — окрик на тех, кто шумит, понудительный окрик на животных (устар.)» — отмечены и в современной речи гребенцов²⁵.

При всем несовершенстве тюркской мотивировки происхождения этих оборотов заимствование их из языков соседних тюркоязычных народов — кумыков и ногайцев — не может вызывать сомнений хотя бы потому, что они (эти выражения) присущи только гребенским говорам²⁶. Даже в такой «консервативной» области национального самосознания, как фольклор, вопреки утверждению дореволюционного исследователя В. П. Пожидаева о том, что «...все казацкое туземное влияние ограничилось всего-навсего заимствованием и внесением в текст старин 4—5 татарско-ногайских слов...»²⁷, в русской былине об Илье Муромце, записанной в 1945 году в станице Старый Шедрин, «оказался припев, заимствованный сказителем из кумыкской песенной культуры»²⁸ (после каждых двух строчек былины повторяется несколько измененный зачинок кумыкских героических песен в следующем виде: «Ай ванапай дысни, ай ванапай») ²⁹.

Терским песенникам был известен и припев делла (чеч.-инг.) «дела-даьла» (бог), значение которого современным посетителям говора неизвестно, и припевы: мравальжамнера (грузинск.), алла верды, алла-гу³⁰. Действительно, все эти припевы-«путешественники» «...на раннем этапе существования в казачьих песнях... несут на себе определенную смысловую нагрузку, т. е. имеют более или менее точный перевод на русский язык. Однако с течением времени смысловая сторона этих слов постепенно утрачивается, и остаются они в песнях по традиции»³¹.

Если происхождение грузинского слова можно в определенной степени объяснить сведениями Н. А. Караулова о том, что станция Шелковская была населена грузинами, «уже давно обращенными (по недоразумению) в казачье сословие, по еще до наших дней не вполне обрусевшими»³², то такие припевы, как алла верды (ср. тюрко-араб. аллах верди «аллах дал») и алла-гу, который синонимичен чеч.-инг. дела-даьла и восходит к арабскому аллагу акбар «аллах всемогущ», могут быть заимствованы из местных тюркских языков.

Начало разрушения русско-«татарского» двуязычия в Чечено-Ингушетии можно отнести к периоду Кавказской войны, когда возникает «особенное наречие, изобретенное русскими и татарами для разговора между собой. Есть много слов на этом странном наречии, корень которых нет возможности отыскать ни в русском, ни в татарском языках»³³.

Говоря об употреблении в качестве основного средства общения народов региона тюркского «татарского» языка, не следует в то же время исключать из поля зрения и тот факт, что в XIX веке переводчикам-толмачам и другим лицам, — представителям казачества — был известен не только кумыкский, но и чеченский язык.

Так, в публикации М. О. Косвена «Дело сотника Атарщикова» приводятся сведения о сотнике казачьего полка уроженце станции Наурской Семене Семеновиче Атарщикове (1807 г. рождения), который в самом раннем детстве был отдан своим отцом, служившим переводчиком, на воспитание в «мирный» кумыкский аул, где он научился «татарскому» (кумыкскому) и чеченскому языкам³⁴.

В другом документе (1873 г.), прошении штабс-капитана Ф. А. Щедринаского Главнокомандующему Кавказской армией, Щедринский просит дать ему в Терской области земельный надел, и он обязуется распространять среди чеченцев «примерное трудолюбие» и «приохочивание их к разведению виноградников», потому что, пишет он, «с детства владею общетатарским и другими кавказскими наречиями, изучив до совершенства кумыкский и чеченский, у последних пробыв в плену три года»³⁵.

Отдельные лексические элементы чеченского языка могли получить и довольно широкую известность в последующий период ср. у Полежаева в поэме «Эрпели»: «Уж наши войны слегка болтать учились по-чеченски, как встарь учились по-пемцки»³⁶.

В «Словаре горских слов» повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», помимо «кумыкских», «арабских», «турецких», «черкесских», «кази-кумыкских» (лакских) слов, приводится и чеч. пильгиши «пельмени или клецки с начинкой»³⁷ (ср. чеч. чIепалгаш

«пшеничные лепешки с начинкой из творога, картофеля»). Это едва ли не первое отражение чеченского слова в языке русской художественной литературы, если не считать слово валерикский в известном стихотворении М. Ю. Лермонтова. Данное слово известно в современных переводах чечено-ингушской литературы и в произведениях местных авторов, пишущих на русском языке, в форме чапилгаш, чапилгиш, чапильгаш, чапильги, чепалгаш, чепальгаш, чепильги³⁸.

Со второй половины XIX века на Северном Кавказе, за исключением некоторых районов Дагестана, в основном, южных, начинает распространяться русский язык, вытесняя употреблявшийся до этого в качестве основного средства общения тюркский «татарский» язык. По свидетельству современников, кабардинец с чеченцем, осетин с кабардинцем объяснялись обычно по-русски, причем в большей мере русским владели осетины и ингуши³⁹. Довольно широко русский язык употреблялся западными чеченцами, тогда как восточные знали главным образом кумыкский⁴⁰.

Распространение в крае русского языка не привело к возникновению массового двуязычия со вторым русским языком, подобного современному. Не случайно и в истории адыгейско-русских языковых контактов период до Великой Октябрьской социалистической революции называется периодом, предшествующим двуязычию⁴¹.

Что же касается говоров терского казачества, то в связи с дальнейшим распространением русского языка среди нерусских народностей региона, влияние на них тюркских языков ослабевает, владение «татарским» языком с каждым годом становится все менее распространенным, что было вызвано прежде всего поступательным изменением общественно-экономических условий.

И уже в начале XX века исследователь отмечал: «Язык паурцев довольно своеобразным. Их великорусский язык в течение многих веков подвергался влиянию всевозможных народностей, то ногайцев, то калмыков, то лезгин, то чеченцев и др. горцев, не говоря уже о сильном влиянии малорусского наречия. От всех народностей, с которыми соприкасались казаки, они переняли много слов и оборотов. Терские казаки, кроме того, склонны щеголять в разговоре и иностранными словами, хотя иногда употребляемыми совсем невпопад. Да и родной казакам великорусский язык в их устах изменился до неузнаваемости. Но иногда слова русской речи ими так коверкаются, что трудно бывает незнакомому с местными оборотами отличить, на каком языке объясняются жители. В других случаях русская речь пестрит малорусскими, чеченскими и калмыцкими оборотами речи. Чисто русским языком никогда не говорят паурцы...»⁴².

Приводимый далее П. А. Востриковым образец речи паурцев В. П. Пожидаев считает характерным и для речи гребенских казаков: «Вот приблизительно речь гребенских казаков. Наряду с основным великорусским языком вы здесь найдете и слова горских инородцев: осетин, кабардинцев, чеченцев, и слова татарские, калмыцкие, ногайские, малорусские и даже исковерканные французские»⁴⁴.

Подобный характер речи гребенцов, в среде которых знание местных тюркских языков было наиболее распространенным, свидетельствует об интенсивном разрушении русско-тюркского двуязычия в период, последовавший после начала распространения русского языка в крае.

Знаменательно в этом отношении другое сообщение П. А. Вострикова: «Говорят паурцы на великорусском наречии: язык этот употребляется ими и во взаимных сношениях между собой и при сношениях с другими народностями. Зная чужой язык, паурец всегда старается видоизменить при разговоре с туземцем язык русский и только в крайнем случае употребляет туземный... Это обстоятельство, в свою очередь, успело отразиться и на русском говоре паурцев: под влиянием разнородных элементов речь их приняла оригинальный склад; в ней встречаются слова и чеченские, и татарские, и калмыцкие, и осетинские»⁴⁴.

В словаре, прилагаемом П. В. Востриковым в своей работе 1907 г., фиксируются такие нахские слова, как дэкин-ду — «нету» (чеч.-инг. дика ду «хороший есть»), дац — «нет» (чеч.-инг. дац «нет»), цыцкаль — чурек из кукурузной муки (чеч.-инг. сискал — то же)⁴⁵, мало или совсем неупотребительные в настоящее время в терских диалектах.

Известно, что «терские казаки переняли у чеченцев и ингушей ряд национальных блюд: датыкадор — смесь творога с топленным маслом, пресный хлеб — пасту, лепешки с начинкой из сыра или овощей и другое»⁴⁶. Слово датыкадор заимствовано несомненно из ингушского дайттакюдар сложного слова, состоящего из дайтта «масло» и кюдар «творог с маслом, творожный сгусток», возводимого к осетинскому къаедор «творог», в чеченском языке этому слову соответствует кIаллдайтта «творог с маслом», состоящее аналогично из кIаллд «творог» и дайтта «масло».

Гребенское паста — «густо сваренная пшеничная каша, которую режут кусками и подают вместо хлеба к вареной рыбе», не отмечено ни в одном из известных словарей нахских языков и имеет своим источником, на наш взгляд, кабард. паста, адыг. пастэ «круто сваренная пшеничная каша», которая также использовалась вместо хлеба.

У гребенских казаков для обмолота хлеба применялась балба, заимствованная у горцев.

По мнению А. А. Селимова, «наличие слова балба только в терских говорах наводит на мысль, что оно могло проникнуть в исследуемый говор из одного какого-либо языка местных народов, в котором это слово представлено в следующем виде: кумык. балбу, ногай. малмы, чеч. балба, аварск. лулби (мн. ч.), лоден (ед. ч.). В некоторых аварских диалектах это слово встречается в виде булби (мн. ч.), болен (ед. ч.). Во всех перечисленных языках исследуемое слово имеет значение «молотильные доски». Данное слово в кумыкском и ногайском языках, на наш взгляд, является элементом кавказско-иберийской лексики. Русская форма балба, как мы полагаем, восходит к наиболее близкому к ней чеченскому слову. Однако не исключена возможность, что в усвоении александрийцами слова балба некоторое влияние оказал и кумыкский язык»⁴⁷.

Через посредство чеченского языка в терские говоры русского языка проникли и такие лексические элементы, как хабар «весть, известие, молва», юрт «село, аул», бухча «сумочка для мелких вещей», мачи «вид обуви», тукум «род, племя, порода», подробный этимологический анализ которых не входит в цели настоящей работы.

Именно употреблением тюркских языков в качестве основного средства общения между вайнахским населением и казаками в период до начала распространения русского языка на территории Чечено-Ингушетии и можно объяснить то незначительное, сравнительно, количество вайнахских лексических элементов, проникших в терские говоры русского языка в указанный период. Учет таких экстралингвистических факторов, как: 1) время переселения носителей говора. 2) характер переселения. 3) характер отношений с окружающим населением⁴⁸ — предполагает, казалось бы, в конкретных условиях взаимного действия русского и чеченского языков значительную интенсивность их взаимного влияния в исследуемый период. Как было показано выше, этого нельзя, однако, сказать в отношении нахских элементов терских говоров русского языка.

Трудно предполагать вхождение всех отмеченных заимствований из вайнахских языков в период после второй половины XIX века, так как против этого свидетельствует целый ряд фактов.

Во-первых, такие лексические элементы, как балба, пыцкаль, латыкадор, представляют собой наименования, освещенные в терских русских говорах в такой степени, что их иноязычное происхождение носителями говоров почти не ощущается, они, как и слово пильгиши, представляют собой наименование ранее неизвестных реалий и могли быть усвоены в начальный период непосредственных русско-чеченских контактов, владение каким-либо

пахским языком для их заимствования совсем не обязательно.

Во-вторых, известно, что не чужая, а родная речь двуязычных лиц оказывается смешиваемой, но сколько-нибудь убедительными свидетельствами о достаточно широком владении вайнахскими языками русским населением края в указанный период мы не располагаем, наоборот, все большее распространение приобретает язык русский.

Таким образом, именно отсутствием в дооктябрьский период соответствующего двустороннего двуязычия в силу использования местных тюркских языков, в основном кумыкского, в качестве основного средства общения между русским и чеченским (вайнахским) населением края объясняется, в принципе, относительная слабость непосредственного влияния, испытанного местными (терскими) русскими говорами со стороны чеченского языка.

Чрезвычайную немногочисленность документальных лингвистических свидетельств этого влияния можно объяснить характером известных дореволюционных публикаций по терским русским говорам — отсутствием специальных языковедческих исследований, в которых бы отражалось воздействие на них местных аборигенных языков — чеченского и ингушского. В советский период, как показывают наши наблюдения, имевшиеся, возможно, и в большем количестве в речевом обиходе заимствования из местных языков почти полностью исчезли, за исключением нескольких приведенных выше лексических элементов, известных только старшему поколению носителей говоров, — роль языка общения выполняет русский язык.

¹ См.: Льянова Ф. С. Характеристика влияния русского языка на развитие и обогащение словарного состава чеченского и ингушского языков (на материале лексических заимствований) — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 9, вып. 2. Грозный, 1970.

² См.: Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей, — Ж. «Советская этнография», 1961, № 1, с. 45; Мутенин И. Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область, — Известия Грозненского областного института и музея краеведения, выпуск 1, Грозный, 1948, с. 132. Гаджиев С. Ш. Кумыки, М., 1961, с. 54—55; Гриценко Н. П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, Грозный, 1975; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. П. Навекы вместе, Грозный, 1980.

³ См.: Садур В. Г. Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917 года. Национальная культура и общение (Материалы конференции), М., 1977, с. 65—68.

⁴ См.: Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов в XVII веке (Письмо 1657 г. из шибухского джамаата царю Алексею Михайловичу). — Ж. «Советская этнография», 1978, № 6.

⁵ См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1, XVI—XVII вв. Изд. АН СССР, М., 1957, с. 58—59, 98, 290.

⁶ См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 2, XVIII в. Изд. АН СССР, М., 1957, с. 8, 23, 32, 121, 123, 130, 161, 192; 201, 209; 248; 372.

- 7 Там же, с. 13.
- 8 Там же, с. 35, 332.
- 9 См.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Изд. восточной литературы, М., 1958, с. 60—70.
- 10 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 8, лист 70.
- 11 Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — Ж. «Советская этнография». № 1, с. 28.
- 12 Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — Ж. «Советская этнография». № 1, 1967, с. 27.
- 13 Бестужев-Марлинский А. А. — Полн. собр. соч., т. 2, ч. 6, изд. 4. СПб., 1847, с. 107.
- 14 Бестужев-Марлинский А. А. — Полн. собр. соч., т. 1, ч. 2, изд. 4. СПб., 1847, с. 114, примеч.
- 15 См.: Андроников Ираклий. Лермонтов. Новые разыскания. М., 1948, с. 145—148.
- 16 См.: Михайлов М. С. О занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским языком». — Тюркологический сборник. М.-Л., 1951, с. 134.
- 17 Лермонтов М. Ю. Полное собр. соч. в 4 тт., т. 4. М., 1953, с. 343.
- 18 Толстой Л. Н. Собр. соч., в 20 тт., т. 19. М., 1965, с. 75.
- 19 Там же, с. 525.
- 20 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 35, М., 1950, с. 644.
- 21 Анализ соответствующих фактов см.: Апрышко А. С., Гусейнов Г.-Р. А.-К. К вопросу о тюркских заимствованиях в русских народных говорах (на материале прикаспийских говоров ДАССР и нижнетерских станиц). — Некоторые вопросы грамматики. Грозный, 1975, с. 113—116.
- 22 Бестужев-Марлинский А. А. Избранные повести. Л., 1937, с. 201.
- 23 Караулов Н. А. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий. — СМОМПК, вып. 37. Тифлис, 1907, с. 103.
- 24 Караулов Н. А. Говор гребенских казаков. — Сб. отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 71, № 7. СПб., 1902, с. 46—47, 67.
- 25 Бенская Э. Я. Говор станицы Старый Щедри Грозненской области (фонетическая система и морфологический строй). Канд. дисс. Л., 1954, с. 244.
- 26 См.: Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.-Л. «Наука», 1965, с. 250.
- 27 Пожидаев В. П. Старинные терских казаков (Былевой эпохе) — СМОМПК, вып. 44. Тифлис, 1915, с. 162.
- 28 Агаджанов Ю. Г. К вопросу об исторических связях терского фольклора. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 5, вып. 3. Литературоведение Грозный, 1968, с. 120.
- 29 Песни гребенских казаков. Грозный, 1946, с. 61.
- 30 Агаджанов Ю. Г. Песни гребенских и суиженских казаков — «Песни Терска». Грозный, 1974, с. 37—38.
- 31 Агаджанов Ю. Г. К вопросу... с. 126.
- 32 Караулов Н. А. Указ. соч., с. 2.
- 33 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 тт., т. 2, М., 1958, с. 23.
- 34 Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 254—255.
- 35 ЦГА ЧИАССР. ф. 32, д. 954, лист 4 (данный документ любезно предоставлен нам В. И. Денискиным).
- 36 Полежаев А. Сочинения. М., 1955, с. 252.
- 37 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 35, с. 644.
- 38 Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, с. 152.
- 39 Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 30.
- 40 Там же, с. 31.

⁴¹ Цыпленкова Л. Х. Адыгейско-русские языковые контакты. Автореферат кандидатской диссертации М., 1965, с. 9.

⁴² Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев. — СМОМПК, вып. 37. Тифлис, 1907, с. 64.

⁴³ Пожидаев В. П. Указ. соч., с. 91.

⁴⁴ Востриков П. А. Станица Наурская Терской области — СМОМПК, вып. 33. Тифлис, 1904, с. 199.

⁴⁵ Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев, с. 79, 91.

⁴⁶ Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965, с. 37.

⁴⁷ Селимов А. А. Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР). АКД. Л., 1966, с. 14; там же, с. 9—10; замечание XIX—XX веков.

⁴⁸ См.: Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации. — Ж. «Вопросы языкознания», № 2, 1975, с. 23—24.

Б. Б. ГРАНОВСКИЙ

К ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

1 февраля 1852 года Лев Николаевич Толстой записал на Кавказе, в станице Старогладковской, слова двух чеченских народных песен. Эта дата стала вехой в истории чеченского фольклора, ярким примером русско-чеченских культурных связей: впервые в истории бесписьменного народа, каким в то время был чеченский народ, деятель русской культуры зафиксировал то, что сохранялось только в устной традиции.

Толстой выехал из Ясной Поляны на Кавказ в конце апреля 1851 года. В январе 1854 года он получил назначение отбыть в Севастополь в действующую армию. По дороге в Крым будущий писатель отметил в своем дневнике: «Я начинаю любить Кавказ хотя посмертною, но сильною любовью»¹.

Помимо чеченских, Толстой записывал на Кавказе и другие песни, особенно во время работы над повестью «Казачьи»; он слышал солдатские песни, когда служил офицером в осажденном в Крымскую войну Севастополе; по его поручению в станице Старогладковской записывали песни гребенских казаков; в 1880-е годы для него собирала народные песни его дочь Т. Л. Сухотина-Толстая. В литературе, посвященной Л. Н. Толстому, раскрываются народные истоки его творчества², подчеркивается глубокий интерес великого писателя к фольклору разных народов, и, в частности чеченского.

Скоро исполнится 130 лет с того знаменательного дня, когда были сделаны Л. Н. Толстым записи чеченских песен, и сейчас

нет почти ни одной работы о Толстом и Кавказе — от газетной статьи до академического исследования, где не рассказывалось бы вновь и вновь о том, как подружился Толстой в станице Старогладковской с Садо Мисербиевым, Балтой Исаевым и другими чеченцами, как записал он от Садо песню «Я сама бы себя убила» («Су санна техна лирьера»), от Балты — песню «Ах, тяжело мне, родимая матушка» («Алалу вададай шилока шамна баба вай анни»), как стали оба чеченца его кунаками.

Можно было бы привести длинный перечень источников на русском и других языках, где говорится о непреходящем значении этих записей, начиная со статей профессора Н. Ф. Яковлева, опубликованных в 1927 году, где дается научное описание и анализ записей Толстого, охарактеризованных ученым как «первый по времени письменный памятник чеченского языка», «первый опыт записи чеченского фольклора на местном языке», «удивительную в тогдашних условиях точность записи»³, до вышедшего в 1978 году сборника «Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия», где записи Толстого упоминаются несколько раз и разбираются отдельно в статье А. Мальсагова «Образцы народной поэзии чеченцев и ингушей в творчестве Л. Толстого»⁴.

Из этих и других источников мы узнаем, что текст песен Толстой записал на чеченском языке буквами русского алфавита, что он дал их русский перевод, сделанный со слов певших эти песни чеченцев и частью им исправленный, что он проявил поразительное чутье при передаче непосредственного акустического впечатления чеченской речи, что при записи чеченских текстов русскими буквами снабдил их особыми дополнительными знаками по-чеченски при отсутствии чеченского алфавита⁵.

Мы узнаем также о том, что дружба Толстого с Садо Мисербиевым началась сразу после приезда Толстого на Кавказ, что записанная им от Балты Исаева драматическая история семейства Джеми была использована в рассказе «Набег», что личная храбрость и находчивость Мисербиева спасли однажды Толстому жизнь⁶.

Наше впечатление от чеченских записей Толстого усиливается, когда мы знакомимся с ними в рукописи, или, например, с отлично выполненным в размере подлинника факсимиле автографа записей в витрине одного из залов Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

Мы видим, что автограф Толстого — страница из дневника с песнями на чеченском языке и в русском переводе (с исправлениями, вписками, зачеркиваниями и так далее) находится рядом с рисунками, сделанными карандашом с натуры на Кавказе в год, когда были записаны песни, то есть в 1852 году.

Здесь же — слова песни на русском языке «Эй, Марьяна,

брось работу, слышишь, палят за горой. Верно наши из похода казаки идут домой», по соседству — искусно выполненные в бронзе небольшие скульптурные работы «Горец на лошади» и «Прощание казака с казачкой» Е. А. Лансере.

Висит на ковре шашка, подаренная Толстому Садо Мисербиным. На стенах развешаны литографии «Аул Гергебиль» и «Копвой в кизлярской степи» Г. Г. Гагарина, картины К. А. Фялиппова «Кавказ, горный пейзаж» и П. Н. Грузинского «Кавказские типы». Стоят в шкафу книги, которые Толстой читал на Кавказе.

И, наконец, мы видим бесценные реликвии: дагерротип, на котором запечатлен Толстой вместе с братом Николаем перед отъездом на Кавказ, и фотографию Толстого 1854 года в офицерской форме, с накиннутой на плечи шинелью, когда он расстался с Кавказом.

Добавим к этому отсутствующий в экспозиции зала известный рисунок Г. Г. Гагарина, на котором изображен Садо Мисербиев в 1850-х годах и, кажется, что мы как бы видим живого Толстого и его друзей-чеченцев, слышим их русскую и чеченскую речь...⁷

Л. Н. Толстой не только владел пером гениального художника слова, он был еще чутким музыкантом. Достаточно познакомиться с главой «Музыка в жизни моего отца» в книге «Очерки былого» старшего сына Л. Н. Толстого С. Л. Толстого⁸ или с таким обобщающим библиографическим трудом, как «Лев Толстой и музыка»⁹, чтобы найти этому подтверждение.

Напомним еще одну гибель чеченцев из кавказской повести Толстого «Казаки»: «Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздалась странная звуки заунывной песни, похожие на Ай-да-лай (...), чеченцы (...) запели предсмертную песню (...) тишина нарушалась только заунывною песнью абреков», или из другой повести на кавказский сюжет — «Хаджи-Мурат», где Ханефи, названный брат Хаджи-Мурата «знал много гореских песен и хорошо пел их» и «одна из них, поражавшая своим торжественно-грустным напевом, особенно нравилась Хаджи-Мурату», или сон Хаджи-Мурата, когда он «со своими молодцами, с песнью и криком «Хаджи-Мурат идет», — летит на Шамиля», или, как он «страстно завидовал (...) тем людям, которые, пользуясь воздухом, светом, свободой, гарцевали теперь на лихих конях повелителя, стреляли и дружно пели...»¹⁰

Толстой очень любил музыку, в его доме она звучала постоянно. Многие выдающиеся исполнители считали за честь выступить перед Толстым и его семьей. Писатель сам с увлечением играл на фортепиано, особенно любил музицировать в четыре

руки, и даже сочинял сам небольшие музыкальные произведения (известен его «Вальс» для фортепиано).

Толстой несомненно обладал достаточной музыкальной подготовкой для того, чтобы записать не только слова, но и ноты слышанных им чеченских и других народных песен. К сожалению, этого не произошло, несмотря на то, что, как справедливо пишет У. Б. Далгат, «Толстой, будучи на Кавказе, должно быть, неоднократно слышал исполнение горских народных песен и обращал внимание не только на их смысловую, но и музыкальную стороны»¹¹.

Являясь писателем, художником, Толстой не оставил также ничего из того, что называется этнографическим описанием песен с научной стороны: при каких условиях пелись песни, характерная манера и особенности их исполнения, музыкальное сопровождение и так далее. Но Толстой сделал *первые записи текстов (слов)* чеченских народных песен, и в этом его историческая заслуга — в становлении и развитии русско-чеченских фольклорных связей.

Этнографические и музыкальные стороны чеченского фольклора привлекли внимание другого уроженца России, который, как и Толстой, был в рядах русской армии на Кавказе. Мы уже говорили о том, что записи чеченских песен были сделаны Толстым в 1852 году, в феврале. А за пять лет до этого, в 1847 году, в ауле Оспан-юрт находился в плену русский офицер, штабс-капитан Иван Андреевич Клиггер. Краткие сведения об ауле мы находим в книге А. П. Берже (руководителя дел кавказского отдела Русского географического общества) «Чечня и чеченцы».

Упомянув, что река Хулхулау «прорезает Чечню с юга на север», автор приводит подробный список «существовавшим и ныне существующим чеченским аулам по течению рек». Наряду с другими аулами, об ауле Оспан-юрт он дает следующие сведения по принятым им рубрикам: 1. Название рек с находившимися и находящимися на них укреплениями и аулами: «**На Большой Чечне. Река Мичик. Оспан-юрт** (переселен в новый аул Курчалой)» (Сведения А. П. Берже относятся ко второй половине 50-х годов прошлого столетия. И. А. Клиггер в своих «Записках» (о них см. ниже) говорит, что в 1840-х годах аул Оспан-юрт находился в трех верстах от аула Гельдинген. — Б. Г.). «**Число дымов** (т. е. больших патриархальных семей. Указано И. Мунаевым.—Б. Г.): «30». **Примечание** (А. П. Берже.—Б. Г.): «**Местопребывание наиба Тарама**»¹².

В ауле Оспан-юрт Клиггер провел два с половиной года. Он оставил воспоминания, которые были напечатаны впервые в газете «Кавказ» в 1856 году и перепечатаны в журнале «Русский архив» за 1869 год. Воспоминания Клиггера за их достоверность

и научную значимость упоминаются в литературе часто, вплоть до наших дней. Широкий читатель, к сожалению, не знаком с ними с тех пор, как они были напечатаны в последний раз. Между тем, воспоминания И. А. Клингера даже в кратком изложении дают возможность познакомиться с жизнью, бытом и нравами чеченцев его времени, осветить вопрос такой же важности в истории фольклора, как и первые записи слов чеченских народных песен, а именно — обнаружение одних из первых записей мелодий чеченских песен.

«По случаю распространившейся в 1847 году сильной холеры, — начинает свои воспоминания Клингер, — командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории¹³ 12-го июля командировал меня до города Кизляра и обратно в Ставрополь, с целью убедиться лично: исполняются ли в станицах, городах и селениях предварительно сообщенные предохранительные меры, делавшиеся способствовать к возможному ослаблению и прекращению развития болезни и собрать сведения о заболевших, умерших и выздоровевших¹⁴. В пути Клингер заболел и некоторое время находился в станице Щедринской.

После выздоровления он отправился 24 июля в Кизляр. Выехав из станицы Старогладковской, на полдороге к Альбецкому мосту, он вынужден был остановиться, так как у его повозки сломалось колесо. Клингер не заметил, что в двух шагах от него оказались чеченцы, около 18 человек, которые окружили его и, как пленника, отвезли в лес по дороге, ведущей к аулу Илсхан-юрт.

Миновав этот аул, 25 июля, в 11 часов утра, путники прибыли в аул Оспан-юрт, где всем распорядился наиб — старшина аула Тарам, под началом которого было более пяти сотен вооруженных горцев.

Дорога измучила Клингера настолько, что последние несколько верст его несли на руках, но и в таком состоянии он обнаружил этнографическую наблюдательность. Например, чеченцы, окружавшие его, были с ружьями, кинжалами и тулуками. «Тулук, — поясняет Клингер, — то же, что и бурдюк; это цельная шкура, преимущественно козла. Все отверстия ее крепко завязываются, кроме одного, через которое его надувают и также завязывают. Шерсть остается внутри».

Заметил также Клингер, что на всем пути следования от Канчкалыка («подшвы Канчкалыковского (Канчалыкского) хребта», — уточняет Клингер) до Оспан-юрта, сопровождавшие его чеченцы пели мелодию «обычной, единственной у мюридов песни «Ла иль ляга иль алла».

Клингера поместили в саклю и назначили выкуп — сумму,

которую должны были внести родные, чтобы его отпустили на волю.

«Рассказ офицера» И. А. Клингера отличается строгой документальностью и фактологической точностью. Лишь некоторые эпизоды у Клингера слегка беллетризованы, как, например, сны с воспоминаниями о днях, проведенных до плена на родине, и описание его страстного желания вырваться на свободу. Интересны нарисованные Клингером портреты: его «хозяина» «моего ментора», — иронически замечает Клингер, — злого, честолюбивого, корыстолюбивого, жестокого Тарама, и брата Тарама Заура — спокойного, серьезного, доброй души, уважаемого в ауле человека, который, как пишет Клингер, «дружелюбно смотрел на русских и жалел о чеченцах». При этом, Тарам был богатым, а Заур — бедным; Тарам был женат и имел пятерых детей, Заур — вдов и одинок; Тарам был предан Шамилю и был глубоко религиозным, Заур относится к исполнению «мусульманских требований» только по обязанности. Среди «действующих лиц» в воспоминаниях есть еще мальчик, услуживавший Клингеру, и жена Тарама Сата, сочувствующая русскому офицеру.

Воспоминания Клингера изложены в хронологическом порядке, и отдельные, наиболее важные даты выделены в его записках курсивом. Это дает возможность восстановить хронологическую канву времени, которое Клингер провел в плену в ауле Оспан-юрт. 1847 год: август — Тарам назначает выкуп за Клингера; октябрь — Тарам, его брат Заур и их спутники отправляются в крепость Грозную, чтобы договориться об условиях выкупа, но сбиваются с пути, попадают под огонь казаков и частично в плен; декабрь — Клингер передает записку русскому генералу Р. К. Фрейтагу с просьбой обменять его на взятых в плен чеченцев, и ответная записка Фрейтага с указанием ждать подходящего момента для обмена. 1848 год: май-июнь — присоединение к Клингеру еще двух пленных: солдата карантинной стражи аула Амир-Аджи-юрт Ткачева и брагунского (из деревни Брагуны) жителя Ильяса; сентябрь — бегство Ильяса и обмен Ткачева. 1849 год: март-апрель — болезнь Клингера. 1850 год: 1-го января — освобождение (обмен) Клингера.

Добавим к этому, что, рассказывая свою одиссею, Клингер обращает пристальное внимание на обычаи и привычки чеченцев, говорит об их одежде, утвари, отмечает особенности окружающей его в ауле природы. «Чеченцы, — пишет Клингер, — от лихорадки принимают горсть мелкой соли, распушенной в воде, и потом ходят до изнурения: на меня надели штаны войлочные оббитые козлом; мне дан был тулуп, по с короткими рукавами, какой носят женщины; Ткачеву дали папаху, рубашку и поршни (мачишь) из сыромятной кожи; (...) сильный, порывистый, еще

с утра душивший западный ветер, от которого полноводный Терек прорвал близ Кизляра плотину, нес тучи пыли и песку» и так далее.

Но особая ценность «Рассказа» Клиндера в том исключительном интересе, который представляет вторая половина его записок, к сожалению, не нашедшая до сих пор должного освещения в нашей литературе¹⁶.

В начале, в примечании к воспоминаниям, Клиндер дает их топографию, отмечая, что «все описанное здесь относится к Чечне, граничащей: к северу реками Аргуном и Сунжею; к востоку Качкальковским хребтом; к югу хребтом от Маиртупа до Воздвиженского, и к западу рекой Аргуном»¹⁶. Затем следуют сами воспоминания, которые по насыщенности фактами, точности аргументирования, при простоте литературного изложения имеют характер научного этнографического описания, сохранившего для нас то, что исчезло с течением времени и сейчас является неповторимым.

Об этом говорят рубрики (подзаголовки) записок Клиндера: внутренний распорядок в Чечне, ее быт общественный и частный; характер и нравы чеченцев, полевые и домашние работы; пища; похороны и оплакивание; промышленность; торговля; и так далее. При этом, каждый из таких небольших разделов имеет примечания, в которые Клиндером вынесены либо дополнительные фактические сведения, либо сведения, содержащие основные выводы из того, о чем говорилось в самом разделе.

Написано все это доступным языком, хорошо читается, что видно по первым строчкам записок Клиндера: «Простым глазом из аула Оспан-юрта (до 70 дворов, на р. Холхол), по направлению к управлению Куринскому и Маиртупу, видна широкая поляна; севернее ее мелкий орешник, южнее, по высотам от Маиртупа до Воздвиженского, густой дремучий лес. Лесистый Качкальковский (Качкалькский) хребет имеет местами, со стороны Чечни, обширные поляны, переходящие от подошвы за перевал (...) Вследствие ощутимого недостатка земли, каждый засеивает (пшеницу только немногие, более кукурузу и просо) большей частью столько, сколько достаточно на годовое пропитание. Сена едва накашивают в количестве, необходимом для прокормления на одну зиму скотины, которую горцы вообще бедны. Крайность же в средствах жизни повсеместная».

Приведенное примечание показывает тонкую наблюдательность, хорошее знание уклада и быта чеченцев, что особенно важно при характеристике чеченского народного творчества, прежде всего музыкального, которое дает в своих записках И. А. Клиндер.

Выше уже приводился отрывок из воспоминаний Клиндера,

передающий частично его впечатления от пения чеченцев. Возможно было бы к этому добавить его наблюдение над тем, как поют чеченские дети, отбивая такт песни в медные тазы, и ряд других, ценных для музыкального этнографа наблюдений. Однако важно подчеркнуть, что Клингер не ограничивался только наблюдениями над отдельными событиями или над отдельными лицами (например, при описании внешности Шамиля), а нарисовал живые картины народной жизни и народного искусства, которые составляли для него единое целое.

Он дал описание чеченского фольклора не только песенного, инструментального и танцевального, но также, что особенно важно, сопровождавшихся музыкой чеченских обрядов и обычаев, всего того, что может быть названо народным музыкальным бытом. Клингер не отделяет музыку от самой жизни, отмечает во всем слышанном и виденном им в чеченском ауле специфику, неповторимые национальные черты, которые могли быть восприняты непосредственно только живым свидетелем и очевидцем, наделенным тонким чувством проникновения в жизнь другого народа.

Добавим к этому, что, как видно из воспоминаний, Клингер обладал, по-видимому, способностями к быстрому усвоению чужого языка: сначала он различал отдельные чеченские слова, потом фразы, а к концу плена не только понимал по-чеченски, но даже мог говорить на этом языке.

«Песни, игра на балалайке (пандуре). — свидетельствует Клингер, — пляски, табак, водка, буза, сношение с мирными, как подозрительные по настоящему положению народа, ведущего священную войну (газават), строго запрещены. Это при всеобщей нужде способствует суровости нравов и религиозному настроению. Однако многие из чеченцев играют, курят тайком и посещают мирных скрытно один от другого».

О своем впечатлении от игры на чеченском национальном инструменте пандуре (дедик-пандуре) Клингер ничего не говорит, а вот об обрядовых песнях и плясках мы получаем яркие, запоминающиеся сведения: «Когда хозяин дома собирается в поход, жена готовит лепешки или варит пшеничную кашу на молоке с маслом, сзывает ближайших родственников и угощает. При этом случае девушки, от 8- до 14-летнего возраста собираются в особую саклю и, расположившись на полу, поют заунывным тоном; «Ля-иль ляга-иль-алла», сначала протяжно, потом чаще. Не понимая иногда смысла этой фразы, но в полном убеждении, что просят бога о счастливом возвращении родных из похода, они до того увлекаются, что в общем, непрерывном, громком пении погружаются в совершенное самозабвение...»

Продолжая знакомство с «Записками» Клингера, мы узнаем,

что, когда у чеченцев за месячным постом следовал праздник байрам, то накануне байрама у мечети резали быка или корову для раздачи бедным (часть доставалась и пленным); «обреченную жертву» вели к мечети с песней. Свадебный поезд невесты в дом жениха сопровождают мужчины на лошадях. Верхом они скачут вокруг арбы, стреляя иногда и затягивая песню «Ля иль ляга иль алла». В доме жениха целый день мужчины и женщины пляшут лезгинку под удары медного таза, с прихлопыванием в ладоши или палкой о дерево. Пляска продолжается три дня («пляску эту, — отмечает Клиггер, — Шамиль, несмотря на все свое желание, не может искоренить»).

Чрезвычайно интересно то, как Клиггер рассказывает, что через аул Оспан-юрт ежегодно с сентября до апреля в его время (то есть в 1847, 1848 и 1849 годах) проходило до 400 нищих горцев из стариков, молодых мужчин, женщин и детей партиями от двух до 10 человек. Следовательно, наблюдения Клиггера ограничивались не только населением Оспан-юрта, а были гораздо шире и значительнее.

Нищие испрашивали подающие ударами в бубны с припевом текста из Корана. Некоторые занимались работать за дневное пропитание, без платы, и трудились по целым осенним ночам, порой развлекая себя звуками унылой песни.

Весной 1849 года Клиггер видел Шамиля. При объезде Чечни Шамиль заехал в аул Оспан-юрт, будучи окружен более чем 200 мюридами, которые пели протяжно, хором: «Ла-иль-ляга-иль алла. Я сагтар, а гаппар».

Песне в «Воспоминаниях» Клиггера посвящен отдельный раздел, озаглавленный им: «Народная песня и напев ее». Этот, важнейший для нас при исследовании материалов Клиггера о чеченской песне раздел, содержит его выводы и заключения.

«С распространением учения о мюридизме, — говорит Клиггер, — из Чечни изгнаны почти все песни, кроме священной из Корана «Ля-иль-ляга-иль-алла». Она поется тоном заунывным, но приятным, с некоторыми изменениями в модуляции. Содержание и мотив этой песни характеризуют положение народа, как бы внушая ему слепое исполнение религиозных правил (посты, молитвы, милостыни), преданность интересам своего общества (...) Упомянутая песня, обличающая сильное развитие религиозного направления и фанатическое настроение, поется: во время прохода партий через аулы и при возвращении их с добычей без потерь; в свадебном поезде; после намаза, когда парод отправляется к мечети с жертвой (накануне байрама), и дома, почти каждый день, в спокойном состоянии духа, в радости и печали».

Иначе, чем уникальными, сделанные в одной местности в течение нескольких лет наблюдения И. А. Клиггера непосредст-

венно среди народа над бытовавшим чеченских песен, их музыкой и музыкой народных плясок в то время, как слова песен записывал Л. Н. Толстой, не пазовешь.

Толстой, как и Клиnger, не записал полный текст песни «Ля-иль ляга-иль алла», наверное, потому, что его больше почти и не было. Религиозный диктат заставлял повторять без изменений одни и те же слова этого девиза мусульманских молитв (отсюда отмеченное и Толстым, и Клиngerом унылое однообразие песни). Но мелодия песни менялась и варьировалась, она была «свободной» и давала возможность развитию народному песнетворчеству.

Отметим, что Толстой не просто упоминал эту песню в своих кавказских повестях «Казачи» и «Хаджи-Мурат», а возвращался к ней несколько раз. В работах доктора филологических наук У. Б. Далгата дан глубокий анализ песни и раскрыто ее историческое значение. Оставляя в стороне, чтобы не быть скованным как исследователь, религиозный текст песни, У. Б. Далгат, опираясь на последние Л. Н. Толстого, показывает ее научную ценность и значимость.

Во введении к работе «Л. Н. Толстой и Дагестан», содержащей важное свидетельство автора о том, что «исследования всего рассматриваемого в книге материала производилось путем анализа толстовских черновых и канонических художественных текстов в плане сравнения их с фольклором, историей и этнографией Дагестана»¹⁷, У. Б. Далгат в третьей главе книги, озаглавленной «Анализ дагестанского фольклорного, лексического, этнографического материала, вошедшего в повесть «Хаджи-Мурат», приводит примеры использования песни Толстым в его произведении.

У. Б. Далгат делает следующий вывод: «Во всех перечисленных случаях у Толстого речь идет об одной и той же песне — «Ля иллах иль аллах», но исполняемой горцами в разные моменты — во-первых, во время какого-либо конного передвижения (в походе или во время джигитовки) и, во-вторых, перед смертью. Толстой хотя и упоминает одну и ту же песню — «Ля иллах иль аллах», но специально оттеняет и выделяет в своей повести приурочение этой песни к разным моментам. Толстой не случайно и не ошибочно упоминает «Ля иллах иль аллах» не как молитву, а как песню, при этом будучи твердо уверенным в том, что, кроме общераспространенного девиза мусульманских молитв — «Ля иллах иль аллах Мухамет Расуллулах» («нет бога, кроме Аллаха и Магомет его посланник»), среди горцев существовали и особенно широко были распространены во времена Шамиля духовные песни, называемые в народе газаватскими. С этими газаватскими песнями горцы шли в поход и на войну. Как правило,

песни эти сопровождалась молитвообразным, ставшим ритмическим припевом «Ля иллах иль аллах». Припев этот обычно исполнялся горцами в такт и под ритм движущихся коней и во время передвижения конников, благодаря своей ритмической напевности, вытесняя зачастую и самую песню, а едущие горцы то отрывисто, то протяжно пели свою «походную» песню «Ля иллах иль аллах»¹⁸.

После указанной уже работы У. Б. Далгат «Л. Н. Толстой и Дагестан», а также таких работ исследователя, как «Фольклор и литература народов Дагестана», М., 1962, «Героический эпос чеченцев и ингушей», М., 1972, и других, можно считать установленным светский характер песни «Ля иллах иль аллах», несмотря на имеющиеся в ней слова религиозного содержания¹⁹.

Что же касается музыкальной стороны, то различные напевы этой песни должны рассматриваться как мелодические варианты широко распространенной народной песни, в музыкальном отношении одной из основных, классических чеченских песен, с которой и начинается, возможно, история чеченского музыкального фольклора.

Однако утверждать это с основанием можно было бы лишь в том случае, если бы мы могли познакомиться с зафиксированной письменно музыкой чеченских песен, о которых говорят и Толстой, и Клиггер и, добавим, другие свидетели ее распространения в народе, но которые в ряде нотных записей не привели.

Отметим, что во многих просмотренных нами печатных источниках по истории Кавказа вообще, а истории чеченского народа в частности, нотных записей 1850-х годов обнаружить не удалось. Они оказались в рукописи, принадлежавшей И. А. Клиггеру. Но получили жизнь и стали первым письменным источником чеченского музыкального фольклора лишь после того, как были изучены основателем русского классического музыковедения и русской музыкальной фольклористики, известным писателем, критиком, ученым, философом, общественным деятелем — Владимиром Федоровичем Одоевским (1804—1869).

В 1963 году в газете «Грозненский рабочий» от 27 сентября была опубликована статья И. З. Пономаревой «Два с половиной года в плену», в которой сообщалось, что Чечено-Ингушский республиканский музей краеведения пополнился рукописью И. А. Клиггера с его воспоминаниями²⁰. В этой рукописи есть нотные записи чеченских песен, которые можно рассматривать как музыкальные иллюстрации к воспоминаниям.

Сведения об этих записях мы находим и в другом документе: в обнаруженном нами отдельном листе с пометами и примечаниями. Этот лист сохранился в архиве В. Ф. Одоевского²¹.

Документ представляет собой исписанный с двух сторон лист

потной бумаги (размером 24x30), который, судя по имеющемуся сгибу, долго хранился где-то сложенный пополам. Лист оформлен в архиве как отдельная единица хранения и никаких сопутствующих и других дополнительных сведений, говорящих о происхождении рукописи, не имеет.

Написан лист двумя почерками: рукой В. Ф. Одоевского и рукой И. А. Клингера, или рукой неустановленного лица (говорим так потому, что не обнаружили больше атрибутированных нотных записей, сделанных рукой И. А. Клингера). Поскольку лист несомненно принадлежал Клингеру, то в дальнейшем для удобства изложения, мы будем говорить о тексте этого документа, как написанном Клингером и Одоевским.

Нотный лист хорошо сохранился, за исключением третьей строки снизу, которая первоначально была другой — вытерто; в некоторых строчках видны следы прежних нот, частично поддающиеся восстановлению, новый нотный текст написан поверх них.

Текстологический анализ рукописи приводит к заключению, что перед нами фольклорный документ большой важности. Знакомясь с ним, мы как бы незримо присутствуем при том разговоре, который был между Клингером и Одоевским, во время изучения последним чеченских песен...

На листе записаны мелодии шести чеченских песен, из которых к пяти (кроме последней) дана подтекстовка. Песни (также кроме последней) имеют аккомпанемент, представляющий скорее опыт гармонизации. У всех песен есть обозначение темпа исполнения. Песни сопровождаются пометами Клингера и примечаниями Одоевского. Одоевским же дан «паспорт» рукописи: ее заглавие и атрибуция.

Судя по почерку Клингера, можно считать, что это не полевая запись, а скорее ее копия, которая была передана Клингером Одоевскому. Не вызывает сомнений, что примечания были сделаны Одоевским в присутствии Клингера. Более того, они могут рассматриваться как дополнение к тому, что мог устно сообщить Клингер, ссылаясь на свою рукопись. Возможно также, что, так как примечания Одоевского были сделаны до опубликования воспоминаний Клингера, впоследствии они вошли в печатный текст.

Примечания написаны скорописью; иногда из-за торопливого почерка нечетко выведены или недописаны до конца отдельные буквы. Все, что написано Одоевским «внутри» рукописи Клингера, явилось не только результатом беседы с Клингером, но и ответов Клингера на вопросы Одоевского, которые, возможно, были сделаны при знакомстве Одоевского с рукописью Клингера при проигрывании, или пропевании представленных Клингером мелодий чеченских песен.

Рукопись не датирована, по ее можно с уверенностью отнести к началу (или к середине) 1850-х годов, то есть после возвращения Клингера из плена. Есть основания считать, что первично написанные песни были сделаны раньше — с 1847 по 1850 год — времени пребывания Клингера в ауле Оспан-юрт. Они могли быть сделаны либо им самим, либо теми, кто одновременно с ним находился в плену. Возможно и другое, то, что записки были сделаны Клингером по памяти после освобождения из плена, скорее всего с 1850 по 1851 год.

Примечание Одоевского «Записки его (И. А. Клингера. — Б. Г.) рукописные» позволяет сделать этот вывод потому, что, как известно, «Записки» были впервые опубликованы в газете «Кавказ» в 1856 году, а Одоевский говорит о рукописи Клингера. В связи с тем, что примечания Одоевского по содержанию, а не текстуально совпадают с «Записками» Клингера, можно высказать еще одно предположение о том, что речь идет, быть может, о варианте «Записок», их продолжении, которые либо остаются неизвестными до сих пор, либо были утеряны.

Это может быть верным еще и потому, что, в примечании к первой песне со ссылкой на рукопись Клингера: «стр. 20», которая по содержанию и количеству букв (печатных знаков) страницы средней величины обычного во времена Клингера—Одоевского формата бумаги для письма должна относиться приблизительно к стр. 5-ой—6-ой записок Клингера. Песня же имеет сделанную рукой Одоевского помету «стр. 20», что превышает количество страниц рукописи Клингера «О Чечне», к которой может относиться указанная песня.

В начале рукописи, наверху первого листа Одоевским обозначено: «Чеченские напевы. Из записок шт(абе) (-) кап(итана) Клингера» и дается знак сноски к примечанию Одоевского внизу листа: «Клингер был в плену у чеченцев с 24-го июля 1847 года по 1-е янв(аря) 1850. Записки его рукописные» (подчеркнуто мной. — Б. Г.).

После этого идет напев, обозначенный № 1 и имеющий примечание Клингера «Повторяется несколько раз», и примечание Одоевского «№ 1 поется» (примечание зачеркнуто и продолжения не имеет. — Б. Г.)²² (ноти. пр. № 1).

Напев № 2 сопровождается примечанием Клингера «Поют взрослые после молитвы № 1-го (стр. 20) и забавляясь» и примечанием Одоевского, почти совпадающим текстуально с этим отрывком в «Записках» Клингера. «В Чечне девушки от 8 до 14 лет поют (№ 1-й протяжно(.) (№ 2 ускоряя), когда хозяин уезжает в поход... — Тоже поется, когда (неразборчиво.—Б. Г.) ведут скотину к мечети для раздачи бедным» (ноти. пр. № 2).

Ко второму напеву первоначально были сделаны примеча-

ния: Клиngerом — «Повторяется несколько раз, потом сначала № 2» (зачеркнуто, по-видимому, как ошибочное, нужно «№ 1»), Одоевский — «Повторяет(ся)» (слово недописано, зачеркнуто).

К исполнению 1-го и 2-го напева Одоевским сделано дополнительное примечание, касающееся 1-го напева: «№ 1 поют так же, когда провожают невесту. — Словом, № 1 употребляется в большей части случаев. Шамиль запретил петь что-либо, кроме: «Ля иль ляга, иль алла».

Словами этого мусульманского религиозного возгласа, написанного русскими буквами, подтекстованы первые два такта напевов под № 1, 2, 3 и частично № 5. Они относятся к напевам целиком. В конце подтекстовки каждого номера указано в скобках «и т (ак) д (алее)», что обозначает, что разные напевы исполнялись с одинаковым текстом, заключенным в возгласе.

Оба примечания к напеву № 3 сделаны Клиngerом. Первое примечание: «№ 3 после № 2-го», то есть исполняется после № 2-го и так далее. Второе примечание: «После нескольких повторений начинают № 3, а потом № 1» (ноти. пр. № 3).

Напев № 4 имеет примечание Клингера «Поют только дети». В подтекстовке нет религиозного возгласа, являющегося, по указанию Шамиля, единственным, каноническим текстом для напевов чеченских песен (см. примечание Одоевского к напевам № 1 — № 2) (ноти. пр. № 4).

«Поют Шамилевские мюриды (в тексте опечатка: «мюрады». — Б. Г.) во время поездки (т. е. поездки. — Б. Г.) Шамиля» — примечание Клингера к напеву № 5, имеющего помимо религиозного возгласа дополнительный текст, который, судя по изложению (см. в рукописи знаки —————, обозначающие «и так далее», повторялся с одинаковыми словами (ноти. пр. № 5).

Напев № 6 (без подтекстовки) имеет примечание Клингера «Напев полупагих горцев, работавших за насущный хлеб», дополненное в скобках словами Одоевского «при чистке кукурузы» (ноти. пр. № 6).

Анализ приведенных нотных записей чеченских песен показывает, что собиратель, возможно и не обладавший техникой нотного письма как профессиональный музыкант, стремился сохранить в записях музыкальные особенности и оттенки исполнения. Например, повторения в песне № 6 обозначены как «1-е», «2-е», то есть, это имеющее хождение в музыкальной практике определение репризы как «колено», а не профессиональное обозначение — «V.1», «V.2» («вольта 1», «вольта 2»). Встречаются описки, например, в песне под № 1 в первом такте последняя нота должна быть шестнадцатой, записана же она ошибочно как восьмая; есть описки и в аккомпанементах к песням.

Эти погрешности не могут заслонить важного обстоятель-

ства: и в записях песен, и в примечаниях к ним, и в исправлениях, добавлениях и так далее мы видим работу такого высокопрофессионального музыканта и фольклориста, каким был В. Ф. Одоевский.

Об имеющихся в каждой записи указаниях темпов исполнения песен уже говорилось. Укажем еще на наличие акцентов, составляющих одну из характерных особенностей ритмического строения кавказских напевов вообще, а чеченских в частности. Так, например, во 2-м и 3-м близком по характеру напевах акценты подчеркивают танцевальность этих мелодий.

Отметим в рукописи смену тональности и перемену размера, например, у 5-го напева — ля мажор и размер $3/4$, в отличие от всех остальных напевов, записанных в ля миноре и имеющих размер $2/4$. Аккомпанемент — сопровождение к каждому напеву, судя по фактуре, в основном фортепианной, может быть опытом обработки. В аккомпанементе к песне под номером 1 сохраняющийся неизменным остинатный бас может рассматриваться основой «разлада» такого инструмента, как пандур. Эскизы обработки можно отметить также в аккомпанементе к напеву под номером 6.

Обращают на себя внимание в номере 5 полные аккорды с «фанфарностью» в широком расположении, которые должны были, наверное, подчеркнуть значимость, торжественность момента въезда Шамиля и окружавших его спутников.

Примечания Клингера с уточнениями Одоевского дают возможность исполнять и в наши дни песни так, как они исполнялись около 130 лет тому назад, что важно для истории песни. № 1, например, исполнялся при сопровождении невесты к венцу и других ритуальных обрядах. Одоевский в своем примечании говорит также об употреблении этого напева и «в большей части случаев».

Остальные же напевы, несмотря на имеющийся и у них «обязательный текст», усиленно внедрявшийся постулатом Шамиля, оставались напевами чисто народными: «проводжая хозяина дома в поход»; «при раздаче скотины бедным»; «при работе за насущный хлеб, при чистке кукурузы», то есть, со всем тем, с чем были связаны жизнь и быт чеченцев.

Сохранение в записи Клингера с редакцией Одоевского мелодического образца чеченской песни (№ 1) следует признать особенно ценным, так как, подчеркиваем, напев этой песни в тогдашних условиях был напевом общим, «единственным».

Публикуемые в настоящем сборнике мелодии чеченских песен можно считать одним из первых, а, возможно, и первым опытом записи чеченского музыкального фольклора, представленного в окончательном виде при участии русского музыканта. Не ума-

ляя роли Клингера, мы говорим здесь о таком высокопрофессиональном музыканте, как В. Ф. Одоевский.

Поскольку роль Одоевского в сохранении, фиксации и исследовании чеченских песен в данном случае была очень велика, так как речь идет о закрепленных впервые письменно напевах чеченских песен 1850-х годов, необходимо в будущем при дальнейших исследованиях определить, какое место занимают эти записи в фольклорном наследии Одоевского и истоки его интереса к песнетворчеству чеченского народа.

В заключение укажем еще на одну не исследованную, очень важную часть наследия В. Ф. Одоевского — его музыкальные сочинения, как законченные, так и в набросках, а также музыкальные рукописи других лиц, в том числе и не установленных. На некоторых рукописях есть названия, или примечания и пометы Одоевского с указанием на то, какие народные музыкальные темы или напевы какого народа в них использованы («Анданте для русского квартета», «Подлинная русская тема», «Фантазия на финскую тему» и так далее).

Изучение музыкальных материалов Одоевского исследователями чеченского народного музыкального творчества при одновременном изучении всех рукописных, эпистолярных, иконографических, печатных и других материалов богатого наследия Одоевского и его окружения — вот путь к историческому освещению истоков русско-чеченских музыкальных связей.

Работы советских ученых, в частности из Чечено-Ингушетии, доказали, что началом русско-чеченских литературных фольклорных связей были 1850-е годы. Теперь можно считать, что эти годы были началом и русско-чеченских музыкальных фольклорных связей. Это еще одно свидетельство того, что в творчестве народа слова и музыка составляют единое неразрывное целое.

1 Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 47, с. 10. Запись от 9 июля 1854 г.

2 Зайденшнур Э. Е. «Народная песня и пословица в творчестве Л. Н. Толстого». Сб. статей и материалов «Лев Николаевич Толстой», М., 1951, и др. работы.

3 Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей (на чечен. яз. «Сердало», Грозный, 1927); Несколько слов о чеченской и ингушской песне (на ингуш. яз., «Сердало», Владикавказ, 1927). Примечания к «Дневнику» Л. Н. Толстого. Полн. собр. соч., т. 46, с. 367—370.

4 Толстой Л. Н. и Чечено-Ингушетия. Сб. статей. Грозный, 1978. Статью А. Мальсагова см. на с. 91—106.

5 Гусев Н. Н. См. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958 (В настоящей статье в дальнейшем употребляется сокращенно: Летопись Л. Н. Толстого). Виноградов Б. С. «Он (Л. Н. Толстой) здесь жил и творил», Сб. статей «Толстой Л. Н. и Чечено-Ингушетия», Грозный, 1978, и др.

6 Летопись Л. Н. Толстого, с. 68.

7 Исследователям знакомо это осязаемое чувство изучаемого ими материала «В музее осязаешь глазом платье, утварь былых времен, насыщаешься этой материальностью и вот уже испытываешь переживания ушедших, как свои собственные» (В. В. Нефедов. Творчеству — всю жизнь. Об индивидуальности писателя Минск, 1978, с. 29).

⁸ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975.

(Справочник). М., 1977.

¹⁰ Цитируется по Полному собр. соч. Л. Н. Толстого, М.—Л., 1928—1968.

¹¹ Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962, с. 174.

¹² Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1854, с. 30.

¹³ В 1847 году командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории был генерал Н. С. Завадовский. Здесь и далее примечания к «Запискам» И. А. Клингера автора статьи.

¹⁴ «Кавказ», 1856, 1 ноября, № 86.

¹⁵ В «Библиографическом указателе печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе» (СПб. 1901), составленное А. Гизетти, где под № 1239 значатся «Воспоминания» Клингера, допущена неточность. Гизетти под одним названием объединил разные, имеющие самостоятельные названия, воспоминания Клингера: «Клигер И. Рассказ офицера, бывшего в плену у чеченцев» и «Нечто о Чечне. Заметки о виденном, слышанном и узанном во время плена у чеченцев». Вторые воспоминания, не упомянутые Гизетти, являются продолжением первых. По содержанию их можно рассматривать как отдельное этнографическое исследование Клингера, особенно учитывая состояние литературы по этнографии Кавказа того времени.

¹⁶ «Кавказ», 1856, 9 декабря, № 97.

¹⁷ Далгат У. Б. Л. Н. Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960, с. 5.

¹⁸ Там же, с. 5.

¹⁹ У. Б. Далгат говорит о припеве песни: «Благодаря своей ритмической напевности этот припев зачастую заменял песню и как бы становился самостоятельной «походной» песней». Такой молитвообразный ритмический припев встречается в дагестанской обрядовой поэзии. Например, при обряде вызывания дождя голос из хора запеваает: «Ребенок плачет, у матери хлеба просят, птенцы поворачиваются к матери с открытыми ртами..., а хор в торжественно протяжном тоне повторяет припев: «Ля иллах иль аллах». Эту же песню горды пели в бою и перед смертью». (Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962, с. 176).

²⁰ Этот факт, а также то, что нотными записями Клингера пользовались при написании студенческих дипломных работ, при подготовке диссертации по музыке народов Северного Кавказа и так далее, сообщил мне чеченским фольклористом И. Б. Мунаевым, за что считаю своим долгом выразить ему благодарности. — Б. Г.

²¹ Краткое изложение содержания документа см.: Грановский Б. Б. Песни народов России в музыкальном собрании и трудах В. Ф. Одоевского. Опыт исследования (в книге «Типология и взаимосвязи народов СССР. Поэтика и стилистика», М., 1980).

²² Здесь и далее приводятся мелодии песен. Аккомпанемент представляет сопровождение с элементами частичной гармонизации.

№ 1 Модеган

10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20

№ 2 Allegro

10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20

№ 3 Allegro

10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20

№ 4 Andante

1-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20

№ 5 Allegro moderato

1. 10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20 2. Я-зи-пор Я-соп-кар

№ 6 Andante

1. 10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20 2. Я-зи-пор Я-соп-кар

и № 5 может исполняться на октаву ниже.-Б.Г.

К ВОПРОСУ О ЗАПИСЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧЕЧЕНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Связи русского народа с народами Северного Кавказа восходят к глубокой древности. Территория Северного Кавказа в прошлом играла важнейшую экономическую и политическую роль. Через нее лежал путь, связывающий Европу и Азию с Древним Востоком. Непосредственное соприкосновение разнородных культур приводит к тому, что люди быстро перенимают и осваивают новинки техники и культуры, создаваемые другими народами.

Русский народ очень давно интересовался жизнью, бытом и прошлым кавказских народов. В XIX веке этот интерес значительно расширяется. Известно, что с середины этого столетия прогрессивная русская интеллигенция проявляет особое внимание к устному народному творчеству горцев.

В области же изучения народной музыки в дореволюционный период было сделано крайне мало. Интерес к музыкальному творчеству чеченцев и ингушей носил случайный характер. Тем не менее, данные, которыми мы располагаем, убедительно доказывают гуманные демократические устремления передовых деятелей русской культуры XIX века, их стремление сблизить искусство с жизнью простых людей, населяющих окраины царской России, утвердить реалистический метод в отображении действительности.

Самый ранний образец записи и публикации чеченской народной песни относится уже к началу XIX века. С 1816 по 1818 годы в городе Астрахань издавался «Азиатский музыкальный журнал» Ивана Добровольского. Известны восемь номеров журнала, в которых были опубликованы песни народов Северного Кавказа и частично Средней Азии.

Чеченская песня в журнале Добровольского имеет характерные национальные черты музыкального народного творчества¹. Залигованные сильные доли на фоне звучащей квинты в партии сопровождения, триольные интонации, органичный пункт в басу подчеркивают танцевальный и в то же время окрашенный лирическим настроением характер мелодии. Восходящая вокальная линия уравновешивается ее нисходящим движением. Свообразие мелодии заключается и в характере небольшого мотива, который лежит в ее основе и развивается путем применения приемов варьирования и поступенно-нисходящего секвенцирования.

ПЕСНЯ ЗВЗЕНСКАЯ

Факт публикации чеченской песни представляет большой интерес с точки зрения взаимосвязи передовой русской культуры начала XIX века с музыкальным фольклором чеченцев, а с исторической точки зрения — как первый известный нам образец их песенного творчества.

Подлинные рукописи Ивана Клингера «Два с половиной года в плену у чеченцев 1847—1850 гг.» и «Нечто о Чечне» стали известны и общественности благодаря поисковой деятельности научного сотрудника Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения И. З. Пономаревой². Две рукописи объединены в один труд, который представляет большой интерес для специалистов различного профиля: историков, этнографов, искусствоведов, лингвистов, фольклористов.

Нет сомнения в том, что Иван Клингер являлся образованнейшим человеком своего времени. В рукописи автор предстает перед нами одаренным литератором, живописцем, музыковедом. Отмечая характерные черты быта чеченцев первой половины XIX века, Клингер рисует картины суровой непритязательной жизни горцев.

Талантливы акварели, сделанные рукой Клингера. Пристрастие автора к интерьерам вызвано желанием изобразить человека в его привычной среде, в его быту. Рисунки Клингера естественны, свободны, он хорошо чувствует и показывает то пространство, которое уже обжито людьми, здесь они живут, трудятся, на всем лежит отпечаток их деятельности.

За годы, проведенные на Кавказе, Клиндгер хорошо изучил чеченский язык. Это дало ему возможность лучше понять психологию горцев, основу их народного самосознания, которое проявлялось, в частности, в их искусстве. В своих песнях, инструментальных наигрышах чеченский народ всегда стремился к жизненной правде, к реалистическому пониманию действительности. Но реалистические устремления народного искусства во многих отношениях были ограниченными. Правдивое изображение действительности, народность и национальный язык существовали в песенно-инструментальном творчестве чеченского народа лишь в своих начальных проявлениях и поэтому еще не получили, да и не могли получить, законченного и определенного выражения. Правдивость в показе жизни проявлялась только в отдельных случаях и большей частью при изображении второстепенных, заурядных жизненных фактов. Мироззрение в основе своей продолжало оставаться в плену религиозных представлений о человеке и мире.

Борьба двух начал, религиозного и мирского, была одной из форм проявления классовой борьбы. За этими направлениями стояли основные классы своего времени: феодальная верхушка с примыкавшим к ней духовенством и крестьянство.

Несмотря на активное старание религиозных авторитетов искоренить музыку, являвшуюся неотъемлемой частью жизни народа, и в область обрядов внедряются живые народно-песенные интонации, вступая в своеобразную борьбу с культовым началом обрядовой музыки. В процессе этой борьбы общечеловеческим содержанием насыщались народные мелодии на религиозные тексты, озарявшиеся красотой и душевным теплом народных интонаций.

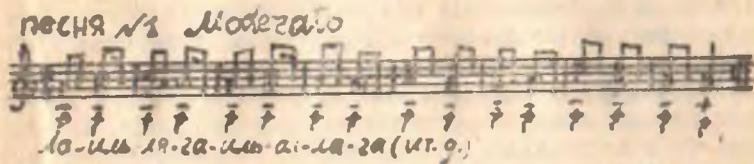
Общая тенденция развития национального искусства от религиозного к светскому, реалистическому, была своеобразным отражением крепнущих антифеодальных сил, направленных против феодально-религиозного блока.

Интереснейший раздел рукописи Клиндгера — записанные им образцы чеченских народных песен. Шесть песен, исполнявшихся народом в различных жизненных ситуациях: при проходе вооруженных отрядов через аул для участия в сражениях, при возвращении после боя, песни, исполнявшиеся во время трудовых работ...

Песни представляют собой яркий пример того, как типично религиозный речитатив «ла-иль-ля-га-иль-ал-ла-га» и т. д., относящийся к молитве, перестает играть роль религиозного напева и обретает характер мирского исполнения. Песни под номерами 1, 2, 3, 5 начинаются с приведенного выше речитатива, хотя каждая из песен имеет свое предназначение и определенную

последовательность в исполнении. Так, первые три песни исполняются поочередно друг за другом. Причем песне, обозначенной под номером 1, предшествует исполнение молитвы. Эта мысль вытекает из небольшой авторской аннотации ко 2-й песне: «Поют взрослые после молитвы и песни № 1».

В качестве песенной основы первой песни берется краткая мелодия, подвергающаяся распевному развитию. Мелодия звучит как лирическое излияние, не имеющее ничего общего с религиозным обрядом.

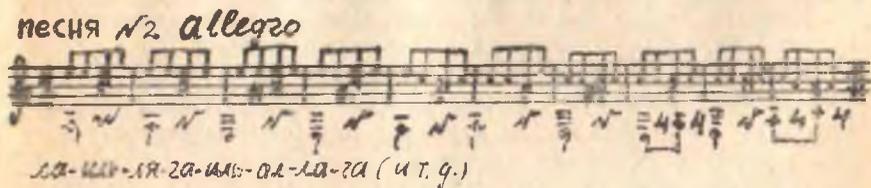

В песне используется прием «колебания» опорного звука ля; характерное для вокального и инструментального творчества чеченцев применение последовательности нисходящей кварты. Октавный скачок следует считать вполне сознательным приемом, подсказанным логикой голосоведения и развития музыкального образа.

Декламационная выразительность, простота и ясность мелодического очертания, четкость строфической формы, естественность ладового мышления, непосредственно связанная с интонационным своеобразием мелодии, — все эти черты составляют типичный образец народного песнетворчества.

В дальнейшем характер песен, темп исполнения меняется. Если первая песня дается в умеренном движении, то последующие две, объединенные Клингером как бы в единый цикл, исполняются быстро, в темпе аллегро. Метроритмическая структура остается неизменной. Во всех песнях, кроме песни № 5, определен двухчетвертной размер.

Достаточно напеть приведенную мелодию второй песни в быстром темпе, чтобы со всей отчетливостью ощутить ее песенно-танцевальный характер. Связь с бытовыми танцевальными

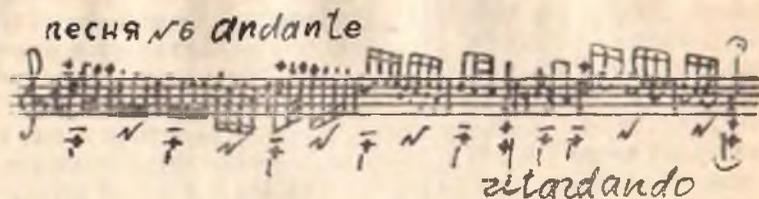

формами подчеркивается своеобразной ритмикой — выразительными акцентами на слабых долях.

В песне № 3 выдержана четкая, тонально-устойчивая диатоника. Следует отметить, что построения, воспринимаемые нашим слухом как кратковременные отклонения в субдоминантовую тональность, возникают в результате применения мажорного трезвучия на седьмой пониженной ступени лада. Мелодия получает своеобразное развитие, опиравшееся на многократное повторение каждого звука.

Песня № 4 исполняется детьми. Медленный темп, известная сдержанность музыкального языка, плавный рисунок мелодической линии позволяют отнести этот образец народного творчества к жанру прославляющих песен. Ощущается живое песенное начало, которое проявляется то в свободных взлетах мелодии, то в подвижных ее «распевах». Выразительные интонации придают лирическую певучесть мелодическому строю песни.

Торжественный характер явно проявляется в следующей песне № 5. В отличие от других записанных песен, метроритм данной песни определен тремя четвертями. Отличительной чертой песни № 5 является четкая, упругая ритмика, широкое движение интонаций, скачки на сексту, выдержанные половинные ноты в басах, выполняющие роль гармонического фундамента.

Песня № 6 дается в рукописи без словесного сопровождения. Это напев «полунагих горцев, работавших за насущный хлеб». Мелодический рисунок песни представляет типичный образец песенного творчества чеченского народа. Каждая фраза начинается с высокой протяжной ноты с последующим плавным спуском секундовых парных интонаций.

Клинггер тонко подмечает характерные интерпретационные черты. Так, он использует разные штрихи, парные лиги, объединяющие секундовые сочетания при движении мелодической линии вниз, и стаккато в конце каждой фразы. Как правило, в аналогичных песнях штрих стаккато как бы подчеркивает окончание фразы, разбивая линию на более мелкие построения с общим замедленным движением. Последней фразе предшест-

вует цезура, движение становится значительно сдержаннее, и завершающий звук берется на долгой фермате.

В напеве ощущается живое дыхание народной песенности, и именно в ней следует искать истоки интонационного строя этого образца народного творчества, его мелодической выразительности, естественности метrorитмической структуры. Но не использование тех или иных приемов народного песнетворчества, а прежде всего лежащая в основе его правдивость эмоционального высказывания определяет художественную ценность данного образа.

Мелодия лишена какой бы то ни было сентиментальности, но эпический характер ее приобретает скорбный оттенок благодаря типичному для чеченской народной песенности приему возвращения к одному и тому же звуку, в данном случае, к звуку «ля», настойчиво «опеваемому» на протяжении всего произведения.

Примечательны средства, с помощью которых достигается эмоциональное напряжение. Анализируя особенности интонационных образований, мы можем отметить выразительный входящий разбег к опорному звуку мелодии, применение своеобразных завершений в конце второго предложения, участвующих в «опевании» возвращающегося «ля», которое следует признать одним из основных приемов построения и развертывания мелодической линии в данном произведении. Нельзя не отметить образный строй этого напева, правдивость и глубину вложенного в него чувства.

Обладая известным слушательским опытом, приобретенным во время проживания на Кавказе, Клиндер достаточно точно воспроизводит мелодическую линию чеченских песен, их метrorитмическую структуру, определяет жанровую основу каждой из них.

Гармонические средства Клингера ограничиваются трезвучиями и их обращениями. Диссонансы возникают в качестве приготовленных задержаний и таким путем образуют септаккорды. Гармонические последовательности не имеют ничего общего с народной гармонией и являются лишь сопроводительным материалом к образцам народного песнетворчества.

Отдавая дань своему времени, автор рукописи пишет фортепианное сопровождение для приведенных выше песен. Причем песни с сопровождением идут вслед песням одностроичным.

Очевиден тот факт, что Клиндер, воспитанный на образцах европейского музыкального письма, стремится приспособить европейскую гармонию к песенно-инструментальному языку чеченцев. В основе предложенной гармонии Клингера лежит общепринятое европейское мажорно-минорное письмо, т. е. гармонии

терцового построения, а не национальные кварто-квинтовые и секундово-квинтовые созвучия, которые звучат как неразрешенные задержания терцового построения, но воспринимаются народом как устойчивые.

Недостаточное знание национальной гармонии не позволяет Клингеру дать истинные образцы чеченского песенно-инструментального фольклора в его фортепианном изложении. С другой стороны, выбор столь нетрадиционной для народной музыки гармонии можно объяснить и желанием автора модифицировать записанный материал чеченского музыкального фольклора через приближение его к слуховому восприятию русского общества.

Таким образом, значение ранних записей в том, что авторы публикаций ввели пародные мелодии Чечни в круг широкого культурного взаимодействия. В то же время записанные и Добровольским, и Клингером песни представляют собой одни из первых образцов музыкального фольклора чеченцев.

¹ Азиатский музыкальный журнал, № 7 под редакцией Ивана Добровольского, 1816 г.

² Пономарева И. З. Неизвестные страницы. Газета «Грозненский рабочий» от 27 сентября 1963 г.

Н. П. ГРИЦЕНКО

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ XIX ВЕКА СРЕДИ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

В условиях даризма и реакционной мусульманской идеологии лишь немногим передовым кавказцам удалось осуществить свою мечту о получении образования, приобщении к русской прогрессивной культуре, чтобы помочь своим народам избавиться от невежества и вывести их на широкую дорогу просвещения. Этому благородному делу отдали много усилий лучшие представители русского народа.

В данной статье затронуты лишь некоторые стороны этой широкой темы, которая требует основательного изучения.

Многие декабристы, сосланные на Кавказ — в эту «теплую Сибирь», были первыми просветителями среди горцев.

Одним из таких просветителей был декабрист А. А. Бестужев, печатавший свои произведения под вседнимом Марлинского. Из Сибири его отправили в Дербент, где он прожил с 1830 по 1834 год.

Дербент для Северного Кавказа являлся «татарскими» Афи-

нами. Здесь находилось много ученых и мыслителей того времени. Дербентское общество заботливо относилось к русским политическим ссыльным, в том числе и к Бестужеву-Марлинскому.

При помощи друзей-дербентцев он за короткий срок изучил азербайджанский и кумыкский языки, познал обычаи и нравы гостеприимных горцев, их героические предания и фольклор. Он полюбил кавказцев и призывал исследовать их жизненный уклад, обычаи. «Не сбросив с себя европейство у ворот Карантина, не закрутив мысли обаянием природы, не понимая языка песен, вы будете мертвец среди кипения жизни. Я не был им...»¹. Его знали во многих аулах и уважительно звали Искандер-беком.

В апреле 1834 года писатель навсегда покинул Дербент. По свидетельству современника «все городское население провожало его и верхом и пешком верст за двадцать от города, до самой реки Самур, стреляя по пути из ружей, пуская ракеты, зажигая факелы; музыканты били в бубны и играли на своих инструментах, другие пели, плясали... и вообще вся толпа старалась всячески выразить свое расположение к любимому своему Искандер-беку»².

За время пребывания в Дербенте Бестужев-Марлинский сблизился, а затем и подружился со многими просвещенными людьми, в том числе с юношей аварского аула Теиди-Магомедом Хандиевым. Среди сверстников он отличился глубокими познаниями. Возможно, ему и подсказал ссыльный декабрист изучать русский язык.

Зная арабский язык, Хандиев мог бы занять видное положение при Шамиле, но он не слишком усердно соблюдал обряды мусульманской религии, что сильно раздражало шамилевских мюридов. В стычке ему прострелили руку, которой он больше не владел. Позже он обморозил ноги, и пришлось ампутировать пальцы. Несмотря на то, что он стал инвалидом, Хандиев упорно занимался самообразованием.

В ауле Казаннице, жители которого были тесно связаны с Кизляром и казачьими станицами, М. Хандиев добыл русский букварь и хорошо изучил его. Он стал широко известен своей ученостью. В 1854 году его пригласили преподавать аварский язык в Новочеркасское отделение восточных языков. Он учил учеников и сам усердно изучал русский язык.

Большую помощь в своем самообразовании он получил от заведующего Отделением Крашенинникова, в котором, по словам П. К. Услара «нашел он доброго советчика и друга». «Железное трудолюбие Хандиева, — писал П. К. Услар, — восторжествовало над всеми препятствиями. По-русски выучился он го-

ворить и писать свободно и правильно, изучил русскую грамматику, составил для аварского языка азбуку, грамматику и хрестоматию»³.

С 1854 по 1859 год М. Хандиев прожил в Новочеркасске среди русских преподавателей, от которых многое заимствовал, где изучил классическую русскую и иностранную литературу. Во время кавикул М. Хандиев посетил аул Гидатль. Там его избрали в состав делегации горцев, которая отправилась в лагерь главнокомандующего князя Барятинского. «Появление между горцами человека в учительском мундире, в треугольной шляпе и с мирною шпагою, возбудило общее любопытство в нашем (русском. — Н. Г.) лагере»⁴.

Возвращаясь в Новочеркасск, М. Хандиев в пути сильно простудился, затем заболел туберкулезом. Но и тяжело больным Хандиев много работал, изучал французский язык. Он умер в нищете, оставив для своего народа неоценимое богатство: аварскую азбуку и грамматику, хрестоматию, в которой на аварский язык были переведены произведения русских классиков, особенно удачно была переведена сказка А. С. Пушкина о золотой рыбке.

Так, А. Бестужев-Марлинский, Крашенинников, П. К. Услар и другие просвещенные люди открыли широкий путь М. Хандиеву к знаниям, он же стал просветителем своего народа.

Одним из прогрессивных людей XIX века, посвятивших себя народному образованию, являлся Януарий Михайлович Неверов (1810—1893 гг.). Воспитанник Московского университета, он хорошо знал А. Н. Герцена, Н. П. Огарева, сочувствовал их революционной деятельности.

Я. М. Неверов первым вошел в кружок Н. В. Станкевича в конце 1831 — начале 1832 года. Затем к этому кружку присоединились В. Г. Белинский, К. Аксаков, В. Боткин, М. Бакунин и М. Катков. Общественная деятельность Неверова протекала в обстановке, когда, по определению В. И. Ленина «...все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом»...⁵

Будучи врагом крепостного права, Неверов считал, что только путем просветительной деятельности среди народа можно подготовить в стране отмену крепостного права. Делу просвещения, в том числе горцев, Неверов отдал значительную часть своей жизни. Один из его биографов писал: «Он был известен на Кавказе как опытный педагог. Все знали также, что он был из кружка деятелей сороковых годов — Грановского, Станкевича, Белинского и др., и были обрадованы назначением его на пост главного руководителя в деле воспитания подрастающего поколения на Кавказе...»⁶

Как показала его дальнейшая деятельность, Я. М. Неверов стал подлинным просветителем среди народов Кавказского края. В 1856 году его назначили директором Ставропольской губернской гимназии, являвшейся форпостом передовой русской культуры на Кавказе. В эту далекую провинциальную гимназию он перенес демократические традиции Московского университета.

Уже в 1849 г. в гимназии появились первые горцы. В 1854 г. из 94 воспитанников пансиона горцы составляли более 40%. Основная масса горцев-гимназистов содержалась за счет казны. Там обучались черкесы, карачаевцы, абазинцы, ногайцы, чеченцы, ингуши, кумыки, аварцы и др. Я. М. Неверов добился назначения 65 горских вакансий при этой гимназии⁷.

Забота Неверова о горцах-гимназистах была им известна. «Особую любовь, — говорится в одном из документов. — Неверов проявлял к ученикам горцам». Его методы воспитания ничего общего не имели с русификаторской политикой царского правительства на Кавказе, он старался дать горцам такое образование, которое помогло бы им быть полезными «не на воинственном, а преимущественно на мирном поприще, не выходя из своей сферы, т. е. не удаляясь от своих природных прав, обычаев, верований»⁸.

Прогрессивная педагогическая деятельность Я. М. Неверова и его единомышленников формировала основы демократического мировоззрения у будущих просветителей и общественных деятелей из числа горцев. На Кавказе, в Ставрополе читали «Современник», в гимназическую среду проникали идеи революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «Совокупность идей, пропагандировавшихся в гимназии, — пишет Л. Г. Голубева, — ...выражала определенную традицию прогрессивной русской культуры 50—60 гг. XIX века»⁹.

Дух вольнодумства, борьбы с существующим строем рано начал витать в стенах Ставропольской гимназии. Эту гимназию окончил Герман Лопатин, ученик Н. Г. Чернышевского. друг К. Маркса и Ф. Энгельса, переводчик «Капитала». Там же учились выдающийся революционер-народник М. Ф. Фроленко¹⁰, революционный демократ, основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров, революционер-большевик дагестанец Уллубий Буйнакский, ингуш А. Р. Долгиев. Из стен этой гимназии вышли многие горцы, ставшие на путь просвещения своих народов — кабардинец Кази Атажукин, ингуш Чах Ахриев, абазинец Адиль-Гирей Кешев — первый редактор областной газеты «Терские ведомости».

С 1850 по 1887 год в гимназии обучался 7191 ученик, в том числе 1739 горцев¹¹.

Дух волюнтаризма могла в какой-то степени поддерживать часть преподавателей, которые сами побывали в царских казематах. Значительную часть жизни посвятил просвещению кавказской молодежи Николай Гулак (1822—1899 гг.). Активный участник Кирилло-Мефодиевского общества, автор программ этого общества, цель которого была ликвидация крепостнических порядков и создания на демократической основе федерации славянских народов во главе с Украиной. Народы Кавказа в этой федерации должны были составить специальную Кавказскую область.

Он был близким другом члена этого общества Т. Г. Шевченко. В 1847 году многие члены общества были арестованы. С Гулаком и Шевченко, как принадлежащими к левому крылу общества и подлинными революционерами, царь расправился очень жестоко: народного поэта отправил солдатом в Оренбургские степи, а Гулака заточил на три года в Шлиссельбургскую крепость, затем в Петропавловский каземат. Много лет Гулак находился в Пермской ссылке, претерпел много других невзгод, но до конца своей жизни остался убежденным революционером.

В 1862 году он стал учителем Ставропольской гимназии и всю свою последующую жизнь посвятил просветительной деятельности на Кавказе. В Ставрополе уже не было Неверова (в 1861 году его перевели в Москву директором Лазаревского института восточных языков). Прямые нападки нового директора гимназии и губернатора вынудили Н. И. Гулака в 1863 году перейти в Кутаисскую гимназию.

В 1864 году Неверов возвращается на Кавказ и назначается главным инспектором учебных заведений. Он, по-видимому, знал, о тяжелой судьбе Н. И. Гулака и в 1867 году, став попечителем Кавказского учебного округа, перевел Николая Ивановича преподавателем математики в Первую Тифлисскую гимназию. Н. И. Гулак занимался также научной деятельностью, написал много трудов по математике, грузинской филологии, посвятил свои исследования великому грузинскому поэту Шота Руставели и его поэме «Витязь в тигровой шкуре», а также азербайджанскому поэту Низами Ганджеви и его поэтическому произведению «Искандер-Намэ». Исследования Н. И. Гулака являлись символом братской дружбы великого русского народа с народами Кавказа¹².

Можно предположить, что Я. М. Неверов во время своего пребывания на Кавказе покровительствовал Н. И. Гулаку и поддерживал с ним связи.

В Ставропольскую гимназию привлекались в качестве преподавателей и просвещенные люди из горцев. Европейски образованный адыг Умар Берсеев, в совершенстве знавший француз-

ский, турецкий, русский языки, в 50-х гг. XIX в. в указанной гимназии преподавал черкесский язык. Он составил первый букварь черкесского языка, изданный в Тифлисе в 1885 году. Зная быт и устное творчество адыгов, он на родном языке написал несколько басен социального характера. Берсеев интересовался историей Кавказа. В 1852 году, на годичном акте гимназии он сделал интересное сообщение на тему: «Характеристический очерк тюркского периода кавказской истории».

Используя свое служебное положение, Неверов добился увеличения числа мужских гимназий и прогимназий, а также открытия реальных и городских училищ, учительских институтов и семинарий. Первой в России была открыта Лабинская (Кубанская) учительская семинария, созданная по настоянию Неверова. В 1872 году по его же инициативе в Тифлисе был открыт Александровский учительский институт, где, наряду с другими, обучались горцы, в том числе и чеченец Т. Эльдарханов.

Я. М. Неверов был сторонником гласного обсуждения учебных программ и методов обучения, для чего созывались съезды учителей. На съезде учителей-историков в 1867 г. он доказывал «пользу изучения истории Кавказа и на этом съезде потребовал внесения в программы истории Кавказа попутно и в связи со всеобщей и русской историей. Это мнение его вполне разделяли лучшие кавказские педагоги по кавказоведению»¹³. В то время лучшими педагогами-кавказоведами и писателями-краеведами были Л. Загурский, В. Гогоберидзе, А. Стоянов и другие.

К сожалению, пожелание Я. М. Неверова, как об этом пишет современник, «получившее одобрение в выработанных тогда программах, после его отъезда было забыто. По воле реакционера М. Каткова, который, по выражению В. И. Ленинга, в 60-х гг. «повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»¹⁴, все прогрессивное подвергалось преследованию, а сам Катков стал символом оголтелой монархической реакции. Я. М. Неверов хорошо знал реакционную сущность Каткова и ненавидел его. Приверженцы Каткова делали свое черное дело и на Кавказе. Вскоре прекратились съезды учителей, внедрение в процессы обучения передовых методов преподавания в этом крае.

Я. М. Неверов в этих условиях продолжал заботиться об увеличении низших и средних учебных заведений, мечтал увеличить свою просветительную деятельность основанием на Кавказе первого университета.

Большое внимание он уделял распространению научных знаний среди горцев, которые, по его глубокому убеждению, должны повсеместно учиться в гимназиях и высших учебных заведениях. Я. М. Неверов убедительно доказывал необходимость научного

изучения горцами родного языка. Будучи руководителем народного образования на Кавказе, он придерживался того мнения, что «нет образования без возможно полного знания своего родного языка, как орудия мысли»¹⁵.

Я. М. Неверов был инициатором создания горских школ. По составу учебных предметов и по объему преподавания часть этих школ приближалась к типу уездных училищ, а часть — к первоначальным народным училищам. Однако в условиях колониальной политики русского самодержавия на Кавказе Неверову не удалось создать среди горцев широкой сети таких школ. Разновременно было создано только 5 таких школ: в крепости Грозной, Нальчике, Назрани, Сухуми и Майкопе. За 20 лет из этих школ было выпущено около пяти тысяч учащихся. Позже они были преобразованы в технические или сельскохозяйственные профессиональные учебные заведения.

В 1879 году Я. М. Неверов оставил пост попечителя Кавказского учебного округа, уехал в Россию, где через несколько лет и умер. Всю свою жизнь он прожил скромно, часть своего жалования и литературного гонорара Я. М. Неверов сберегал для добрых дел, помня заветы своего друга Станкевича: «счастье, достойное человека, может быть одно — самозабвение для других...» По завещанию он распределил накопленные им 54 тысячи рублей следующим образом: на строительство школьного здания по месту рождения его друга Н. В. Станкевича, на стипендию имени Т. Г. Грановского (по-видимому для бедных студентов московского университета. — *Н. Г.*), на увеличение ученического фонда Ставропольской гимназии, на стипендии Кубанской учительской семинарии, а также для основанного им «Владикавказского общества распространения образования среди горцев»¹⁶.

Можно смело сказать, что Я. М. Неверов выполнил свои мечты: он посвятил свою жизнь служению народу, став подлинным его просветителем.

Многие идеи и дела Я. М. Неверова как бы перекликаются с идеями и делами другого видного просветителя Петра Карловича Услара (1816—1875 гг.). П. К. Услар жил и работал на Кавказе в одно и то же время с Неверовым, и они, несомненно, знали друг друга.

Биограф П. К. Услара описал его внешний облик и его душевные качества. Он отмечал, что «до сих пор в нашем воображении живо рисуется облик высокого, статного мужчины; на его серьезном лице не было заметно ни тени спеси, высокомерия; напротив того, в нем проглядывало столько душевной теплоты, до того оно было симпатично, что невольно приковывало к себе глаза собеседника... Исполняя добросовестно свои служебные

обязанности, он чужд был искательства, лести, унижения, одним словом, всего того, что часто пролагает карьеру в чиновничьем мире... Он был чрезвычайно скромн. Когда в беседе заходила речь об его трудах, то он старался направить разговор на другой предмет»¹⁷.

П. К. Услар являлся крупнейшим знатоком истории и этнографии Кавказа. Одно его лишь произведение «Древнейшие сказания о Кавказе», говорит о нем, как о незаурядном историке. Этот труд содержит серьезный анализ использованных документов и других материалов, имевшихся в библиотеках России и соседних восточных стран. Он отверг всякого рода измышления, которые искажали подлинную историю народов Кавказа.

Он первым на основе тогдашней лингвистической науки блестяще разработал кавказское языкознание. «Составителей заметок о лингвистических трудах Услара, — пишет тот же биограф, — поражало то обстоятельство, что он, прослужив на военной службе почти 25 лет, принялся уже не в молодые годы за исследование необыкновенно трудных для изучения кавказско-горских наречий, резко отличающихся от всех, исследованных научным образом языков». В другом месте тот же биограф говорит: «Главную заслугу Услара составляют его капитальные образцовые труды, открывшие для науки новый лингвистический мир. Этими трудами может по справедливости гордиться Россия»¹⁸.

Для того чтобы правдиво изучить историю Кавказа, этнографию его народов, нужно было иметь честную душу и любовь к кавказцам. Этими высокими человеческими качествами отличался П. К. Услар. Среди реакционно настроенных царских чиновников повсеместно утверждалось мнение, что кавказские горцы обладали лишь отрицательными чертами. Передовые же люди, к числу которых относился и Услар, имели противоположные суждения. «На Кавказе, — писал П. К. Услар, — как всюду и всегда, масса народонаселения состоит из людей, дорожащих домашним кровом, домашнею мирною деятельностью. Не думаю, чтобы в настоящее время, — по крайней мере в Дагестане, — случаи грабежа повторялись чаще, чем, например, в Московской губернии»¹⁹. Эти слова были сказаны Усларом в 1870 году, когда на Кавказе усиливался колониальный режим российской самодержавия.

В результате напряженного и кропотливого труда и на основании большого фактического материала П. К. Услар написал фундаментальные исследования о языках народов Кавказа. Им были написаны грамматические очерки, сопровождавшиеся тек-

стами и словарями — абхазского, аварского, даргинского (хюркилинского), лакского, лезгинского (кюринского), табасарского и чеченского языков.

Для написания грамматических очерков он опирался на своих предшественников, а также современников — местных лингвистов. Большую помощь в изучении лакского языка и составлении лакской азбуки на основе русской графики оказал Абдулла Омаров. Уроженец селения Курли, А. Омаров получил первоначальное образование в Казикумхе, а позже в Казанище. Но такие люди, как Омаров, считали систему тогдашнего образования далеко не совершенной.

Основным для всех местных кавказских школ и учителей являлся арабский язык. «Но тлетворное влияние изучения этого языка, — говорил П. К. Услар, — отзывается в целой домашней жизни горцев, опутывает их от колыбели до могилы. Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, — где, по методу, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен»²⁰.

Под влиянием взглядов Неверова и Услара ингушский этнограф Чах Ахриев также выступал против религиозных школ, где зачастую воспитывают тупых фанатиков, а заученный там язык объединяет собою все враждебные прогрессу элементы в Дагестане²¹. Порочную систему такого обучения ощущал на себе и А. Омаров. Он упорно стремился получить светское образование, в совершенстве изучить русский язык и посредством его познать передовую русскую культуру.

А. Омаров впоследствии писал: «Меня давно интересовала русская грамота, и я имел сильное желание изучить ее. Один из учеников этой школы (Темир-Хан-Шуринский. — Н. Г.), учившийся в ней уже четыре года, приехал в то время домой, в Казанище, на каникулы. Ученик этот приходил часто в мечеть и брал у меня уроки арабского языка. Пользуясь этим случаем, я в свою очередь стал учиться у него русской грамоте, но так как у нас не было печатной азбуки, то я изучил письменные буквы и в скором времени мог уже разбирать четко написанные рукописи и даже начал сам писать по-русски. Тогда у меня явилось еще более сильное желание обучиться русскому языку. Но обнаружить кому-нибудь свое желание я пока не решался, так как даже за то, что начал писать везде, где только находил гладкое место, какие-нибудь слова или имена русскими буквами, и за то, что я осмелился принести в мечеть русскую пропись, все муталимы стали сильно упрекать меня, говоря, что я занимаюсь недобрым делом, что я не боюсь греха»²².

Впоследствии А. Омаров окончил Темир-Хан-Шуринское училище. Его окончил также известный фольклорист и этнограф Айдемир Черкеевский, с 1863 года помогавший П. К. Услару изучать аварский язык, составлять аварскую азбуку и грамматику аварского языка.

В Чечне в 1862 году при помощи Янгулбая Хасанова и Кади Досова Услар изучал чеченский язык и составил чеченскую грамматику, а Кади Досов, хорошо знавший русский язык, по совету Услара и под руководством Бартоломея написал и издал чеченский букварь.

В это время Услар записал на чеченском языке песню «О храбром Умахане» и анекдоты о «Мулле Насреддине». Позже он писал, что самое популярное лицо на Восточном Кавказе, начиная от Чечни и до Закавказья, — это Мулла.

В 1862 году по совету кавказоведа в Грозном была создана краткосрочная горская школа, для учеников которой готовился учебник по грамматике на чеченском языке. Но все эти азбуки и грамматики горских языков, по мысли Услара, не должны замыкаться только в узком кругу лингвистов-специалистов, а служить сугубо практическим целям — распространению грамотности среди горцев. В этом отношении он был единомышленником Я. М. Неверова. «Грамотность на родном языке, — писал П. К. Услар, — составляет первый шаг к просвещению, и этот первый шаг европейские ученики делают весьма легко, почти без всякого усилия — если только учитель не какой-нибудь Кутейкин с азами и буквами».

Он глубоко был убежден, что «туземная письменность не есть искусственная потребность, совершенно независимо от наших внушений и стараний, это осознали уже сами горцы или, по крайней мере, передовые люди из числа их»²³.

Он мечтал о создании широкой сети учебных заведений на Кавказе, но они «должны быть горские, а притом, горские по национальностям». П. К. Усларом была начертана обширная программа обучения горских детей, с подробным описанием содержания каждого предмета в подготовительном и основных учебных классах (русский и горский языки, арифметика, чистописание, беллетристика, история и география, естествознание, политическая экономия, современность).

Содержание его учебной программы и преподаваемых предметов представляет несомненный интерес для историков педагогики. Как никто другой, он понимал, что осуществление такой программы на практике и в масштабе региона «создает новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, чего не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги, ни почести»²⁴.

Но его прогрессивные предложения по просвещению горцев противоречили политике царизма, который стремился держать народные массы в темноте и невежестве. В 1913 году В. И. Ленин писал: «Четыре пятых молодого поколения осуждены на неграмотность крепостническим государственным устройством России... нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство»²⁵.

Замечательным просветителем на Кавказе был Николай Ильич Воронов (1832—1888 гг.). Он являлся не только просветителем в обычном понимании этого слова, но и деятелем демократического направления. О жизни и деятельности этого замечательного человека, о его детях, пошедших по ленинскому пути, вышла в свет интересная книга, основанная на большом и впервые используемом архивном материале²⁶.

Сын уездного учителя, Н. И. Воронов в 1853 году окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. С 1854 по 1856 год он преподавал в Ставропольской, позже Екатеринодарской (Кубанской войсковой) гимназиях. Он много путешествовал по Кубанскому и Ставропольскому краю, бывал на Тереке. Его интересовали жизнь и быт станиц, аулов, калмыцких стойбищ, история Кавказа. Уже тогда он воочию убедился, как тяжела жизнь горцев, казаков, особенно крепостных крестьян.

С 1856 года Н. И. Воронов начал писать обзоры о своих путешествиях и помещать их в «Самарских губернских ведомостях» и в либеральном «Одесском вестнике». Он внимательно следил за журналом «Современник», где печатались статьи Чернышевского и Добролюбова, установил непосредственные связи с редакциями издававшегося Герценом в Лондоне «Колокола» и петербургского журнала «Русское слово», с 1860 года принявшего демократическое направление. Летом 1861 года в двух номерах «Колокола» появились две небольшие статьи Н. И. Воронова, разоблачавшие колониальную политику самодержавия на Кавказе. В это время «Колокол» читали не только в Петербурге, Москве и других городах России, но и на Кавказе — в Ставрополе, Екатеринодаре, а возможно и в станицах.

В 1861 году петербургский и лондонский революционные центры приступили к созданию организации «Земля и воля». Ее идейными руководителями являлись Чернышевский и Добролюбов, Герцен и Огарев.

Среди членов «Земли и воли» был Г. Благодетлов — редактор журнала «Русское слово», на страницах которого печатались статьи Н. И. Воронова. Воронов познакомился, а затем и подружился с другими членами этой организации, хорошо знал М. Налбандяна — философа, литературного критика и активно-

го деятеля революционно-демократического движения того времени.

О революционной деятельности преподавателя войсковой гимназии узнали местные власти. Избегая ареста, Н. И. Воронов в конце 1861 года навсегда покидает Екатеринодар. Он побывал в родных Валках, Харькове, Москве, Петербурге и в других городах. В начале 1862 года член «Земли и воли» Г. Благовосветлов предложил Воронову поехать в Лондон, чтобы установить непосредственные связи с Герценом и Огаревым. В Лондоне, кроме других поручений, Воронову предложили возглавить организацию транспортировки герценовских изданий на Кавказ и в Закавказье. «Земля и воля» была разгромлена полицией, многие ее участники были арестованы, другие тайно переправились за границу. В сентябре 1862 года в Тифлисе Воронова арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. Прямых улик о связях его с Герценом и Огаревым и его революционной деятельности жандармы не установили, и в марте 1863 года Воронов оказался на свободе. Летом того же года Воронова ссылают в Тифлис под строжайший гласный надзор полиции.

Более двух лет Воронов находился в крайней материальной нужде и только в начале 1866 года был зачислен преподавателем Тифлисского женского училища. Он сблизился с передовыми людьми города — Л. Загурским, П. К. Усларом и другими, находился в близких отношениях с руководителями революционной демократии Ильей Григорьевичем Чавчавадзе и Николаем Яковлевичем Николадзе, который в 60-х гг. считал, что только революционным путем можно преобразовать общество.

Глубокие знания и широкий кругозор Н. И. Воронова вскоре стали известны и местному начальству. На него обратил внимание Д. С. Старосельский, возглавивший Горское управление. По его инициативе группа ученых и журналистов, куда вошли Воронов и Услар, собрала большой материал по истории, этнографии, об экономическом быте и поземельных отношениях кавказских горцев.

В 1867 году Н. И. Воронов вместе с крупным чиновником кавказской администрации отправился из Тбилиси в Дагестан. Там он увидел и узнал много нового, почти неизвестного широкому кругу читателей. «О некоторых из уголков Среднего Дагестана, — писал он, — почти ничего еще не было сказано в нашей литературе». Он внимательно интересовался жизнью, прошлым и настоящим дагестанцев, особенно положением народных масс. «Я имел возможность, — продолжал Н. И. Воронов, — прислушаться к опросам и показаниям многих горских джаатов, составить понятие об общем складе жизни дагестанцев и

собрать значительное количество данных, касающихся экономической стороны этой жизни»²⁷. Это была первая научная статья о Дагестане, написанная Н. И. Вороновым.

При поддержке Старосельского Воронов и Услар основали в Тифлисе два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о кавказских горцах». Редактором этих изданий стал Н. И. Воронов.

Н. И. Воронов прекрасно понимал, что статистика — общественная наука, от которой требуются точные данные о населении, промышленности, сельском хозяйстве, торговле и другом, чтобы иметь ясное представление, в каком направлении идет развитие страны или отдельно взятой области.

По-видимому, ему были знакомы работы его современников, купных статистиков России К. И. Арсеньева, Ю. Э. Янсона и др. Ю. Э. Янсон был крупным прогрессивным статистиком, на его работы ссылался К. Маркс в статье «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России»²⁸. Позже, в 1907 году, В. И. Ленин в статье «Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе» также ссылается на работы Ю. Э. Янсона²⁹. И если русские ученые-статистики разрабатывали важные проблемы современного состояния сельского хозяйства, положения крестьянства в пореформенное время, состоянии промышленности и торговли, то статистика Кавказского края, по мнению Н. И. Воронова, «еще находится в периоде младенчества: сведения собираются, но не очищаются критикой»³⁰.

В предисловии к первому сборнику статистических сведений о Кавказе он требовал точных материалов, поступающих с мест. «Без сомнения, — писал он, — статистика есть по преимуществу наука выводов, и страна, подобная Кавказу, могла бы представить много любопытных данных для статистических выводов».

В другом месте он говорил, что «Кавказский край по племennому разнообразию населения и по весьма различным климатическим и жизненным условиям, под влиянием которых оно находится, со временем предложит науке высокоинтересный материал для статистических исследований»³¹. Только путем глубокого знания социально-экономического положения края, заключал он, можно оказать действительную помощь кавказским горцам в развитии их производительных сил.

Но главной заботой Н. И. Воронова было редактирование «Сборников сведений о кавказских горцах». Более десяти лет он посвятил сбору статей и материалов и их публикации в десяти сборниках. В обширном предисловии, написанном в помещенном Н. И. Вороновым в первом выпуске «Сборника», изложена обширная программа, в рамках которой должны быть опубликованы статьи и материалы.

Так как эти сборники издавались официально от имени Кавказского Горского управления, редактор должен был сказать о «добрых намерениях» Кавказской администрации по отношению к горцам. Вместе с тем автор предисловия подчеркнул, что «Издание посвящается всестороннему исследованию быта населения, по численности своей почти миллионного, живущего при своеобразиях и разнородных условиях местности, и хотя обозначенного общим именем — горцев, однако весьма разнообразного и разноязычного»³².

Н. И. Воронов исходил из того, чтобы помещаемые в этих сборниках статьи имели не только познавательный интерес, но и практическое значение. «Горцы, — писал он, — волей-неволей перерождаются: из заклятых врагов наших они становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому же, как не нам, пойти на радушную встречу. Для них открывается новый строй понятий и житейских отношений; для них наступила пора знакомства с светлым и широким миром европейской жизни».

Мы, передовые русские люди, говорил он, должны приблизить горцев к себе, чтобы между ними и русскими всегда было согласие. «И если на стороне горцев, — продолжал он, — лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей — нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и с чем имеем мы дело, для того чтобы определить затем, как удобнее, легче и скорее помочь нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни и приобщить их света и простора (последние два слова так написаны в тексте. — Н. Г.), открытых для европейской семьи народов»³³.

За разрешением этой задачи Н. И. Воронов непосредственно и обратился к прогрессивным деятелям из среды самих горцев. Только беглый просмотр первых девяти сборников о кавказских горцах убеждает нас, что много статей было написано дагестанцами А. Омаровым, А. Черкеевским, Мугодином Магомед-Хановым, Гаджи-Али, М. Амировым и др. Дагестанскими и русскими учеными в девяти сборниках опубликовано до 30 статей по истории, этнографии Дагестана. Об Осетии и осетинах поместили более десяти статей Джантемир Шанаев, Гапур Шанаев, В. Гатиев, Инал Кануков и другие. Авторы многих статей подписывались инициалами, а то и одной заглавной буквой. О Кабарде, кабардинцах, карачаевцах опубликовано более 15 статей.

Имеются статьи о Чечне и Ингушетии. Чах Ахриев, ингуш по происхождению, получил среднее образование в Ставропольской гимназии, а высшее — в Нежинском лицее. Им опубликованы в сборниках четыре статьи: «Из чеченских сказаний»,

«Ингушские предания», «Ингуши (их предания, верования и поверья)» и др. В VI выпуске опубликовал свою большую статью «Чеченское племя» Умалат Лаудаев, чеченец по происхождению, окончивший Петербургский кадетский корпус, позже служивший офицером русской армии. В VIII выпуске помещена статья А. Базоркина «Горское паломничество».

Много статей относится к Закавказью. В этих сборниках печатали свои статьи Н. И. Воронов, А. В. Комаров, П. К. Услар, Н. Ф. Грабовский, Л. П. Загурский и многие другие. До сих пор эти сборники представляют большую ценность для наших исследователей.

Н. И. Воронов был активным деятелем Кавказского отдела Русского географического общества, основанного в 1851 году в Тифлисе. Кавказский отдел регулярно издавал журналы под названием «Записки Кавказского отдела Русского географического общества» и «Известия». В этих «Записках» Н. И. Воронов печатал научные статьи, обзоры и рецензии на вышедшие книги и статьи. Так, в 1866 году Н. И. Воронов напечатал большой обзор статей, помещенных в газете «Кавказ» за 1863—1865 гг.

В этом обзоре он обратил внимание читателей на трудовую деятельность горцев, на малознученные народы Кавказа и Северного Предкавказья. Рецензент подробно анализировал статьи, касавшиеся жизни ногайцев, караногайцев, калмыков, ведших в то время полукочевой образ жизни. Он уделил особое внимание серии статей В. Мевесова под общим названием «Путевые заметки о калмыках», опубликованных газетой «Кавказ» в 1865 г., в которых описана тяжелая и безотрадная жизнь этих кочевников³⁴.

Н. И. Воронов был и редактором отдельных выпусков Кавказского отдела. В 1875—1877 гг. под его редакцией вышло 5 выпусков четвертого тома «Известий Кавказского отдела Русского географического общества». В «Известиях» этого тома есть много статей о Северном Кавказе, и, в частности статья «Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области»³⁵.

Научные статьи, рецензии и другие публикации Н. И. Воронова были рассчитаны на широкий круг читателей, при помощи этих статей они могли бы глубже познать прошлое и настоящее своего края.

С января 1877 года и на протяжении более трех лет Н. И. Воронов возглавлял газету «Кавказ», пользовавшуюся большим спросом у населения Кавказского края. Революционно настроенный редактор газеты в специальных «Приложениях» к ней перепечатывал из центральных газет материалы о судебных

процессах над революционерами-народниками, хотя это грозило ему опасностью: местным газетам такая перепечатка строго запрещалась.

В конце 1879 г. над Вороновым нависла угроза ареста и ссылки. В мае 1880 г. у него произошло кровоизлияние в мозг и последовал паралич ног. В 1882 году жена Воронова перевезла своего больного мужа из Тифлиса в их небольшое имение «Ясочка», недалеко от Сухуми, где 31 декабря 1888 года он скончался. Позже, когда его дети приобщились к революционной деятельности, в «Ясочках» хранилась большевистская литература, там находили себе пристанище и отдых большевики-подпольщики.

Русские просветители самоотверженно сеяли добрые семена дружбы между великим русским народом и кавказскими горцами. Дети и внуки горцев были свидетелями и участниками первой русской революции, позже вместе с русским и другими народами нашей страны свергли самодержавие, с восторгом восприняли Великую Октябрьскую революцию, в период гражданской войны разгромили белогвардейцев и интервентов и вместе с братскими народами Советского Союза построили социализм.

¹ Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963, с. 194.

² Попов А. В. Указ. соч., с. 74.

³ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3, Тифлис, 1870, с. 20.

⁴ Услар П. К. Указ. соч., с. 20.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 2, с. 519.

⁶ Кавказский сборник, № 5 (XXIX), Тифлис, 1902, с. 53.

⁷ Тройно Ф. Н. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. Сб. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12—13, Ставрополь, 1971, с. 266—272.

⁸ Хоружев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971, с. 19.

⁹ Голубева Л. Г. «Калабий (Кешев А. Г.)» — Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. 5 (серия филологическая), Черкесск, 1965, с. 179.

¹⁰ Фроленко М. Ф. Собрание сочинений, т. 1, М., 1930, с. 86.

¹¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967, с. 560.

¹² Все эти факты заимствованы из статьи А. В. Попова «Учитель Н. И. Гулак». — В сб. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12—13, Ставрополь, 1971, с. 352—356. В 13-м томе БСЭ (2е изд.) о Н. И. Гулаке написано, что он с 1859 года и до конца жизни учительствовал в одесских учебных заведениях.

¹³ «Кавказский вестник», № 5 (XXIX), Тифлис, 1902, с. 39.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43—44.

¹⁵ «Кавказский вестник», кн. XXII, Тифлис, 1901, с. 5—6.

¹⁶ «Кавказский вестник», № 5 (XXIX), Тифлис, 1902, с. 1.

¹⁷ Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. Записки Кавказ-

ского отдела императорского русского географического общества, кн. XII, Тифлис, 1881, с. IV—VI.

¹⁸ Указ. соч., с. 1—2.

¹⁹ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, Тифлис, 1870, с. 1.

²⁰ Услар П. К. Этнография Кавказа, т. 1, Тифлис, 1887, с. 4.

²¹ Ахриев Чах. Экономический и домашний быт жителей Горского участка ингушского округа. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, Тифлис, 1870, с. 4.

²² Омаров А. Воспоминания муталима. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 2, Тифлис, 1869, с. 44.

²³ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами. Указ. соч., с. 22.

²⁴ Услар П. К. Этнография Кавказа, т. 1, Тифлис, 1887, с. 36.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 127, 133.

²⁶ Лейберов И. П. Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1976, с. 226.

²⁷ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, Тбилиси, 1868, с. 3.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 19, с. 426—429, 433, 435.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 131—132.

³⁰ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1. Составлен и издан под редакцией Н. И. Воронова, Тифлис, 1869, с. VI.

³¹ Там же.

³² Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, Тифлис 1868, с. 1.

³³ Там же, с. 1—2.

³⁴ Записки Кавказского отдела Русского географического общества, кн. VII, вып. 1, Тифлис, 1866, с. 1—78.

³⁵ Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. IV, с. 223—238.

Э. Д. МУЖУХОЕВА

**О ВЛИЯНИИ БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМ
60—70-х ГОДОВ XIX в. В РОССИИ
НА АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО
В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(на примере Чечено-Ингушетии)**

Исследованию административного и судебного устройства народов Северного Кавказа в пореформенный период посвящена соответствующая литература. Из работ дореволюционных авторов наибольшего внимания заслуживает двухтомный труд ✓ С. Эсадзе, который содержит значительный фактический материал по истории административно-судебных преобразований на Кавказе 60—70-х годов XIX века¹. Однако, являясь представителем дворянско-буржуазной историографии, автор не видит истинных причин, толкавших царизм к введению «гражданского» управления в крае, а объясняет это отеческой заботой метрополии о народах колониальных окраин.

Определенный фактический материал по теме дают работы об истории Терского казачьего войска².

В советской исторической науке проблемы пореформенного развития Чечено-Ингушетии подверглись научному исследованию с марксистско-ленинских методологических позиций. В целом ряде монографических работ и статей ставятся вопросы экономического развития края, такие как проведение крестьянской реформы, проявившейся в освобождении зависимых сословий, поземельное устройство горцев, введение податного обложения и некоторые другие, вопросам же административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во II половине XIX — начале XX в. посвящена кандидатская диссертация Ж. А. Калмыкова³.

Вопросы же административных и судебных преобразований 70-х годов не стали еще предметом специального изучения. Даже в «Очерках истории ЧИАССР» нет ни одного параграфа, в котором освещались бы эти вопросы⁴.

Можно отметить также, что во многих работах система управления горцами Терской области рассматривается изолированно от казачьего управления. А ведь административные преобразования 70-х годов были вызваны прежде всего необходимостью устроить быт казачества в новых исторических условиях. На этом мы будем останавливаться ниже.

Заключивая краткую историографию вопроса, следует назвать небольшую статью К. А. Кокурхаева, в которой автор с юридической точки зрения пытается проследить изменения правовой системы и судопроизводства чеченцев и ингушей, происшедшие во II половине XIX — начале XX века⁵.

Нам хотелось бы, насколько это возможно в объеме небольшой статьи, восполнить существующий пробел в изучении административных и судебных преобразований 70-х годов XIX века на территории Чечено-Ингушетии, рассмотреть причины введения нового гражданского управления, основные его черты, а также влияние на административное управление нашего края буржуазных реформ в России.

Отмена крепостного права в России и последовавшие вслед за тем буржуазные реформы явились, по словам В. И. Ленина, «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, чтобы убедиться в правильности этого положения»⁶.

Вслед за реформами в России на Северном Кавказе также были проведены некоторые буржуазные преобразования, кото-

рые, однако, были вызваны не столько внутренним развитием края и кризисом феодального способа производства, сколько развитием капитализма в самой России и необходимостью обеспечить его источниками сырья и рынками сбыта⁷, национальные окраины, таким образом, должны были заменить для России колониальные владения других стран⁸. Проведенные на Северном Кавказе преобразования явились как бы продолжением реформ в центральной России и были призваны способствовать более быстрому развитию российского капитализма.

Следует отметить, что к 70-м годам XIX века на территории Терской области не было единообразной системы управления для всего населения. Так, горцы находились в ведении военноподчиненной системы управления, которая сложилась в ходе так называемой Кавказской войны и законодательное утверждение которой относится к 1 апреля 1858 года⁹.

Сущность ее состояла в том, что вся территория, занимаемая горцами, была разделена на округа и участки (наибства), во главе которых стояли военачальники. Судопроизводство осуществлялось в народных судах (окружных и участковых) в составе депутатов от народа, кадия для производства дел по шариату и председателя (начальник округа). Казачество же, в отличие от горцев, управлялось на основании специальных о нем Положений, имело свой суд. Тяжебными же делами казаков и горцев занимались комиссии военного суда.

С провозглашением манифеста от 19 февраля 1861 г., предназначенного, в основном, для русского населения империи, встал вопрос о возможности применения основных его положений к казачеству, которое, как считали, уже сослужило свою службу государству, и «на очередь дня выдвинулись вопросы о развитии уже не военных, а гражданских в нем начал»¹⁰. Высказывались даже сомнения в полезности самого существования казачества как отдельного сословия.

Однако истинная причина проектируемых преобразований заключалась не в трогательной заботе царизма о казачьем населении, а в том, что существующие о нем законоположения были «вредны, потому что препятствовали водворению в войсках капиталистов и оживлению торговли и промышленности»¹¹.

В начале 60-х годов был составлен специальный комитет для устройства гражданского быта казаков. В 1865 году члены комитета заявили, что поскольку кавказские казачьи войска не занимают отдельной территории, а живут чересполосно с гражданским и горским населением, «не представляется возможности не только проектировать земские учреждения, но и судебное устройство, но что нет даже возможности изыскать средства к устранению затруднений по части полицейского надзора, по-

ка все население Предкавказья не будет подчинено одним общим учреждениям»¹².

В связи с этим администрация Терской области заявила о возможности одновременно с преобразованиями, намеченными в казачьих войсках, и горское население области подчинить общим гражданским законам. Тем более, что прошло уже десятилетие, как закончилась так называемая Кавказская война, и царизм признавал, что военно-народная система управления, возникшая как временная мера в период военных действий и представлявшая собой, по словам Г. Н. Казбека, состоянии, слишком похожее на то, «что называется военным положением, допускаемым в государстве лишь в исключительных случаях»¹³, должна была подвергнуться какому-то видоизменению.

Однако новая система, оставаясь по сути колониальной, призвана была служить потребностям экономического развития страны, для горцев же она подавалась как забота о развитии их гражданственности и благосостояния. Наместник Кавказа великий князь Михаил отмечал, что «потребность общения горцев с русскими так уже становится ощутительной, соприкосновение интересов так часто, что даже уже дальнейшее нахождение населения этих частей в ведении отдельной исключительной администрации, несмотря на все хорошие свойства этой администрации, становится скорее тягостью, чем выгодой для самих горцев, не говоря уже о неудобствах, пронизывающих от этой отдельности подчинения, в свою очередь, и для соседнего русского населения»¹⁴.

Колониальные власти понимали также, что без изменения существующей правовой системы и подчинения горцев хотя бы в некоторой степени общероссийским законам невозможно создание в их среде предпринимателей, к чему так упорно стремилось кавказское начальство.

Поощряя всякую предпринимательскую деятельность, которая должна была способствовать втягиванию горцев Кавказа в русло капиталистического развития, местная администрация даже представляла к награде медалями лиц, занимающихся торговлей в значительном размере, устроителей лесопильных заводов и др.

Некоторые из них даже ездили за покупкою товаров в Нижний Новгород¹⁵. В ходе подобных поездок, да и при всяком выходе горцев за пределы сельского общества, они вступали в различные отношения с другими группами населения, что крайне затруднялось при существовавшей военно-народной системе управления, при которой даже тяжёлые дела горцев и казаков разбирались в комиссиях военного суда.

Поэтому представленный в 1868 году наместником Кавказа

проект устройства Терской и Кубанской областей предполагал упразднить особые учреждения для гражданского, казачьего и горского населения, подчинив его общероссийским законоположениям. Разница должна была состоять только в отбывании повинностей. Например, гражданское население должно было отбывать рекрутскую повинность и вносить денежные подати на земские и государственные потребности, казаки — отбывать службу натурою по особому для них положению, горское население ограничивалось внесением одной денежной подати.

Хотя по территории и численности населения Терскую область можно было разделить на 4 уезда, но, учитывая неудобства путей сообщения и «не совершенно еще благонадежное состояние горского населения, требующего усиленного полицейского надзора»¹⁶, признавалось необходимым разделить ее на 6 административных единиц, назвав их округами. Все они должны были включать как гражданское, так и горское, и казачье население. Так, предполагалось образовать:

1. Нальчикский округ — из Кабардинского округа, гор. Георгиевска, 1 и 2 Волгских и горского казачьих полков;
2. Владикавказский — из 1 и 2 Владикавказского и 1 Сунженского казачьего полков, Осетинского и Ингушского округов и городов Владикавказа и Моздока;
3. Грозненский — из Моздокского, Гребенского и 2 Сунженского казачьих полков и Чеченского округа;
4. Аргунский — из Аргунского округа;
5. Веденский — из Ичкеринского округа и Западной части Нагорного округа;
6. Кизлярский — из Кизлярского казачьего полка, гор. Кизляра, Кумыкского и остальной части Нагорного округа¹⁷.

Государственный Совет при обсуждении проекта отметил, что он в общих чертах «вполне соответствует постоянному стремлению правительства постепенно устранять в присоединенных к России местностях такие отличия от общедействующих, которые уже не вызываются ни особенным положением, ни местными условиями края»¹⁸. Указом от 30 декабря 1869 года император утвердил положение о Терской и Кубанской областях.

Терская область образовалась из земель Терского казачьего войска, городов, селений, государственных и временнообязанных крестьян, солдатских слободок, колоний и горских округов Терской области. К ней же присоединялся г. Георгиевск. Она делилась на 7 округов: Владикавказский, Георгиевский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский¹⁹.

Как видим, в восточной части области был образован дополнительно к проектировавшемуся еще и Хасав-Юртовский ок-

руг, а с присоединением к области г. Георгиевска Нальчикский округ переименовывался в Георгиевский.

С января 1871 года приказано было открыть новые административные и судебные учреждения. В области вводилось гражданское управление. Однако здесь был допущен целый ряд исключений и отличий от общероссийских законов. Отличия эти выражались уже в самом названии — Терская область.

При обсуждении проекта члены Государственного Совета высказывались за то, что новые административные отделы Предкавказья следовало бы назвать не областями, а губерниями, разделив Терскую область не на округа, а на уезды. Это диктовалось тем, что управление их предполагалось образовать на основании общего губернского положения. К тому же название «область» применялось лишь на пограничных территориях. Однако наместнику удалось отстоять административные названия — область и округ²⁰.

Должность начальника области и наказного атамана казачьего войска соединялась в одном лице, за ним же оставалось и звание командующего войсками. Предполагалось, что до введения в области земских учреждений все делопроизводство и счетоводство по народному продовольствию, земским повинностям и дорожной части сосредоточивалось в областном правлении²¹.

Если введение судебных уставов 1864 года в казачьем и гражданском населении не встречало особых затруднений, то разбирательство дел мировой подсудности, возникающих среди горцев, возлагалось на окружные горские словесные суды, преобразовав их в связи с новым назначением. Определение времени введения мировых учреждений среди горцев предоставлялось наместнику²².

В области было образовано 7 горских словесных судов: Нальчикский (для кабардинцев), Владикавказский (для осетин), Назрановский (для ингушей), Грозненский, Аргунский и Веденский (для чеченцев), Хасав-Юртовский (для кумыков и погайцев)²³.

Как видим, на 7 округов было учреждено столько же судов, однако на Владикавказский округ приходилось 2 суда для разбора дел, возникших в среде осетин и ингушей, а в Кизлярском округе горского суда вообще не было, т. к. в его состав не входило горское население.

Судам были даны так называемые Временные правила для горских словесных судов Терской области, которыми они должны были руководствоваться в своей судебной практике. Уже самим названием этих Правил администрация хотела показать, что эти судебные учреждения являлись, по идее законодателя,

как бы переходной ступенью к общим судебным установлениям.

Действительно, подсудность горских словесных судов несколько расширялась. Так, в них могли разбираться отныне дела гражданские и уголовные, подсудные по Судебным Устам 20 ноября 1864 года мировым учреждениям, а также ряд преступлений, предусмотренных Уложением о наказаниях уголовных и исправительных и отнесенных Устами 20 ноября к ведомству окружных судов: 1) нанесение ран, увечья и смерти в ссоре или драке, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или причинить увечье и рану; 2) случайное, без намерения, нанесение смерти, увечья, ран или другого повреждения здоровья; 3) нарушение пределов необходимой личной обороны; 4) кража со взломом, а также при оружии, если цена похищенного не превышала 300 руб. и если кража совершена в первый или во второй раз; 5) похищение, растление и изнасилование женщин; 6) дела по предупреждению и прекращению, на основании местных обычаев, вражды и кровомщения, возникших вследствие необнаружения виновных в убийстве²⁴.

Однако, по сути дела, это были прежние окружные суды — несколько видоизмененные и переименованные. В состав суда, как и прежде, входили депутаты от народа, кадий для разбора дел по шариату. Председателем являлся представитель от окружной администрации.

О какой демократии и введении гражданственности могла идти речь, если в результате этих преобразований не произошло даже отделения судебной власти от административной? При разрешении любого судебного дела администрация могла грубо вмешиваться и оказывать давление на депутатов. Горцы имели право апелляции на неправильные решения суда, однако и в этом случае арбитром являлся администратор — начальник области, лицо не имеющее ни юридического образования, ни специальной подготовки.

Используя данное императором Александром II право применять «в видах надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления», постепенно те правила общего положения от 19 февраля 1861 года, которые окажутся соответствующими их обычаям и правам²⁵, наместником было издано 30 декабря 1870 года Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Аульные общества в административном отношении должны были иметь значение волостных; во главе каждого общества ставился старшина. Кроме него, сельское общественное управление составляли сельский сход и сельский суд. Мелкие аулы в горных мест-

ностях подлежали объединению по несколько в одно аульное общество²⁶.

Согласно Положению, сельский сход составлялся из всех совершеннолетних домохозяев, принадлежавших к составу сельского общества²⁷. Он собирался старшиной. Его ведению подлежали выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов, временное устранение от участия в сходе провинившихся жителей, назначение опекунов и попечителей, распоряжение общественными земельными угодьями, принадлежащими всему обществу, совещания и ходатайства об общественных нуждах, раскладка казенных и земских повинностей и др.²⁸

Сельские суды, которые по Положению в сельских обществах должны были вводиться в каждом аульном обществе, по кругу рассматриваемых дел в основном соответствовали волостным судам центральной России. Они решали все споры и тяжбы, возникавшие между жителями одного сельского общества, ценою иска до 300 руб.

Сельские судьи, как и помощники старшины и сборщики податей, избирались обществом. Старшина, согласно Положению, не имел права вмешиваться в дела сельского суда и присутствовать при обсуждении вопросов, если он не являлся одновременно и судьей²⁹.

Это давало некоторую, хотя и весьма относительную, независимость сельского суда. Отделение, пусть и в низшем звене управленческого аппарата, власти судебной от административной было бы шагом вперед к изменению режима, который существовал на Северном Кавказе, и о смене которого с пафосом писал наместник.

Однако, если сравнить новую систему управления с военно-народной, нетрудно заметить, что в жизни горского населения Северного Кавказа мало что изменилось. Как наследие военно-народной системы, сохранилось деление на округа и участки, которые, как правило, возглавлялись представителями армии и казачества. Правда, теперь в округе числилось вперемежку как горское, так и казачье, и гражданское население. Это способствовало более тесному общению трудящихся масс различных национальностей, их взаимовлиянию и культурному взаимообогащению.

Но отхлынула первая волна реформаторства в стране, и многие «благие» намерения паризма, которые на самом деле могли бы сыграть положительную роль в жизни народов, не воплотились в действительность, а так и остались на бумаге. Другие же, наиболее реакционные и имеющие полицейский характер, были введены.

Так, например, Положение о сельских обществах предусматривало назначение сельских старшин окружной администрацией. В течение нескольких лет после выхода этого документа сельские общества все еще продолжали выбирать старшин. Но этот пункт Положения не был предан забвению — к 80-м годам Терская администрация уже повсеместно пользовалась правом назначения старшин. Другое дело, когда речь шла о некоторых уступках и послаблениях со стороны начальства.

Обещанные горцам наместником Кавказа общие судебные установления были введены в 1871 году для осетин и, как писал в 1874 году начальник Терской области, «предполагался к упразднению горский словесный суд» в Хасав-Юрте для кумыков³⁰. Следом за ним должна была последовать отмена и других горских судов. Но ничего подобного не произошло. Все горские словесные суды, кроме Владикавказского, просуществовали вплоть до Великой Октябрьской революции.

Когда царизму это было необходимо, он находил множество отговорок и причин к тому, чтобы не дать обещанных прав. Как отмечалось выше, во всех аульных обществах предполагалось, по Положению, ввести сельские управления в составе сельского старшины, схода и сельского суда. И это обещание не везде претворялось в жизнь.

В большинстве чеченских и ингушских сел они очень долго не вводились. Если в других частях области сельские суды были введены почти повсеместно сразу же после выхода Положения, то в чеченских и ингушских селах и этого не было сделано. Опять-таки «временно» роль сельских судов должны были выполнять суды участковые.

Подобный шаг администрации можно было объяснить лишь ее желанием оставить и этот орган под своим непосредственным контролем, поскольку председательствование в участковых судах принадлежало начальнику участка. Начальник Веденского округа договорился до того, что просил начальника области участковые суды, как вполне подходящие своему назначению, «оставить без изменения»³¹.

Сельские правления были введены позже и только в наиболее крупных селах. А до тех пор «общественными делами через назначаемых сельских старшин» заведовали начальники участков³². При необходимости они созывали сходы, которые работали под их непосредственным руководством, и таким образом вершили все дела в участке. Им же принадлежало и заведование участками в полицейском отношении с присвоением прав и обязанностей уездных исправников³³.

Как видим, участковый начальник или, как называли его

ингуши, — «пристоп», являясь ближайшим представителем власти по отношению к населению, имел в своих руках большие полномочия. Недаром в ингушском народе родилась поговорка: «мы с приставом подрались — вначале пристав бил меня, а потом меня бил пристав».

Влияние судебных уставов от 20 ноября 1864 года сказалось еще на одной стороне жизни горского населения. Все дела, в которых одной стороной являлись горцы, а другой — лица, не принадлежащие к составу горского населения, подлежали разбору в общих судебных установлениях по общероссийским законам³⁴.

Это было положительным явлением, так как в данном случае горцы получали те же права, что и остальные граждане Российской империи. Подобный порядок способствовал сближению горцев с другими группами населения, помогал им видеть в России Отечество, порождал веру и надежду в то, что в будущем они станут полноправными гражданами ее. Но в целом, «хотя в пределах всего Кавказского наместничества и были введены судебные уставы 20 ноября 1864 года, но в разных частях края допущены столь существенные от них отступления, что объединение судебной организации являлось лишь мнимым»³⁵, — отмечал сенатор Рейнке Н. М., ревизовавший горские и народные суды Кавказа.

Из всего вышесказанного следует, что административно-судебные преобразования, проводившиеся царизмом в Терской области, и в частности в Чечено-Ингушетии, в целях еще большего подчинения Кавказского края интересам развивающегося капитализма, были непоследовательны и носили незавершенный характер.

Несомненно, отмена системы военно-народного управления и замена ее истинно гражданским управлением оказала бы положительное влияние на развитие всех народов Терской области. Но в результате проведенных здесь преобразований сохранилось от прежней системы так много элементов чисто военного характера и было введено слишком мало гражданского, что новое управление представляло собой лишь несколько видоизмененное военно-народное, еще более приспособленное к интересам царских властей.

Вместе с тем, административно-судебные преобразования в целом способствовали ломке замкнутости горских обществ, вовлечению их в русло капиталистического развития, сближению трудящихся масс края.

¹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тбилиси, 1907, т. 1—11.

² Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков,

1882: Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках. Тифлис, 1885; Восток Н. П. Казачье войско. Владикавказ, 1914.

³ Скитский. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. — Известия ЧИНИИЯЛ, г. 1, вып. 1, Грозный, 1959; Фадеев А. В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 11, вып. 1, Грозный, 1960; Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900). Грозный, 1963; Исаев С. А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне 50—60 гг. XIX в. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. IX, вып. 1, Грозный, 1974; Хасбулатов А. И. Сословный характер аграрно-административных реформ 60-х годов XIX в. в Чечено-Ингушетии. — Сб. «Вопросы истории классобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — нач. XX в.)». Грозный, 1980, Калмыков Ж. А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Автореферат кандидат. диссертации, Нальчик, 1975 и др.

⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 124.

⁵ Кокурхаев К. А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (II пол. XIX — нач. XX в.). — «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», т. XI, Грозный, 1977.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, с. 165—166.

⁷ Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, с. 38.

⁸ Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб., 1885, с. 75.

⁹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3047, л. 2 об.

¹⁰ Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках. Тифлис, 1885, с. 2.

¹¹ Там же, с. 52.

¹² ЦГИА Гр. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 3430, лл. 9 об. — 10.

¹³ Казбек Г. Н. Военно-статистическое описание Терской области, т. 1. Тифлис, 1888, с. XXXIII.

¹⁴ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской Армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб., 1870, с. 118; см. также: ЦГА СОАССР, ф. 224, оп. 1, д. 134, л. 4.

¹⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 3325, лл. 5 об. — 9 об.

¹⁶ Там же, д. 3430, лл. 23 об. — 24.

¹⁷ Там же, лл. 24—24 об.

¹⁸ ЦГА СОАССР, ф. 224, оп. 1, д. 134, л. 4 об.

¹⁹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 2096, лл. 1—1 об.; там же, ф. 545, оп. 1, д. 2834, лл. 148—148 об.; ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 1, л. 3:

²⁰ ЦГА СОАССР, ф. 224, оп. 1, д. 134, л. 5.

²¹ Там же, ф. 12, оп. 2, д. 1, л. 3.

²² Там же, л. 12.

²³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 2834, лл. 174—174 об.

²⁴ Эсадзе С. Указ, соч., т. 11, с. 89.

²⁵ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 1, л. 4.

²⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 3430, лл. 34—34 об.

²⁷ ЦГА СОАССР. Инвентарная книга № 352. Положения о сельских (аульных) обществах, и общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области, с. 2.

²⁸ Там же, с. 2—4.

²⁹ О сельском (аульном) суде. — Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894, с. 141.

³⁰ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 2, д. 124, л. 173.

³¹ Там же, д. 122, л. 81 об.

³² Там же, инвентарная книга № 598, список населенных мест Терской области.

³³ Там же, ф. 12, оп. 2, д. 1, л. 3 об.

³⁴ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 109 об.

³⁵ Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края. — Журнал министерства юстиции, 1912, № 1, с. 4.

Б. А. ТРЕХБРАТОВ

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОЧИЕ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(к вопросу о социально-экономических последствиях
вхождения народов Северного Кавказа в состав России)**

Основными задачами статьи являются: выявление главных источников формирования и пополнения сельскохозяйственного пролетариата, подсчет численности и анализ состава рабочих на Северном Кавказе¹.

Россия, вырвавшаяся в 60-х годах XIX века из тисков крепостного права, стала на путь капиталистического развития. Отмена крепостного права способствовала не только развитию капитализма во внутренних губерниях обширной империи, но дала толчок распространению его на новые территории. В. И. Ленин, характеризуя процесс развития капитализма вширь, писал: «В пореформенную эпоху происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России»². Из центральных земледельческих губерний население бежало в промышленные губернии «и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли»³.

Бескрайние степные просторы Предкавказья и большой спрос на рабочие руки являлись мощной притягательной силой для переселенцев. С конца 1867 г. по январь 1897 численность населения Предкавказья увеличилась на 2394 тыс. человек, или на 172,4%, при этом более чем наполовину (1587 тыс. человек) за счет притока извне.

Экономическому развитию края способствовало железнодорожное строительство. В 1875 г. вошла в строй Владикавказская железная дорога, соединившая Ростов-на-Дону с Владикавказом. В 1888 г. была построена железнодорожная ветка Тихорец-

кая — Новороссийск, которая дала прямой выход кубанскому хлебу на мировой рынок. В дальнейшем были введены в эксплуатацию железнодорожные линии Тихорецкая — Царицын (1898 г.), Екатеринодар — Кавказская — Ставрополь (1900 г.). Все это сильно ускорило экономическое освоение огромного края, способствовало расширению экономических связей Юга России с центральными районами империи и с зарубежными странами, втягивало его в пореформенную систему страны и в мировое товарное обращение.

Быстрыми темпами росли посевные площади под зерновыми хлебами в Степном Предкавказье. Так, в Кубанской области с 1875 по 1904 год они увеличились более чем втрое (с 805 тыс. до 2522,5 тыс. десятин); в Ставропольской губернии они выросли с 748 тыс. десятин в 1881 г. до 1714 тыс. десятин в 1904 году⁴. В Терской области посевные площади под озимыми и яровыми хлебами выросли с 1870 по 1904 год в пять раз (с 72 955 четв. до 363 649 четв.)⁵. Особенно быстрыми темпами увеличивались посевы кукурузы — основного товарного зерна Терка.

Бурно развивавшееся торговое земледелие умножало спрос на рабочие руки. Но особенно значительные требования на наемную рабочую силу поденщиков и сдельщиков предъявляло предпринимательское табаководство, интенсивно развивавшееся в пореформенную эпоху в Кубанской области и Черноморской губернии. В Кубанской области с 1870—1874 по 1895—1899 гг. количество десятин, занятых под табачными плантациями возросло почти в 12 раз (с 845 до 11 058 десятин)⁶.

В 1902 г. из 15 525 дес. табачных плантаций Кавказа 9264 дес. находилось в Кубанской области, 1116 дес. — в Черноморской губернии⁷. По количеству производимого желтого папиросного табака из высокосортных турецких семян Кубанская область занимала первое место в Российской империи. Из 2 228 544 пудов собранного в 1914 году папиросного табака на долю Кубанской области приходилось 940 743 пуда, а на Черноморскую губернию — 224 792 пуда, то есть на них приходилось более половины общероссийского сбора этой товарной продукции⁸.

Виноградари Терка в широких размерах производили на продажу виноград, вино и привлекали десятки тысяч рабочих-ногайцев, горцев и русских — для обработки виноградных плантаций в Кизлярском отделе и Хасав-Юртовском округе. В 1898 г. площадь под виноградниками в Терской области занимала 8758 дес.⁹ Увеличивались площади этой товарной культуры и в Кубанской области. Так, если в 1896 г. под виноградниками было занято 4223 дес., то через пять лет площадь под ними возросла до 7130 дес.¹⁰ В 1901 г. в Дагестанской области под виноградниками находилось 3509 дес.¹¹

Одним из последствий развития земледельческого капитализма на Северном Кавказе было изменение технической оснащенности сельского хозяйства. Северокавказские предприниматели обратились к усовершенствованным земледельческим орудиям и машинам с целью удешевления производства зерна и возмещения острой нехватки рабочей силы в разгар полевых работ.

В Ставропольской губернии с 1882 по 1905 год потребление усовершенствованных орудий увеличилось с 696,3 тыс. рублей до 9780,4 тыс. рублей¹². В Кубанской области в хозяйствах коренного и иногороднего населения в 1886 г. было около 30 тыс. усовершенствованных земледельческих машин и орудий; к 1904 г. количество их значительно возросло и составило около 455 тыс., то есть увеличилось более чем в 15 раз¹³. Для обслуживания таких машин и орудий, как паровые и коныные молотилки, сенокосилки, жатвенные машины, требовалась большая армия наемных рабочих. «Массовое употребление сельскохозяйственных машин, — отмечал В. И. Ленин, — предполагает существование массы сельскохозяйственных наемных рабочих»¹⁴.

В основе процесса формирования сельскохозяйственного пролетариата в изучаемом регионе, как и в стране в целом, лежало разложение крестьянства, которое раскалывалось на два характерных для капиталистического общества класса — буржуазию и рабочих. Формирование наемных сельских рабочих пошло всесловный характер.

Источником образования и пополнения сельскохозяйственных рабочих являлись крестьяне-переселенцы, казаки, горцы, кочующие народности, отставные солдаты царской армии и т. д. Но первенствующая роль в этом процессе принадлежала крестьянам-переселенцам из центральных губерний России, заселявших в пореформенные десятилетия северокавказские степи.

Замкнутое сословное казачье землевладение, неотчуждаемость войсковых земель задерживали процесс образования пролетарских кадров из среды казачества, создавали в то же время условия для более быстрой пролетаризации иногородних. Поэтому рост сельского пролетариата из рядов переселенцев намного опережал рост числа наемных рабочих из среды казачества.

Однако это вовсе не означало, что казачество не дифференцировалось, как это пытались доказать апологеты казачьей самобытности. Объективные законы развития капитализма разрушали и полуфеодальный уклад казачьей жизни. Казачество раскалывалось на два антагонистических класса — буржуазию и пролетариат, — с той лишь только особенностью, что темпы роста буржуазии здесь были выше, а темпы роста пролетариата — ниже, чем в центральных губерниях России.

Так, в Кубанской области в конце XIX в. кулацкие хозяйства составляли 14,0%, в то время как по Европейской России — только 9,1%. Вместе с тем, процент безлошадных и однолошадных казачьих дворов на Кубани был меньше, чем в Европейской России (39,5 против 59,5). Причем очень значительной была разница в числе безлошадных: 29,2% в Европейской России и 12,3% на Кубани¹⁵.

Расслоение казачества в различных районах области имело свои особенности. Так, в нагорной полосе отделение производителей от средств производства произошло гораздо сильнее, чем в степной части Кубани, на что имелись свои причины. В частности, горная местность не давала возможности казакам-переселенцам заниматься привычным земледельческим трудом; колонизация, часто принудительная, проводилась беднейшими слоями населения, в результате чего казаки потеряли на новом местожительстве многое из того, что раньше имели и с чем пришли на новое поселение, и слово «закубанец» стало синонимом бедняка.

В 1883 г., по официальным данным отчета начальника Кубанской области, в Закубанском уезде процент жителей, не имевших никаких средств для занятия хлебопашеством и промышлявших «поденными работами и заработками на стороне в старых станицах», равнялся 36, а в отдельных общинах он доходил до 88¹⁶. В начале XX в. к работе по найму прибегало более четверти мужской рабочей силы и около 28% женщин нагорных станиц Майкопского отдела Кубанской области¹⁷.

В начале 80-х годов XIX в 58% неоседлых иногородних Ейского уезда Кубанской области жили продажей своей рабочей силы¹⁸. В конце XIX в. в отдельных станицах области нанялись в батраки и поденщики от 57 до 78 процентов иногородних, не имевших оседлости. Среди оседлых иногородних процент продававших свой труд колебался от 13,1 до 24,4¹⁹. Уделом довольно большой части (от 32 до 48%) отставных, бессрочно и временно — отпускных воинов царской армии также являлась продажа своей рабочей силы сельским предпринимателям²⁰.

Интенсивно шел процесс «раскрестьянивания» в Ставропольской губернии. В 1894—1895 гг. социальные группы сельского коренного населения выглядели так: бедняки (безлошадные и однолошадные дворы) — 53,7%, середняки — 29,8%, кулаки (четыре- и более лошадные) — 16,5%. Здесь, как и в Кубанской области, мощной являлась кулацкая прослойка. Среди иногородних 81,5% хозяйств были бедняцкими и только 3,5 кулацкими²¹.

Значительное неравенство имело место среди кочевых народностей Ставрополья. Беднота, не имевшая скота или имевшая

его в недостаточном количестве, составляла в Ачикулакском приставстве 89,3%, в Трухменском — 72,8%, в Караногайском — 71%, в Больше-Дербентском улусе — 62,9%²². Продажа своей рабочей силы являлась главным «промыслом» беднейших кочевников, которые нанимались на работу по обработке виноградников по рекам Тереку и Куре, занимались пастбию скота и работами во время покосов и жатвы²³.

В Дагестанской и Терской многонациональных областях, где значительный процент занимали горцы, степень расслоения населения была выражена слабее, чем в Степном Предкавказье. Если в Кубанской области в 1897 г. 9,8% хозяйств имели постоянных наемных рабочих, то в Терской области — только 4,6%, а в Дагестане — 3,4%²⁴. Но процесс дифференциации не мог не затронуть и этих районов. В середине 80-х годов XIX в. в Дагестанской области беднота (безземельные и малоземельные — до 3-х десятин — хозяйства) составляла 61,8%, богатые крестьянские хозяйства, имевшие более 10 десятин пашни и по 20 голов скота (в переводе на крупный рогатый) составляли 4,6%. Но эта небольшая группа дворов концентрировала у себя значительную долю средств производства — 23,4% всех пахотных земель, почти 30% поголовья овец и коз, примерно столько же лошадей и значительную долю других видов скота²⁵.

Население Терской области, как казачье, так и горское, добывало средства к жизни почти исключительно земледелием и скотоводством. Поэтому вопрос о величине земельного надела приобретал здесь особенно важное значение для суждения об экономической силе населения. При малом наделе невозможно держать много скота, невозможно израсходовать силы семьи для обработки собственного участка и целиком прокормиться с него.

Наиболее обеспеченным в земельном отношении являлось казачье население (средний надел на душу мужского пола 21,3 дес.). Обилие земли у казаков породило здесь явление совершенно неизвестное массе крестьянского населения России: казачьи семьи часто были не в состоянии обрабатывать свои земельные пай собственными силами и прибегали к найму пришедших рабочих, отдавали излишки земли в аренду.

Среди аборигенов наибольшие наделы имели кумыки. Однако кажущаяся большая величина надела (15,2 дес. на мужскую душу) не должна вводить в заблуждение, так как северная часть кумыкской плоскости представляла собой голую степь или болото, 24% всей земли являлись неудобными. У кабардинцев средний надел составлял 8,37 дес., у осетин, ингушей и чеченцев, живших на плоскости, земельные наделы соответственно равнялись 5,4 дес., 4,2 дес. и 4,11 дес. В нагорной полосе Тер-

ской области имело место очень острое малоземелье. Наделы горных осетин составляли 0,82 дес., ингушей — 1,8 дес. и чеченцев — 1,23 дес.²⁶.

Даже зажиточные горские семьи могли обеспечить себя хлебом с собственных участков земли только на 5—6 месяцев в году, но, как правило, собственного хлеба хватало не более чем на два месяца. В нагорной полосе Терека только 14% населения были обеспечены землей. Другими словами, из 187-тысячного горского населения нагорной полосы Терской области 161 тыс. являлась избыточными жителями. По подсчету местного исследователя, избыточное население составляло у горцев Кабарды 67%, у осетин — 88%, у ингушей — 89%, у чеченцев — 90% и салатавцев — 91%²⁷.

Необходимо отметить, что неудобные земли горных ингушей составляли почти половину всей наделной земли и состояли почти исключительно из каменных скал и лишенных всякой растительности пространств. Поэтому для определения размеров душевого надела правильнее будет брать в расчет только удобные земли, в число которых входили пахотные, сенокосные угодья, выгон и все клочки, занимаемые под сады, огороды и усадьбы. При таком ограничении наивысший земельный надел на наличную душу у горных ингушей составлял только 1,5 дес. (в Джераховском обществе), а средний не превышал 1 дес.²⁸.

К этому следует добавить, что в каждом горном обществе было много лиц, владевших землей лишь номинально, а в действительности совершенно безземельных. Малоземельные и безземельные горцы существовали заработками и арендой земли на плоскости и, в редких случаях, в соседних горных аулах. Работали обыкновенно за годовое прокормление, а землю арендовали на плоскости за плату от трех до пяти руб. за десятину, в горах же — из половины урожая. Однако аренда земель, как отмечал местный исследователь, была обставлена для горных ингушей такими тяжелыми условиями, что не могла представлять собою счастливого выхода из бедственного положения, а давала возможность населению «лишь как-нибудь протянуть свое жалкое существование»²⁹.

Недостаточным было земельное обеспечение чеченцев. Сравнивая чеченские наделы с нормальными, исчисленными по нижней продовольственной норме в 5 дес. на наличную душу, корреспондент официальной газеты «Терские ведомости» отмечал, что 20 сельских обществ из 55 имели надел ниже указанной нормы. Если учесть, что многие чеченские земли не могли давать хорошего урожая без орошения, которое было недостаточно, то придется признать, что и во многих из остальных 35 аулов земельный надел был ниже нормального.

Но как ни незавидно положение плоскостных чеченцев в отношении их земельных владений, оно считалось вполне удовлетворительным по сравнению с положением горцев. Горные чеченцы имели земли почти в 3,5 раза меньше плоскостных (1,23 дес. на наличную душу мужского пола), причём колебания во владениях отдельных лиц простирались от 0,05 до 5,3 дес. Землевладение в размере 0,05 дес., то есть 120 кв. саженьей, совершенно неизвестное ни русскому крестьянину, ни многим горцам Северного Кавказа, не составляло редкого явления в горной Чечне.

Следует подчеркнуть, что при таком остром малоземелье качество земельных угодий в горах было очень невысоко. Земли многих горцев были разбросаны чересполосными участками на значительные расстояния один от другого, нередко лепились по неимоверным крутизнам и имели в большинстве случаев тонкий слой почвы, нанесенный на участок руками самого владельца. Бывали случаи, когда ливень и град в горах сразу уничтожали не только посев, но и всю почву участка и лишали владельца его земельного состояния³⁰. Как справедливо заметил Н. П. Гриценко, «колоннальная политика царизма превратила Чечню и Ингушетию в край нищеты и голода, обрекла рядовых чеченцев и ингушей на вымирание»³¹.

Значительное расхождение существовало по владению скотом. У казаков Терека в конце 80-х годов XIX в. четверть всех хозяйств не имела лошадей. У горцев количество безлошадных хозяйств было еще более значительным и достигало в среднем 43,7%. Правда, безлошадность на Северном Кавказе не имела того значения, которое она приобрела в центральных губерниях России, так как хозяйственную роль здесь играли в основном быки, а лошадь очень редко употреблялась для полевых работ и нужна была преимущественно для верховых поездок.

Наибольший процент безлошадных хозяйств (60,3) был в Чечне. Число их понижалось в горах до 48,3% и повышалось на плоскости до 66,7%. «Вероятно, чеченцы, — замечал корреспондент местной газеты, — являются единственной народностью в России с столь высоким процентом безлошадных»³². При неравномерном распределении лошадей чеченцы к тому же были очень бедны ими. Лошадей в Чечне почти в два раза меньше, чем вообще у горцев и у осетин, в 2,5 раза меньше, чем у казаков, в три раза меньше, чем у русских крестьян и в пять раз меньше, чем у кабардинцев.

Значительное неравенство существовало у караногайцев Кизлярского отдела Терской области. 240 караногайских семейств (4%) сосредоточили в начале XX в. в своих руках все поголовье верблюдов, 70% лошадей, 55% овец и 40% рогатого

скота, в то время как на долю остальных 5700 хозяев (96%) приходилось только 34% скота. Причем 540 семей (9%) совершенно не имели скота³³. Около 40% калмыков жили исключительно продажей своей рабочей силы³⁴.

Вследствие слабого развития капиталистических отношений в горных районах Северного Кавказа горская беднота не находила достаточных возможностей для продажи своей рабочей силы на месте, поэтому горцы вынуждены были или соглашаться на кабальные условия найма, или спускаться с гор и идти в отхожие промыслы в соседние более развитые губернии.

В начале XX в. из Дагестанской области уходило для заработков до 82 тыс. человек, или более половины трудоспособного мужского населения аула³⁵. В Терской области отходничество было развито меньше. В конце XIX — начале XX в. уходило в отход из Сунженского округа 1840 чел., из Хасав-Юртского округа — 1200—2085 чел., из Нальчикского округа — 3 тыс. человек³⁶. Кизлярские виноградники Терской области привлекали от трех до 12 тысяч рабочих горцев, ногайцев и русских³⁷. В степных районах Кубани и Ставрополья отходничество практически отсутствовало.

Десятки тысяч отходников-горцев и кочующих народностей Северного Кавказа, работая на полях и плантациях рядом с русским трудовым людом и рабочими других национальностей, жили одними интересами трудового народа, приобщались к революционной борьбе за социальное и национальное освобождение. В этом заключалось прогрессивное значение отходничества, которое «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»³⁸.

Развитие капитализма приводило к тому, что и в сельском хозяйстве формировались кадры постоянных рабочих. Всероссийская перепись населения 1897 г. учла таких рабочих на Северном Кавказе 103 870 чел., в том числе на Кубани — 61 628 чел., в Ставрополье — 22 015 чел., на Тереке — 13 986 чел., в Дагестане — 5147 чел. и в Черноморской губернии — 1094 чел.³⁹

Однако сам характер сельскохозяйственного производства, заключавшийся в сезонности большинства земледельческих работ, обуславливал наем не только постоянных, но и временных — поденных, месячных, сдельных и т. п. — рабочих. Кроме того, на протяжении всего пореформенного периода наиболее развитые районы Северного Кавказа постоянно нуждались в большом количестве пришлых рабочих из центральных губерний России, так как местные пролетарии не могли полностью удовлетворить спрос на наемный труд.

Уже в предреформенные годы в Черноморью приходило в

летние месяцы не менее 15 тыс. косарей⁴⁰. Летом 1880 г. на Кубань пришло 58,5 тыс. косарей и гребцов⁴¹. В первое пореформенное десятилетие только в 11 волостях Ставропольской губернии приходило из внутренних губерний России 162 240 рабочих⁴². Количество приходящих на время весенне-летней страды рабочих ежегодно увеличивалось вплоть до начала 90-х годов XIX в. Наибольший приток их на Северный Кавказ наблюдался в голодные 1891—1892 годы, когда число пришедших рабочих составляло свыше полумиллиона человек⁴³.

В середине 90-х годов потребность в пришедшей рабочей силе была еще значительной. Для Кубани она определялась в 150—300 тыс. человек, для Ставрополья — в 40—80 тыс. человек, а для Терской области потребность в них была невелика — 1,5—5,5 тыс. человек⁴⁴.

В начале XX в. прилив земледельческих рабочих на Кубань и Ставрополье ослабевает и составляет для Кубанской области примерно 100 тыс. человек⁴⁵, а для Ставропольской губернии — 13 тыс. человек. Это было связано с ростом рядов местного пролетариата, увеличением числа усовершенствованных земледельческих машин и орудий, развитием капитализма «вглубь» в центральной России, усилением переселенческого движения в Сибирь и другими причинами. В Терскую область количество приходящих рабочих увеличивается и составляет, правда, по преувеличенным данным, более 32 тысяч человек⁴⁶.

Чем больше развивался капитализм в земледелии, тем больший спрос был на женский труд. По переписи 1897 г. на Северном Кавказе было занято в сельском хозяйстве 19 002 женщины-работницы (18,3% всей рабочей силы). Из них 17 510 человек приходилось на Степное Предкавказье (92,1%) — район наибольшего развития капитализма в земледелии.

Следует отметить, что применение женского труда в различных отраслях сельского хозяйства было неравномерным. Наибольшая потребность в нем ощущалась на табачных плантациях, где женский труд составлял $\frac{2}{3}$ общего количества рабочих.

С ростом капиталистических отношений увеличивался спрос на детский труд. Привлечение детей и подростков обоим пола к участию в общественном производстве К. Маркс считал «прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы»⁴⁷.

Различные районы Северного Кавказа втягивались в русло капиталистического развития неодновременно и поэтому отличались чрезвычайным разнообразием форм найма и эксплуатации рабочей силы в сельском хозяйстве. В капиталистически развитых районах Северного Кавказа (на Кубани и в Ставрополье) формы найма рабочих были «очень оригинальны и весьма харак-

терия для капиталистического земледелия. Все те полупатриархальные, полукабальные формы работы по найму, которые так часты в среднечерноземной полосе, — здесь отпадают. Остаются одни только отношения нанимателей к нанимающимся, одна торговая сделка по купле-продаже рабочей силы»⁴⁸.

У горских и кочевых народностей Северного Кавказа, слабо развивших еще капиталистические формы найма за деньги, было распространено ортачество — наем пятилетних батраков с оплатой долей стада и его приплода. Разновидностью ортачества, распространенного главным образом в Карачае и Балкарии, являлось ласдзаранство у осетин, хотонщичество у кочевых народностей.

У горных чеченцев существовал обычай заключать соглашения между хозяевами, имеющими скот, и бесскотными. Имела место отдача в условную «аренду» овец (по-чеченски «дадяладжавоту»), а также отдача коров («дадяла-хейлп-воту») и телок годового возраста. Срок такой аренды продолжался обыкновенно три года. Например, Муса Мажиев из селения Итум-Кали отдал своему односельцу 17 овец с тем, чтобы через два года тот возвратил ему 17 овец взрослых с добавлением половины приплода за это время⁴⁹. Таким образом, «арендатор» скота являлся фактически пастухом, работающим из половины приплода.

В горной Ингушетии разновидностью ортачества являлась древняя форма под названием «фоат» — сдача скота владельцам на несколько лет в «арендное» пользование другому хозяину⁵⁰.

В горной полосе распространен был наем батраков и поденщиков «за харчи» и «за одежду», преобладала оплата труда натурой.

Таким образом, вхождение народов Северного Кавказа в состав России ускорило проникновение в их хозяйство и быт капиталистических отношений. «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»⁵¹.

Капитализм нес народам Северного Кавказа новые, более прогрессивные отношения и новые формы эксплуатации. Степень применения наемного труда в сельском хозяйстве — этого главного показателя капиталистического земледелия и скотоводства — была неодинаковой в различных районах Северного Кавказа. Наибольшей высоты она достигла в типичном районе земледельческого капитализма — Степном Предкавказье.

В горских районах, отличавшихся слабым развитием капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве, наемный труд часто выступал в завуалированном виде. Горские районы представляли собой огромный резерв пауперизированной рабочей силы, не находившей себе применения в своих областях и вынужденной искать заработков на стороне в качестве отходников.

Горцы рабочие-отходники, трудясь рядом с русскими рабочими и пролетариями других национальностей, не только перенимали более передовой трудовой опыт трудящихся России, но и втягивались в революционную борьбу всех угнетенных масс Российской империи за свое социальное и национальное освобождение. В этом состояло одно из самых важных прогрессивных последствий вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

¹ Дореволюционная и советская историография темы, источники и методология освещены автором в книге «Наемный труд в сельском хозяйстве юга России в период капитализма». Краснодар, 1980 г. и в статье «Сельскохозяйственные рабочие юга России в советской историографии». — В кн.: Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 2, Грозный, 1980, с. 115—119.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 591.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 227—228.

⁴ Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. — «История СССР», М., 1959, № 6, с. 52; Отчет начальника Кубанской области (ОНКО) за 1904 г. г. Екатеринодар, 1905, с. 92; Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906 г., с. 3.

⁵ ЦГА СОАССР, ф. 14, оп. 1, д. 590, л. 3 об. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1904 г. (сокращенно — ОНТО). Владикавказ, 1905, с. 78.

⁶ ГАКК, ф. Р-984, оп. 1, д. 83, л. 31.

⁷ Кавказский календарь на 1904 год. Тифлис, 1903, с. 89—90.

⁸ Отрыганьев А. Л. Табаководство в Кубанском крае. Екатеринодар — Армавир, 1919, с. 3.

⁹ ОНТО за 1898 год, Владикавказ, 1899, с. 95.

¹⁰ «Кубанский календарь на 1898 год». Екатеринодар, 1898, с. 75; «Кубанский календарь на 1903 год». Екатеринодар, 1902, с. 97.

¹¹ Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972, с. 69.

¹² ГАСК, рукописный фонд, нив. № 2349. Обзор Ставропольской губернии за 1882 год, с. 1; Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906, с. 6.

¹³ Обзор Кубанской области за 1886 год. Б/г, б/м изд. Приложение № 1; «ОНКО» за 1904 год, Екатеринодар, 1905, ведомость № 13.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 227.

¹⁵ Данные по Кубани охватывают 68 тыс. хозяйств четырех отделов. См.: Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX века. «Труды Кубанского пединститута». Т. 1 (IV). Краснодар, 1930, с. 100, 103, 104. Данные по Европейской России взяты у В. И. Ленина (см.: Полн. собр. соч., т. 3, с. 138).

¹⁶ ГАКК, ф. 460, оп. 1, д. 213, л. 86—86 об.

¹⁷ Македонов Л. В. Хозяйственное положение района станций Баракаевской, Камешномостской и Севастопольской Кубанской области. — «Кубанский сборник», т. IX, Екатеринодар, 1902. с. 34.

¹⁸ ГАКК, ф. 460, оп. 1, д. 213, л. 92 об.

¹⁹ ГАКК, ф. 214, оп. 1, д. 118, т. 2, лл. 262—263, 268—269; Кирьянов П. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание — «Кубанский сборник», т. 9, 1903; г. Екатеринодар, 1902, с. 141

²⁰ ГАКК, ф. 454, оп. 7, дд. 206, 437, 862, 1281, 1388; ф. 460, оп. 1, дд. 59: 136, 153; ф. 418, оп. 1, д. 265.

²¹ ГАСК, ф. 80, оп. 1, дд. 16, 19, 22, 79, 220.

²² «Ставропольские губернские ведомости», 1879, № 35.

²³ ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1078, лл. 126—126 об.

²⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Кубанская область. СПб. 1904, с. 4—5; Терская область. СПб, 1904, с. 4—5; Дагестанская область, СПб, 1905, с. 4—5.

²⁵ Мелешко А. Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября. — «УЗ Дагестанского НИИ истории, языка и литературы имени Г. Цадаасы», т. IV. Махачкала, 1958, с. 33—34.

²⁶ «Терские ведомости», 10 сентября 1895 г.

²⁷ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912, с. 259—260; «Терские ведомости», 29 июня 1912 года.

²⁸ «Терские ведомости», 10 марта 1891 года.

²⁹ Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк. — «Терский сборник». Кн. 2. Владикавказ, 1892, с. 107—108.

³⁰ «Терские ведомости», 5 декабря 1893 года.

³¹ Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900 гг.). Грозный, 1963, с. 76.

³² «Терские ведомости», 24 сентября 1895 года.

³³ «Терские ведомости», 4 декабря 1912 года.

³⁴ «Терские ведомости», 12 января 1910 года.

³⁵ Обзор Дагестанской области за 1906 год. Темир-Хан-Шура, 1908, с. 20.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 25, дд. 1216—1223.

³⁷ ЦГА ЧИАССР, ф. 14, оп. 1, д. 154, лл. 27—27 об. В другом месте отмечается, что в разгар резки винограда работою занято до 20 000 рабочих. См.: л. 16 об., указ. дела.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 576.

³⁹ «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», т. 1, СПб, 1906. Приложение.

⁴⁰ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту, СПб., 1858, с. 112.

⁴¹ Щербяна Ф. А. Рабочие на Кубани. — «Дело». СПб., 1884, № 4, с. 5—6.

⁴² Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 11. Ставрополь, 1870, с. 156—157.

⁴³ Только к началу августа 1892 г. с Северного Кавказа через Ростов и Таганрог проследовало на родину 475 тыс. рабочих. См.: «Прназовский край», 30 июля и 2 августа 1892 г.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 4, д. 2325, л. 7 об.; ф. 1290, оп. 6, д. 414, д. 7 об.; ЦГА ССАСР, ф. 12, оп. 2, д. 208, л. 16.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1233, оп. 1, д. 374, л. 670; ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 2983, лл. 83—97; «Кубанские областные ведомости», 6 октября 1902 г.

⁴⁶ Тезяков Н. И. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих на юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2.

(Рынки найма сельскохозяйственных рабочих в областях войска Донского и Северного Кавказа с санитарной стороны), СПб., 1902, с. 2; 92.

47 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. с. 16, с. 197.

48 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 239.

49 Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. — «Терский сборник», вып. 7, Владикавказ, 1910, с. 107.

50 Христианович В. П. Горная Ингушетия. К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов-на-Дону, 1928, с. 94.

51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АХМАДОВ Шарпудин Бачуевич** — кандидат исторических наук, заведующий сектором истории СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.
- АХМАДОВ Явус Зайндиевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.
- ВИНОГРАДОВ Виталий Борисович** — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР.
- ГРАНОВСКИЙ Бернард Борисович** — музыковед-исследователь, педагог, кандидат искусствоведческих наук (г. Москва).
- ГРИЦЕНКО Николай Павлович** — доктор исторических наук, профессор кафедры СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, заслуженный деятель науки РСФСР и ЧИАССР.
- ГУСЕИНОВ**
Гаруп-Рашид Абдулкадырович — кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого.
- ИСАЕВА Таус Ахъядовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

МАГОМАДОВА

Тамара Сайпудиновна

-- старший преподаватель кафедры истории СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского государственного университета Л. Н. Толстого.

МУЖУХОЕВА Эльза Джунидовна

-- младший научный сотрудник сектора истории СССР дореволюционного периода Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

ТАТАЕВА Светлана Вахаевна

-- искусствовед, преподаватель музыкальной школы при Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

ТРЕХБРАТОВ Борис Алексеевич

-- кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета.

УМАРОВ Серафдин Цуцаевич

-- кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социологии и научного атеизма Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

ХАСБУЛАТОВ

Асланбек Иманович

-- кандидат исторических наук, декан исторического факультета Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого.

ШАВХЕЛИШВИЛИ

Абрам Ибосвич

-- кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора народов Северного Кавказа Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР МИД СССР	— Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР
АКАК	— Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР
ВУА	— Военно-ученый архив
ВЯ	— Вопросы языкознания.
ГААО	— Государственный архив Астраханской области
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края
ГАСК	— Государственный архив Ставропольского края
КБНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
РО библиотеки им. В. И. Ленина	— Рукописный отдел Центральной государственной библиотеки им. В. И. Ленина
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СОНИИИЯЛ	— Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СССК	— Сборник статистических сведений о Кавказе
ССТО	— Сборник сведений о Терской области
ИКОИРГО	— Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества

ОНКО	— Отчет начальника Кубанской области
ОНТО	— Отчет начальника Терской области
УЗ. Даг. НИИИЯЛ
им. Г. Цадасы	— Ученые записки Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы
ЦГАДА СССР	— Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГА ДАССР	— Центральный государственный архив Дагестанской АССР
ЦГА КБАССР	— Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР
ЦГА СОАССР	— Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
ЦГА ЧИАССР	— Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР
ЦГИА Гр. ССР.	— Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЧИННИИЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы
ЧНИИСФ	— Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии.
ЧОИДР	— Чтения общества истории и древностей России.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII в.	9
Магомадова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI—XVII вв.	23
Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии (XVI — первая половина XIX в.)	38
Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Начало вовлечения Чечено-Ингушетии во всероссийский рынок	44
Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века	57
Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке	69
Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Акт 21 января 1781 г. — важнейшее событие в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (архивные документы)	104
Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией. (К характеристике русско-чеченских языковых контактов дооктябрьского периода)	113
Грановский Б. Б. К истории русско-чеченских фольклорных музыкальных связей	124
Татаева С. В. К вопросу о записях и публикациях произведений чеченского музыкального фольклора в первой половине XIX в.	141
Гриценко Н. П. Русские просветители XIX века среди кавказских народов	147
Мужухосва Э. Д. О влиянии буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. в России на административное и судебное устройство в Терской области (на примере Чечено-Ингушетии)	163
Трехбратов Б. А. Сельскохозяйственные рабочие Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. (К вопросу о социально-экономических последствиях вхождения народов Северного Кавказа в состав России)	174
Краткие сведения об авторах	186
Список сокращений	188

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ И НАРОДАМИ КАВКАЗА В XVI — НАЧАЛЕ XX в.

Редактор А. А. Ковалев.
 Технический редактор В. В. Шепелева
 Корректоры Н. П. Арустамова, А. В. Евтушенкова
 Художник Х. А. Акиев

Сдано в набор 13.VIII 1981 г. Подписано к печати 17.XII 1981 г. СФ03123
 Формат 64x84 1/16. Бумага типографская № 2. Объем 11 п. л. Уч.-изд. л. 10,7
 Тираж 800 экз. Заказ № 6244
 Типография имени И. Н. Заболотного Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров ЧИАССР, 364021, Грозный,
 ул. Интернациональная, 12/33. Цена 1 р. 65 к.